

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Р.Г. ЛАНДА

**ИСТОРИЯ
ТУНИСА
XX ВЕК**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Р. Г. ЛАНДА

ИСТОРИЯ ТУНИСА XX ВЕК

МОСКВА
2017

ББК 66.3(6Ту)6

Л 22

Ланда Р. Г.

Л 22 История Туниса. XX век. Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2017. – 220 с.

ISBN 978-5-89282-747-8

В книге последовательно рассматриваются этапы исторического развития Туниса на протяжении XX века. Показана роль Франции и воздействие метрополии на политику, культуру и язык Туниса, который с 1881 г. по 1956 г. находился под ее протекторатом.

В годы Второй мировой войны Тунис был оккупирован фашистской Германией. Несмотря на это, тунисцы продолжали длительную и тяжелую борьбу за независимость во главе со своим лидером Хабибом Бургибой. В 1956 г. страна добилась независимости, а в 1956 г. стала Тунисской Республикой, получившей членство во всех международных организациях.

© Р. Г. Ланда, 2017

© Институт востоковедения РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Первое знакомство (вместо введения).....	4
Глава 1. Тунис накануне XX века.....	6
Глава 2. Протекторат и младотунисцы.....	24
Глава 3. Последствия Первой мировой войны и перемены в тунисском обществе.....	30
Глава 4. «Итальянская опасность».....	35
Глава 5. Партия Дустур, левые и Мхамед Али.....	46
Глава 6. Бургиба и бургибизм.....	62
Глава 7. Вторая мировая война и ее воздействие на Тунис.....	77
Глава 8. От политики «почетного компромисса» к вооруженной борьбе	98
Глава 9. Внутренняя автономия, независимость, республика.....	117.
Глава 10. Дустуровский социализм, или «эксперимент Ахмеда Бен Салаха».....	126
Глава 11. Реванш либералов и их поражение.....	138
Глава 12. «Революция жасминов».....	157
Глава 13. Исламизм в Тунисе.....	166
Глава 14. Начало XXI века в Тунисе и метаморфозы «арабской политической весны».....	179
Примечания.....	191
Resume.....	219

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО (вместо введения)

Тунисцев я увидел впервые летом 1957 г., во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Их было трое – сдержанный коренастый Мухсин, ироничный эрудит Абд аль-Малик, смешливый и стремительный Халид. Жизнерадостные и приветливые, они знакомились с первого слова, веселились от души и танцевали без усталости. Мне хорошо запомнился Мухсин, лихо отплясывавший в компании чешских юношей и девушек нечто среднее между лезгинкой, «яблочком» и ритуальным танцем африканских воинов. Недалеко от него Халид беззаботно болтает с двумя смущенно улыбающимися русскими девушками, а чуть приотставший от него Абд аль-Малик что-то внушает делегату из Британской Гвианы*, которого он только что впервые увидел.

Потом все трое соберутся вместе и начнут подшучивать друг над другом, особенно над Мухсином, сыном рабочего из Сфакса (второго по величине порта Туниса). Дружья опасались, что Мухсин, влюбленный в дочку богатого торговца, женившись, «попадет в плен буржуазной идеологии». Все они учились во Франции, в университете Гренобля, и, как большинство арабских студентов во Франции того времени, придерживались левых, а то и крайне левых взглядов. Впрочем, это меньше относилось к Мухсину, интересовавшемуся в основном не теориями, а вопросами практической жизни, и к Халиду, которого везде и всюду интересовали прежде всего девушки. Мне тогда, как и многим москвичам, не очень нравилось «позитивное» отношение наших юных соотечественниц к хлынувшему в Москву потоку хорошо ухоженных и со вкусом одетых молодых иностранцев. Но Халид меня успокоил: «Что ты говоришь? У вас тут – монастырь! Вот побывал бы ты в Дании или Польше!».

Мухсин и Халид собирались после окончания учебы вернуться в Тунис, но Абд аль-Малик колебался: «А если я не согласен с тем, что делается у меня на родине?». Причем это свое несогласие он

* Бывшая британская колония, которая теперь называется Гайана.

не скрывал, открыто высказывая его перед другими членами тунисской делегации, принадлежавшими к правящей партии. Один раз я присутствовал при таком его выступлении. Причем он говорил так убедительно, что из явно ему не сочувствовавшей аудитории никто ничего ему не мог возразить. Правда, это было время расцвета молодой тунисской демократии, поднявшейся после десятилетий колониального гнета Франции, и абсолютная свобода слова была характерна для первых лет независимости Туниса.

Для меня общение с моими тунисскими друзьями запомнилось на всю жизнь. Это был первый опыт непосредственного контакта с арабами, первый повод проверить мое знание арабского и французского языков (весьма несовершенное), первая возможность услышать от самих арабов, что же они сами думают о событиях на их родине. Но фестиваль кончился, и мои друзья уехали. Их дальнейшая судьба мне неизвестна. Только один Абд аль-Малик прислал через полгода письмо из Гренобля, в котором сообщал, что женился, намерен скоро вернуться в Тунис и рад, что именно наша страна запустила первый искусственный спутник Земли и «весь мир поэтому смеется над американцами», грозившими нас опередить.

С тех пор прошло почти 60 лет. Я встречался с тунисцами разного положения и в Москве, и в Тунисе, однако всегда невольно сравнивал всех представителей этой страны – политических деятелей, профессоров, историков, журналистов – с тремя скромными студентами 1957 г., а свои впечатления от пребывания в Тунисе – с их рассказами о своей родине.

ГЛАВА 1

ТУНИС НАКАНУНЕ XX ВЕКА

На туниССкой банкноте достоинством в 10 динаров изображен великий арабский историк и философ XIV в. Абд ар-Рахман Ибн Халдун, на банкноте достоинством в 5 динаров – великий полководец древности Ганнибал, на монетах в 1 динар и меньше – Хабиб Бургиба, свыше 20 лет руководивший борьбой за независимость страны, за что его и называли «Верховный борец», и свыше 30 лет правивший независимым Тунисом в качестве президента. Отстраненный от власти в 1987 г., Бургиба прожил еще 12 лет и умер не так давно, в 1999 г., в возрасте 96 лет. Ганнибал, Ибн Халдун и Бургиба – это три символа различных эпох в истории страны, которая в античный период была Карфагеном, величайшей морской и торговой державой Средиземноморья, в Средние века стала Ифрикийей (т.е. «Африкой» по-арабски), а в Новое и Новейшее время именуется Тунисом (от слегка измененного арабами названия финикийского города Тунет, ставшего столицей страны). ТуниССы хорошо помнят и знают свое прошлое. Но сегодня их гораздо больше волнует настоящее и особенно будущее.

По мнению известного знатока Туниса Мишеля Камо, само понятие о государстве Тунис появилось в XIV в. одновременно с рождением Ибн Халдуна и окончательно утвердилось с победой освободительного движения, породившего «Тунис Бургибы» со всеми его «особыми» чертами туниССианства, дистанцирующегося от мистики сплочения «мусульманской Уммы, или арабской нации» с целью «создания нового общества»¹. Что же такое Тунис по мнению самих туниССев? Издание госсекретариата информации республики отвечало на этот вопрос в 1975 г. так: «Предпочтительное географическое положение в самом центре Средиземноморья. В основном ровный рельеф и километры песчаного побережья открытого моря. Мягкий и теплый климат. Несколько тысячелетий истории гостеприимного и великодушного народа, часто противостоявшего вожделениям захватчиков»².

Государство занимает выгодную геостратегическую позицию в центре средиземноморского бассейна и довольно близко от Европы (до Сицилии – всего 130 км). Площадь этой сравнительно небольшой страны 164,2 тыс. кв. км. Относительно населения сведения не столь точны: по переписи 1975 г. оно составляло 5572 тыс. (в том числе 50,4% мужчин), а по оценке 2005 г. – около 10 млн³. Население Туниса растет чрезвычайно быстро: в 1921–1971 гг. оно утроилось. Среди тунисцев преобладают молодежь (56,5% в 1971 г.) и жители городов – 50,4% (в Судане горожан 10%, в Индонезии – 17%, в Гане – 31%)⁴. Денежная единица, принятая в Тунисе, динар, приравненный к 1000 старых французских франков, но вскоре отделившийся от них ввиду девальвации французской валюты и приравненный к 90 центам США⁵.

Тунис – арабская страна, т.е. страна арабского языка и культуры, но в ней также широко распространены и французский язык и французская цивилизация, охватывающая значительную (возможно – преобладающую) часть тунисской интеллигенции, получившей образование во Франции, Бельгии, Швейцарии, Канаде, а также – во многих университетах Туниса, Алжира и Марокко с преобладанием преподавания на французском языке. Кроме французского жители пользуются итальянским языком ввиду давних позиций географически близкой к Тунису Италии и наличия итальянской диаспоры в Тунисе. Несмотря на существенное сокращение итальянской (как и французской, мальтийской и др.) диаспоры, на улицах тунисских городов можно услышать итальянский и прочитать на нем вывески и объявления (число которых, по наблюдениям автора, резко сократилось с 1962 по 2001 г.). Один из каналов телевидения Италии официально является и тунисским (по крайней мере, был им в 60-е годы).

Когда-то тунисское общество называли «мозаичным», так как человек определялся в нем (вплоть до середины XIX в. во многих случаях) не по гражданству или нации (которых еще не было), а по принадлежности к тому или иному племени, этнической группе или религиозному братству. Однако постепенно все эти различия стирались в ходе борьбы разных группировок за власть в очень медленно создававшемся государстве. Из трех направлений раннесредневекового ислама – суннизма, шиизма и хариджизма – в стране окончательно победил суннизм (много взявший из местного «народного» ислама)⁶. Шиизм во всех его

разнообразиях был искоренен, а от хариджизма к настоящему времени уцелели лишь немногочисленные общины ибадитов (умеренных сторонников хариджитов) в основном среди берберов острова Джерба⁷. Точно так же лишь отдельные общины местных христиан («афарика», т.е. африканцев) постепенно исчезли к XIV в. Ныне христианами в Тунисе являются лишь приезжие европейцы-католики, численность которых только в 1956–1966 гг. уменьшилась с 255 до 33 тыс., а число церквей – с 90 до 7⁸.

Значительно изменилось и этническое разнообразие тунисцев. Вторжение в XI в. арабских племенных союзов Бану Хиляль и Бану Сулайм привело к практическому исчезновению берберов, частично ассимилированных, частично истребленных, частично вытесненных завоевателями в горы Алжира и пески Сахары⁹. Арабизации и исламизации подверглись также группы населения, говорившие на латинском и пуническом (т.е. финикийском) языках. Все это происходило на фоне ожесточенной (особенно в XI–XIII вв.) борьбы за господство над страной между различными арабскими и берберскими племенами, пришедшими из Сицилии норманнами, немного позднее Испанией Габсбургов и Османской империей, в конце концов завоевавшей Тунис в 1574 г. Установленная османами власть опиралась прежде всего на янычарский «очаг» (корпус), формировавшийся из жителей в основном недавно завоеванных османами стран Кавказа и Восточной Европы, не связанных ни языком, ни общностью происхождения. Поэтому среди янычар Туниса, так же как среди прибывших из Османской империи турок по рождению и турок по «профессии», используя термин Ш.-А. Жюльена (по происхождению черкесов, грузин, греков, мальтийцев, венгров, славян), довольно быстро распространились «язык, привычки и образ жизни коренного населения». Тем более что для многих из них нищенствование на Балканах или бандитизм на Корсике, Сицилии или в Калабрии были привычными занятиями, в сравнении с которыми пиратство и связанная с ним работоторговля казались более доходным и престижным «бизнесом»¹⁰.

Важное место в жизни Туниса XVI–XVIII вв. занимали мориски – потомки мавров, т.е. жителей арабо-мусульманской страны Аль-Андалус¹¹. Цивилизация Аль-Андалуса играла ведущую роль на западе Средиземноморья, так же как цивилизация Византии – на востоке этого региона. Традиции материальной и духовной культуры Аль-Андалуса живы до сих пор: это – около 4 тыс. арабских слов в языках Иберийского

полуострова (кастильском, португальском, каталанском, галисийском), это – общепризнанное влияние арабов на поэзию, фольклор, музыку, архитектуру, художественные ремесла и эстетику Испании и Португалии. Более того, в Средние века цивилизация Аль-Андалуса была связующим звеном между Западной Европой и Магрибом (а также Сицилией и Провансом) во всем, начиная с философии и медицины и кончая художественными вкусами и представлениями¹². Недаром видный знаток Магриба Роже Ле Турно писал, что уже в XI в. магрибинцы при активном участии выходцев из Аль-Андалуса (моряков, торговцев, архитекторов и воинов, основавших на севере Африки такие города, как Оран, Бенгази, Дерна и др.) активно строили то, что «позднее стало именоваться испано-мавританской цивилизацией»¹³. Сегодня получить о ней наглядное представление можно, взглянув на внутренние дворики (патио) и прихотливо изогнутые узкие улицы Кордовы, Севильи или Гранады, на колокольни испанских соборов, похожих на минареты, на стиль «мудехар» в испанском искусстве и зодчестве, на орнаментальное многоцветие керамических узоров и броскую раскраску дверей, окон и крыш Испании. А если к тому же ознакомиться со стилем фламенко, построенным на типично восточных ритмах и мелодиях танца, песни и музыкального сопровождения, то, пожалуй, не останется никаких сомнений по поводу вхождения наследия Аль-Андалуса в качестве неоспоримого компонента в цивилизационное своеобразие иберийских государств, а также испытавших их значительное влияние стран Магриба и Латинской Америки¹⁴.

Наследники цивилизации Аль-Андалуса, традиций и обычаев ислама, существовавших на Иберийском полуострове около 800 лет (с 711 до 1492 г.), мориски были насильно обращены в католицизм¹⁵. Фактически, однако, они сохраняли свою специфику и жестоко преследовались за это испанскими властями и инквизицией, в конце концов добившихся изгнания морисков из Испании, Португалии (входившей тогда в состав Испании) и испанских владений того времени (Сицилии, Сардинии, Балеарских и Канарских островов, Южной Италии, крепостей на севере Африки – Сеуты, Мелильи, Орана, Мерс аль-Кебира и др.). Всего было изгнано 275 тыс. из примерно 300 тыс. или 319 тыс. морисков¹⁶. Наиболее образованные и приобщенные к испанской культуре мориски из Арагона поселились примерно в 30 городах и селениях Туниса, из них 40 тыс. – в столице страны и примерно

столько же – в остальных местах, в том числе в основанных морисками городах Громбалийя, Джедейда, Загуан, Меджез аль-Баб, Сайяда, Слугийя, Тебурба и особенно Тестуре, которому посвящена обильная арабская, испанская и французская литература¹⁷.

В Тестуре и сегодня можно увидеть типично андалусские дома с цветными черепичными крышами и окнами, выходящими во внутренний дворик. Здесь же получило особое развитие выращивание гранатов и абрикосов, урожаями которых Тестур славится по всему Магрибу. С XVIII в. посещающие Тестур иностранцы любят его мечети, куполами, порталами, мавзолеями марабутов (местных святых), декоративной кирпичной кладкой, называя его «прекрасным цветущим городом мавров Андалусии»¹⁸. Автору этих строк довелось несколько раз побывать в другом городе морисков – Загуане – и восхищаться его мозаичными панно, играющими в лучах солнца «машарабийя» (цветными решетками изысканных форм), красной и зеленой черепицей, покрывающей многоскатные крыши, надвратные арки, верхнюю часть стен и оград, красивыми фонтанами XVII в. и замечательными мельницами, которыми любовался в XVIII в. француз Дефонтэн и которые уже в XX в. подробно описал маститый тунисский историк Хасан Хусни Абд аль-Ваххаб (сам – потомок старинного рода эмигрантов из Аль-Андалуса), сравнивший их с творениями мастеров Кордовы X–XI вв.¹⁹

Мориск Ибрахим ибн Ганим аль Марбас в XVI в. долго служил в испанском флоте и не раз бывал в Америке, потом бежал в Тунис, при штурме Малаги попал в плен на 7 лет и по возвращении в Тунис стал каидом (начальником) Ла-Гулетты, главного военного порта страны. Он написал несколько трудов, в том числе трактат об артиллерии, признанный во всей Османской империи. При чем писал он по-испански, т.е. «на языке, известном всем на земле Аль-Андалуса» (мориски говорили на испанизированном варианте арабского диалекта Аль-Андалуса, так называемом алькамиадо, но писать по-арабски обычно не могли, ибо в Испании не было школ, учивших арабскому языку). Мориски охотно воевали с «неверными», ибо опасались экспансии европейского корсарства, грозившего Тунису экономическим удручением²⁰. Но они также занимались военным делом, горя жаждой мести испанцам, а также опасаясь развала страны вследствие необходимости бороться не только с испанцами, англичанами, генуэзцами и другими противниками, но и с разными группировками внутри Туниса, опиравшимися на янычар из Стамбула,

мамлюков из Египта. Особенно мориски опасались раисов (корсарских капитанов) и шедших за ними пиратов, обычно из «мевлед – руми» (т.е. «урожденных христиан», попавших в плен и принявших ислам). Да и внутри всех этих групп кипело соперничество: одних лишь деев, командовавших янычарами, за XVII в. сменилось 24! Анархия горцев и кочевников дополняла и усложняла картину²¹.

Мориски в Тунисе отличились не только в военном деле и строительстве крепостей, но и в торговле и работоторговле с Генуей, Венецией, Ливорно и Провансом, в судостроении и выделке оружия. Ими были сооружены крупнейшая военноморская база и арсенал в Гар аль-Мельхе, они же внесли заметный вклад в городское строительство и развитие сельского хозяйства и всей экономики страны. Лучший знаток проблемы андалусийцев в Тунисе Абд аль-Джалиль Темими перечисляет следующие заслуги морисков: прекрасное изготовление одежды, лодок, высококачественного оливкового масла, выращивание первосортных овощей и фруктов, изготовление духов и шапий (национальных головных уборов в виде плоских круглых шапочек) разной окраски (обычно от 500 тыс. до 1 млн штук в год). Их считали лучшими строителями мечетей и ирригационных сооружений, цветоводами, сочинителями стихов и музыки, особенно традиционных еще в Аль-Андалусе мувашшахов, т.е. стихотворений с «опоясывающей» рифмой, исполнявшихся под музыку оркестра специального состава²².

Процесс ассимиляции морисков (как и прибывших в Тунис до них в XI–XV вв. эмигрантов из Аль-Андалуса) проходил медленно: Тунис был гораздо меньше по территории и населению, чем другие арабские страны, принявшие эмигрантов, в нем было больше горожан (20% против 5% в Алжире и Марокко). Среди горожан тон стали задавать андалусийские пришельцы как носители более высокой культуры и обладатели многих ценных профессий (архитекторов, оружейников, ирригаторов, агрономов, садоводов, инженеров, художников и т.п.). Поэтому и сплоченность их, и влияние в Тунисе были значительнее, чем в других странах, и дольше сохранялись. И это был не просто факт коллективного самосознания (сохраняющегося среди андалусийцев Магриба до сих пор), но и чувство определенной социальной общности, скрепленной традициями культуры, происхождения, во многих случаях профессиональной солидарности и совместной деятельности, построенной, по мнению доцента

университета Сиены Федерико Крести, на «артистической тонкости», близкой к эстетике итальянских мастеров художественных ремесел²³.

В г. Солиман в XVIII в. из 900 семей треть считала себя «андалусскими маврами». Даже в 1860 г., т.е. через 250 лет после прибытия в Тунис, в г. Тестур проживали 59 налогоплательщиков, считавших себя «андалусцами», а в Загуане было 25 таких «андалусцев». По некоторым данным, их общины сохранялись в ряде городов до конца XIX в., составляя от 14 до 34% всех горожан, к ним же относились и 21 человек из 407 самых известных тунисцев XIX в.²⁴ Поэтому не вызывает удивления сохранение в Тунисе до 1886 г. учрежденного в XVII в. поста «шейха андалусцев», т.е. главы общины морисков. Занявший этот пост в 1622–1654 гг. Мустафа Карденас (по-арабски Карданиш Бен Абд аль-Азиз) был богатым владельцем 30 тыс. оливковых деревьев, эксплуататором труда 300 рабов-христиан, торговцем сахаром и зерном, который был связан бесчисленными контрактами с купцами Генуи, Марселя, Триполи. Его сменили другие богачи, однако не имевшие политического таланта и широты размаха Карденаса. К тому же к середине XIX в. Тунис переживал экономический упадок, что сказалось и на положении, и на поведении потомков андалусцев, терявших вместе с состояниями и социальными связями влияние и положение в обществе. Однако британский историк Джон Лэтэм отмечал, что и в это время сохранялось богатство архитектуры и культурных традиций выходцев из Аль-Андалуса, Хасан Хусни Абд аль-Ваххаб подчеркивал их вклад в экономику и в возрождение «вкуса к искусству, учебе и наукам», а историк и искусствовед Слиман-Мустафа Збис (сам потомок эмигрантов из Аль-Андалуса) указывал на их позитивную роль в сохранении, насколько это было возможно, экономического динамизма тунисцев²⁵.

Среди потомков андалусцев были министры, например влиятельный в XVIII в. Сиди Махмуд, крупные предприниматели, в частности монополизировавший торговлю шестиями клан Хаддадов, духовные лица, подобные ханифитскому муфтию Абуль-Аббасу аш-Шарифу аль-Андалуси, политики, каковым был Абуль-Хасан ан-Нави, потомок легендарного гранадского рода Ибн Сарраджей, занимавший пост накыб аль-ашрафа (мусульманский вариант «предводителя дворянства») и основавший в 1625 г. медресе Андалусийя. Не забыты в Тунисе и архитекторы-мориски Ибн Галиб аль-Андалуси, Сулейман ан-Нигро,

выходцы из рода Бланко. Именно они ввели в столице Туниса грациозный «андалусский стиль», в котором выстроили кварталы Бига (от «Вега» – долина по-испански) – зона садов у стен города, Муркад (от «Меркадо» – рынок), Баб аль-Джазира с мавзолеем святого марабута Сиди Али аль-Андалуси и Баб аль-Хадра с андалусским кладбищем. Слиман-Мустафа Збис считает, что с тех пор элегантность в одежде, гастрономические вкусы и шик морисков стали господствовать среди горожан Туниса²⁶.

Андалусцы были далеко не единственной этнической общиной в Тунисе, но они были наиболее сплоченными в социальном и культурном отношении. Остальные этносы быстро теряли свою самобытность, хотя и сохраняли в какой-то степени (чаще всего в очень малой) свои «общинные партикуляризмы»²⁷. Это иногда помогало выжить в довольно жестокой борьбе за власть, которая развернулась в Тунисе вскоре после включения его в состав Османской империи. Оттеснив в ходе этой борьбы янычарских начальников-деев, властью с 1610 г. овладели беи, неоднократно отождествлявшие свои полномочия с таковыми назначавшихся из Стамбула пашей. Начиная с Мурад-бея Корсо, правившего в 1612–1631 гг., должность бея была монополизирована кланом корсиканских «ренегатов» Мураидов. При них Тунис стал фактически независимым, хотя и оставался (номинально) частью Османской империи. Им противостоял род «мевлед-руми» греческого происхождения – Хусейнидов. Глава этого рода военачальник Хусейн бен Али, воспользовавшись отстранением Мураидов в 1702 г., стал беєм в 1705 г. и основал свою династию, правившую до 1957 г. Но более 250 лет этого правления вовсе не были беспроблемными: Хусейн бен Али вел непрерывную борьбу со своим племянником Али-пашой, который оспаривал место наследника правителя у сыновей бея от генуэзской пленницы. Али-паше удалось с помощью алжирцев (Тунис вел нескончаемые войны с Алжиром, навязывавшим тунисцам свой протекторат) захватить и обезглавить Хусейна бен Али в мае 1740 г. и самому занять его место²⁸.

Правление Али-паши (1740–1756) было отмечено частыми конфликтами с Францией, строительством школ и дворцов, вспышками внутренних противостояний, одним из которых воспользовались алжирцы для свержения и казни Али-паши. Его сменил Мухаммед, сын Хусейна бен Али, правивший всего три года, за которые он сумел восстановить мир внутри страны и наладить отношения с иностранцами. Сменивший его на троне

брат Али-бей (1759–1782) заключил торговые договоры с Францией, Англией, Испанией, Голландией и Австро-Венгрией, имевшей тогда выход к Средиземному морю через свои балканские и итальянские владения²⁹.

Сын Али, Хамуда-бей (1782–1814), сумел добиться равноправия в отношениях с Европой, развернул строительство дворцов и мечетей, расформировал корпус поднявших мятеж янычар. При нем наблюдался экономический подъем, рост земледелия, ремесел и мануфактурного производства. Но все это было нестабильно ввиду пестроты социальной базы, конкуренции различных группировок политико-религиозного характера, отражавшей нестыковку различных форм собственности и общественных отношений. Племенные и общинные земли «арш», государственная собственность «бейлик», частная собственность «мульк», религиозное имущество «хабус» имели разный юридический статус, регулировались разными законами и не образовывали единого рынка. Товарные отношения преобладали лишь на побережье, а внутри страны доминировали натурально-патриархальные и феодальные отношения. Феодальная элита, формировавшаяся из верхушки арабских и берберских (в той или иной стадии арабизации) племен, бюрократия бейского аппарата, обильно пополнявшегося из «мевлед-руми» преимущественно греко-славянского и итальянского происхождения и мамлюков из Египта, главным образом кавказцев, а также андалусийцев, постепенно обретала общие черты, интересы и линию поведения. В начале XIX в., считает историк Шарль-Андре Жюльен, «бей и его должностных лиц можно уже было рассматривать как прирожденных тунисцев»³⁰.

При всей своей относительной экономической слабости Тунис был в начале XIX в. наиболее социально развитым государством Магриба и даже в ряде случаев успешно конкурировал с торговцами Италии, Франции и Испании в бассейне Средиземноморья. Например, торговля с Марселем контролировалась 150 тунисскими коммерсантами, почти вытеснившими европейцев. Но торговля и судоходство процветали лишь до прихода к власти Махмуда-паши (1814–1824) и Сиди Хусейн-бея (1824–1835). Их правление ознаменовалось усилением консервативных тенденций, возрождением корпуса янычар и должности мухтасиба (религиозного цензора), упадком торговли и ремесел ввиду роста налогов и введения государственных монополий. Упадку содействовали также неурожай, эпидемия

чумы, сокращение доходов от таможни и прекращение пиратства в связи с морскими экспедициями Англии и Франции к берегам Туниса в 1816 г. и 1819 г. Попытки военно-технической и хозяйственной модернизации с помощью Франции лишь усилили зависимость от нее. «Особые отношения» с ней по договору 1830 г. превратили Тунис в «сферу влияния» Франции, которая несколько раз в 1836–1841 гг. мешала османскому флоту восстанавливать контроль Стамбула над Тунисом³¹.

В то же время Тунис поддержал завоевание Алжира Францией, исходя из вечного соперничества с ним (в основном для Туниса неудачного). Тунисские беи даже соглашались управлять Алжиром совместно с французами. Внутри страны управление было налажено с помощью 60 кайдов (вождей), назначавшихся беям главами областей и опиравшихся на 2 тыс. шейхов (старейшин), ответственных за сбор налогов и «поддержание порядка» в провинциальных городах и зонах расселения племен. И тем не менее, примерно треть страны была фактически независимой и не контролировалась бейской администрацией³².

При Ахмед-бее (1837–1855) Тунис неуклонно шел на сближение с Францией, все больше попадая в зависимость от нее. Была отменена работорговля, запрещено пиратство, ужесточен сбор налогов, формально – на проведение реформ и модернизацию жизни страны, фактически же – на престижные траты династии (армию, аппарат, строительство дворцов). Кроме того, народ не понимал смысла реформ, возмущался процветающей в стране коррупцией и периодически восставал. Восстания подавлялись, но после каждого из них авторитет властей снижался. Эпидемии, неурожаи, стихийные бедствия дополнялись виртуознейшим воровством. В 1852 г. закрылся государственный банк, так как его управляющий генерал Бен Айяд сбежал с остатками наличности. Вследствие этого все предприятия страны закрылись, так как нечем было платить заработную плату их работникам. В то же время Ахмед-бей сформировал армию нового образца численностью в 26 тыс., восстановил военный флот, пригласил для службы в них турецких и французских офицеров. Он открыл в 1838 г. военно-инженерное училище, строил новые фабрики и заводы, поощрял изучение иностранных языков, приглашая в страну все новых и новых иностранцев. Тунисская знать стала одеваться по-европейски. Все это стоило немалых денег, которые бей и его преемники занимали у держав Запада, не думая о последствиях³³.

А последствия свелись к тому, что, когда долг Туниса в 1869 г. в 19 раз превысил его годовой доход, над страной был установлен надзор Международной контрольной комиссии (фактически Франции, Англии и Италии), которая стала распоряжаться финансами Туниса. А нищета народа, как и коррупция в стране, продолжали расти и вызывали все большее возмущение, тем более что в Тунисе все знали о недостойном поведении правителей. Мухаммед-бей (1855–1859) больше, чем о делах государства, заботился о своих 1200 (!) танцовщицах-одалисках. Сменивший его Мухаммед ас-Садок (1859–1883) страдал запойным алкоголизмом и пристрастием к однополый любви, заставлявшей его бездумно покровительствовать своим фаворитам в ущерб государственным интересам. К тому же оба эти бея, как, впрочем, и Ахмед-бей, находились под сильным влиянием своего премьер-министра и казначея Мустафы Хазнадара. Этот выходец из мамлюков греческого происхождения, казнокрад и коррупционер, был фактическим хозяином Туниса в 1837–1873 гг. и проводил политику, угодную западным державам, умело играя на слабостях своих повелителей и на своих личных связях с ними (с Ахмед-беем он дружил с детства)³⁴.

Даже робкие попытки реформ ничего не давали. В 1860 г. была построена государственная типография и началось издание первой тунисской газеты «Ар-Раид ан-тунси» («Тунисский руководитель»). 23 апреля 1861 г. была даже принята первая тунисская конституция «Ахд аль-аман» («Фундаментальный пакт»). В этом тексте провозглашались «принципы, формально исходившие из модели современного западного государства». Но на деле новым в этом документе было лишь учреждение «Великого Совета», избиравшегося по жребию из списка знатных лиц страны. При этом этот Совет имел лишь совещательные функции. Но даже эта политическая декорация была отменена в 1864 г., не выдержав поразившего страну финансового и социального кризиса, имевшего чудовищные последствия: население Туниса за 70 лет сократилось в 3 раза, составив к 1881 г. не более 900 тыс. человек. На все это тунисцы реагировали множеством локальных восстаний, происходивших в разное время, а также наиболее мощным, буквально всенародным, восстанием 1864–1865 гг., во главе которого стоял Али Бен Гедахума, опиравшийся на суфийское братство Тиджанийя. Впервые в истории Туниса восстание охватило всю страну и объединило самые разные племена и группы населения. Однако оно не носило национального

характера (ввиду отсутствия сформировавшейся нации в стране в то время), не выдвигало лозунгов независимости, поскольку «повстанцы не имели четкого понятия» о ней. В сущности, они выступали за «старый порядок», против «новшеств» (т.е. непонятных им реформ) и «в защиту ислама от христианского врага». Восстание было разгромлено, открыв путь к дальнейшему превращению Туниса в полуколонию Западной Европы³⁵.

Последним препятствием на этом пути стала деятельность возглавившего правительство страны в 1873–1877 гг. генерала Мухаммеда Хайреддина-паши. Хайреддин (1826–1889), мамлюк из черкесов, стал проводить политику «просвещенного абсолютизма» и «оздоровления» администрации, сопротивления европейскому господству и восстановления бюджетного равновесия. Он, как и его единомышленники (в частности, министр общественных работ генерал Хусейн, тоже черкес по происхождению), старался пресечь коррупцию и распределить среди крестьян пустующие земли государства и феодалов. Он же, проявляя заботу о развитии образования, провел реформу религиозного университета Аз-Зитуна и, что особенно важно, основал в 1876 г. национальный колледж Садыкийя, ставший впоследствии главным центром воспитания тунисской национальной интеллигенции³⁶.

Однако Хайреддин не имел опоры в среде политической элиты Туниса. Как сторонника реформ его ненавидели единомышленники Хазнадара и традиционалисты, считавшие его «агентом европейцев». В свою очередь, европейцы, соглашавшиеся на частичную модернизацию Туниса, вовсе не хотели превращения его в жизнеспособное современное государство. К тому же им не нравилось стремление Хайреддина опереться на поддержку Османской империи. В 1877 г. Хайреддин был уволен в отставку и уехал в Стамбул, где занял пост великого везира Османской империи. В Тунисе же его заменил зять и фаворит бея ничтожный Мустафа Бен Исмаил³⁷.

На Берлинском конгрессе 1878 г. британский премьер лорд Солсбери, желая отвлечь внимание Франции от Египта, который англичане готовились оккупировать, сказал французской делегации: «Берите Тунис, если хотите». То же самое предложил французам и германский канцлер Отто фон Бисмарк, желавший переключить интересы Франции с Европы (где она собиралась вернуть себе захваченную немцами Эльзас-Лотарингию) на колонии, а также столкнуть Францию с Италией,

претендовавшей на Тунис с 1870 г. Итальянские компании успешно конкурировали с французами в Тунисе, а итальянские эмигранты, давно обосновавшиеся здесь, даже издавали с 1838 г. газету «Джорнале ди Тунизи э ди Картаджине». Но Франция, получив «добро» от Англии и Германии, решила не медлить с захватом Туниса, использовав при этом одно из столкновений на границе Туниса с Алжиром³⁸.

24 апреля 1881 г. французский корпус генерала Жюля-Эмэ Бреара начал вторжение в Тунис. Армия бея никакого сопротивления ему не оказала. Формально французы вошли в Тунис, дабы уладить «банальное дело о краже скота» и «восстановить порядок и безопасность на границе и на побережье». Безопасность на побережье выразилась в установлении контроля французов над Бизертой – наиболее укрепленной и выгодно расположенной в центре Средиземноморья военно-морской базой. 12 мая 1881 г. во дворце бея в Бардо (пригороде столицы) Мухаммед ас-Садок под прямой угрозой низложения подписал с Францией заранее подготовленный текст договора о согласии на оккупацию страны французами, о передаче Парижу права обеспечивать порядок и безопасность в Тунисе, а также права заключать от имени Туниса соглашения и договоры с другими государствами³⁹.

Сдача беем всех позиций, закономерно вытекавшая из его предшествовавших этому шагу действий, вызвала всеобщее возмущение в стране. Все слои населения, за исключением составлявших окружение бея мамлюков, выступили против капитуляции, отозвавшись на призыв марабутов к джихаду. Всеобщее восстание во главе с кайдом Габеса шейхом Али бен Халифой длилось до декабря 1881 г., а на юге страны – еще год (при скрытой поддержке османов). В конце 1882 г. повстанцы, а с ними 140 тыс. беженцев (примерно 1/7 населения) отступили на земли Триполитании. Часть их через 2–3 года вернулись на родину⁴⁰. Подавив восстание, французы навязали новому правителю Туниса Али-бею (1882–1900) конвенцию в Ла-Марсе в 1883 г., в которой было не только согласие на договор 1881 г. в Бардо, но и следующее высказывание: «С целью облегчить французскому правительству осуществление протектората его высочество Бей Туниса обязуется провести те административные, юридические и финансовые реформы, которые французское правительство сочтет полезными». В этой фразе впервые было использовано слово «протекторат». Поэтому конвенция 1883 г. именуется конвенцией о протекторате Франции над Тунисом⁴¹.

Формально, в отличие от ранее завоеванного Алжира, в Тунисе сохранялись внешние признаки суверенитета – традиционная монархия, бейская династия Хусейнидов и даже подчиненный ей чиновничий аппарат. Но реально вся власть перешла в руки назначаемого Парижем министра-резидента (до 1985 г.), а потом – генерального резидента и подчиненных ему начальников административных управлений, фактически выполнявших функции министров. Образцом для будущих генеральных резидентов послужил первый из них Пьер Поль Камбон, опытный дипломат и либеральный республиканец, умело ограничивавший попытки бея использовать свои «законные права», а заодно и претензии военных (во Франции тогда опасались реакции бонапартистов, весьма влиятельных во французской армии, часть которой разместилась на юге Туниса в целях борьбы с мятежными бедуинами). Жестко управляя Тунисом в 1882–1886 гг., Камбон поставил страну под контроль «гражданской» администрации, т.е. министерства иностранных дел Франции, которому непосредственно подчинялся. Он также сумел почти полностью лишить британских и итальянских конкурентов влияния на финансовое положение Туниса, превратив весь внешний долг Туниса в единый заем у Франции в сумме 125 млн франков. Генеральный (тогда еще министр-резидент) резидент стал одновременно политическим представителем Франции и высшим чиновником протектората, которому помогали назначаемый беєм (теоретически) премьер-министр и два министра-тунисца, а также 10–12 французских глав тех или иных управлений. Но в действительности и бей, и его министры зависели от генерального резидента, а тот – от решений Парижа. Всю централизованную систему власти возглавлял «штаб французских бюрокра́тов, чье влияние простиралось от бейского дворца до самого низшего уровня администрации на местах». Страна была разделена на 5 регионов (за исключением «военных территорий Юга»), те – на 19 областей во главе с гражданскими контролерами-французами. Далее шло деление на традиционные каидаты, а в сельской местности – шейхаты. Каиды и шейхи подбирались из местной знати. Специальный статус имели 59 муниципальных общин, ведавших самоуправлением в городах. Каиды и шейхи ведали сбором налогов и охраной порядка в селах. Их назначал бей по рекомендации генерального резидента, а помогавшая им «туземная жандармерия» находилась «в тесном контакте с французскими полицейскими надзирателями»⁴².

«Судебная система Туниса была также реформирована, как и вся администрация, и функционировала под контролем французов». Законы шариата о браке и наследстве заменялись принципами гражданского кодекса Франции, так же как и законы о собственности. Решения шариатских судов были недействительны для немусульман. Вплоть до Первой мировой войны на территории Туниса располагался французский корпус (включая Иностранный легион) численностью до 25 тыс. военнослужащих. Тунисцы были обязаны служить во французской армии, в том числе во всех частях колониальной империи Франции. Армия бея, переученная французами на современный лад, насчитывала всего 600 человек и «использовалась лишь для церемониалов»⁴³.

В Тунис хлынули европейские колонисты, главным образом из соседнего Алжира, но также из Франции, Испании, Греции и прочих стран Европы. Особенно много было выходцев из ближайшей к Тунису европейской страны – Италии, которые намного раньше французов начали селиться в Тунисе и соседнем Алжире (примерно с 1833 г.). В 1881 г. в Тунисе жили 4 тыс. французов и 10 тыс. итальянцев. Русский географ П. А. Чихачев впоследствии свидетельствовал о сплошь «генуэзско-неаполитанских» деревнях на алжиро-тунисском побережье, заселенных рыбаками, об их специализации на ловле сардин, вязании сетей, обработке рыбы и отправке ее в Марсель, Неаполь и Ливорно, о сборе ими кораллов, о наличии среди них сельских рабочих, каменщиков и докеров⁴⁴. Их численность росла очень быстро, у них появились свои школы, лечебницы, банки, библиотеки, пресса, театры и прочие культурные учреждения. В 1901 г. их насчитывалось в Тунисе 72 тыс. против 24 тыс. французов, с которыми они постоянно соперничали, привлекая на свою сторону корсиканцев, мальтийцев и других. Многие из них принимали французское гражданство, но это было не более чем средство в конкурентной борьбе. Поселенцы из Европы позволяли себе ссориться и интриговать друг против друга. Их разъединяли не только этническое происхождение и материальные интересы, но и социальное положение, из них лишь 16 латифундистов и крупных компаний владели 90% принадлежавшей французам земли, их голос часто был решающим, хотя сельским хозяйством занимались менее 10% европейцев⁴⁵.

Европейцам в Тунисе был очень свойственен дух партикуляризма и провинциализма. Они создавали этнические ассоциации:

23 только в 1914 г., в том числе семь ассоциаций корсиканцев, две бретонцев, одна (самая первая) – уроженцев Эльзаса и Лотарингии, четыре (наиболее влиятельные) – европейцев из Алжира. Ассоциации издавали бюллетени, организовывали собрания, празднования памятных дат, помогали своим членам в бизнесе и карьере, воспитывали их в духе коллективной солидарности, заставляя власти протектората считаться с их интересами, иногда не совпадавшими с интересами метрополии (в 1887–1892 гг. гражданство Франции было предоставлено в Тунисе 49 итальянцам, 33 мальтийцам, 10 немцам, 9 тунисцам, 6 швейцарцам, 6 грекам, 6 испанцам, 4 эльзасцам). Франция в целом все это поощряла, содействуя формированию колониальной буржуазии из всех групп европейских поселенцев. Они получили лучшие земли страны (около 856 тыс. га к 1914 г.), концессии на разработку фосфоритов (в 1899 г.), свинца и железа (к 1908 г.). Именно в их интересах велось дорожное строительство, возводились портовые сооружения. Приток капиталовложений из метрополии способствовал расцвету колониального предпринимательства, в авангарде которого шли уже имевшие соответствующий опыт европейцы из Алжира, стремившиеся превратить Тунис в четвертый «департамент» Алжира. Быстро возникавшие в стране французские газеты, журналы, церкви и общественные организации, предприятия и их представительства, филиалы банков и контор Лиона и Марселя способствовали распространению в Тунисе французского языка, литературы, обычаев и менталитета.

Однако проблемы европейцев к этому не сводились. Особую группу среди них составляли мальтийцы (около 7 тыс. в 1881–1936 гг.), долгое время сохранявшие британское гражданство и только после долгих переговоров переходившие во французское подданство. За ними следовали еще меньшие по численности и потому легче ассимилировавшиеся испанцы и греки. Среди остальных укажем русских (около 700 человек), а также выходцев из всех стран Европы⁴⁶. Колонисты (7–8% всего населения страны в лучшие для них времена) чувствовали себя в Тунисе, тем не менее, уверенно под защитой французских штыков. Это выражалось даже в названиях издававшихся ими газет – «Тюнизи франсэз» («Французский Тунис»), «Ля Депеш Тюнизьенн» («Тунисская Депеша»), прямо заимствованная с издававшегося европейцами в Алжире «Ля Депеш Альжерьенн» («Алжирская Депеша») ⁴⁷.

Среди европейцев Туниса были также и оппозиционеры: франкмасоны, религиозные сектанты, политические ссыльные, итальянские карбонарии, беглецы от репрессий в Неаполитанском королевстве, Папской области и герцогстве Тоскана. Нередко европейцы позволяли себе грызню в своих рядах: преследования революционных эмигрантов из Европы, жесткие выпады против конкурентов из Сицилии, соглашавшихся работать за меньшую плату, а также против евреев, которых всех объявляли «ростовщиками». Но наиболее рьяно европейцы объединялись против всех «проектов эволюции или ассимиляции туземного населения, которые могли поставить под вопрос положение французов в Тунисе»⁴⁸. Некоторые организации Франции и Италии, например занимавшийся «распространением французского языка в колониях и за рубежом» Французский Альянс и Лига образования, ведавшая пропагандой французского светского просвещения за пределами страны, имели в Тунисе свои местные комитеты. Среди итальянцев Туниса, помимо светских и католических учебных заведений, активно было Общество итальянцев-гарибальдийцев, исповедовавших «объединительный национализм, сентиментальный социализм и антиклерикализм». Очень популярный среди итальянцев Гарибальди дважды посетил Тунис, где в его честь установлена была памятная плита и где проживали 50 ветеранов-гарибальдийцев⁴⁹.

Значительно были представлены среди итальянцев и анархисты. Их лидер Николо Конверти издавал газету «Операйо», потом – «Ла Воче де Тюнизи» («народную газету, политическую, коммерческую, литературную и сатирическую») и пытался сплотить вокруг себя «поклонников Бакунина» из Сицилии, Алжира и Туниса. Конверти организовывал демонстрации 1 мая, выступал на митингах, называл себя «скрытым выразителем подлинного народа» и преследовался полицией. С 1892 г. он, лишившись изданий, основал журнал «Протеста умана», в котором наряду с его соотечественниками сотрудничали также международно известный «отец анархизма» Петр Кропоткин и деятельница Парижской коммуны Луиза Мишель⁵⁰.

Однако в целом европейцы Туниса долгое время были поглощены вопросами экономики и почти не проявляли себя в политике. Они не пользовались, в отличие от европейцев Алжира, правами французских граждан, не имели своих депутатов в парламенте Франции и на первых порах не хотели стычек с французскими властями, дабы избежать высылки, ареста или других

репрессий (особенно в отношении нефранцузов). Недовольство скорее проявляли их соотечественники на исторической родине. Так, в Италии Гарибальди заявил, что он «утратил хорошее мнение о Французской Республике» и выразил надежду, что Италия «не забудет давних отношений с Ниццей и Корсикой» (этот вопрос оставался яблоком раздора между Италией и Францией в XIX–XX вв.). В июне 1881 г. произошли даже «кровавые стычки между французами и итальянцами в Марселе, а также в Риме, Турине, Неаполе и Палермо». Трения между обоими государствами продолжались до 1883 г., сопровождаясь «недружественными инцидентами», «манифестациями вооруженных людей» около посольства Франции и «угрозами жизни» самому послу. Но в конце концов французы настояли на своем, исходя из следующих, по мнению американского магрибиста Дуайта Линга, соображений: Алжир должен быть защищен (как основной центр колониального хозяйствования Франции в Магрибе). Тунис очень плодородный регион для освоения, а непоследовательная политика тунисского правительства угрожает французским инвестициям, поэтому выходцы из Италии должны согласиться с превосходством Франции⁵¹. Но проблема итальянцев, как и других меньшинств в Тунисе, таким способом решена не была. Однако довольно скоро режим протектората столкнулся с гораздо более серьезной опасностью для самого его существования.

ГЛАВА 2

ПРОТЕКТОРАТ И МЛАДОТУНИСЦЫ

Социальная элита бейского Туниса, особенно интеллигенция, буржуазия и аристократия, все эти выходцы из арабо-андалусской и арабо-берберской знати, из прошедших османскую школу кавказских и балканских мамлюков, из бедуинских вождей (каидов) и омусульманившихся южноевропейских «мевлед-руми», в целом симпатизировала Франции. Этому способствовало довольно длительное присутствие данной державы в Тунисе, французское образование и французское воспитание, полученное многими представителями тунисской элиты в 30–70-х годах XIX в., сложившаяся за эти десятилетия привычка к французским товарам, модам, нормам поведения. Тунисская элита надеялась овладеть опытом, научными знаниями и техникой европейцев. Однако, столкнувшись с недоверием властей протектората, высокомерием и агрессивностью европейской элиты, особенно колонистов, высокопоставленные тунисцы стали постепенно менять свою позицию.

Этому процессу содействовали и внешнеполитические события: колониальные войны стран Запада в Африке и Юго-Восточной Азии, возникшие как ответ на колониальное порабощение освободительные движения от Филиппин до Балкан, особенно близкие тунисцам выступления «младоалжирцев», «младоегиптян», «младотурок». Свою роль сыграли также идеи патриотизма, либерализма, социализма, с которыми тунисцы познакомились во Франции. Не меньшее значение имела деятельность левого крыла европейцев Туниса, особенно анархистов, так же как и немногочисленных последователей Хайреддина-паши и выпускников созданного им колледжа Садыкийя, а также – основанного в 1896 г. института Халдунийя, имевшего целью «ограничить влияние французской культуры и возродить традиционную арабо-исламскую культуру в чистом виде»⁵².

Естественно, в условиях Туниса националисты появились не в народной среде, неграмотной и политически

неорганизованной, мыслившей полусредневековыми религиозными, феодально-патриархальными и племенными представлениями, а в среде элиты, получившей образование (как традиционно мусульманское, так и современное). Между группами этой элиты шли споры. Часть из них одобряла протекторат, считая, что он осуществляет необходимую «политическую и экономическую модернизацию» Туниса независимо от того, одобряют ли это тунисцы или нет. Другая часть осуждала режим протектората за отстранение тунисцев от участия в управлении страной, но вскоре прекратила выступать за разрыв с Францией. Али Баш-Хамба, адвокат турецкого происхождения и интеллектуальный лидер садыкийцев, выступил за «частичное восприятие западного научного рационализма не только ради политической реформы, но и с целью оживления арабо-исламской культуры Туниса». В 1896 г. Башир Сфар, член кружка Али Баш-Хамбы, порвал с ним и выступил за ограничение влияния французской культуры, заявив: «Это политика колониализма угрожает Тунису бедностью». Однако его институт Халдунийя, субсидируемый французскими властями, стал обучать студентов современным предметам, чтобы дать им возможность бороться за места в гражданской службе и овладеть необходимыми профессиями.

В 1894 г. в Тунисе возникли первые профсоюзы рабочих-европейцев. Вскоре в них стали принимать и тунисцев. В 1904 г. произошла первая маевка с их участием. Руководили их выступлениями французские левые, с которыми тунисские националисты сотрудничали на первых порах. Но с 1906 г. они постепенно разошлись с момента выдвижения Б. Сфаром сугубо национальных требований. Постепенно группы Али Баш-Хамбы и Башира Сфара, несмотря на разногласия между ними, сближались на базе национализма и панисламизма, широко распространяемого в Османской империи при поддержке султанов Стамбула. Они были немногочисленны и в издаваемой ими газете «Лё Тюнизьен» в основном «старались убедить либеральных читателей-французов в том, что тунисская элита способна взять на себя ответственность за руководство страной». Они были «горды своим образованием и достижениями, своим либерализмом и знанием французского». Но народ гораздо больше волновали материальные проблемы⁵³.

Тем не менее обстановка в стране все более обострялась как ввиду засилья и грубости колонизаторов, так и вследствие таких событий, как младотурецкая революция 1908–1909 гг., агрессия

Франции и Испании в Марокко в 1911–1912 гг., вторжение Италии в 1911–1912 гг. в принадлежавшие османам Триполи и Барку (Киренаику), превращенные после их захвата в итальянскую колонию Ливию. Все это ложилось на усиление в 1906–1907 гг. антифранцузских настроений в Тунисе, когда было создано в стране подобие парламента – Консультативная конференция (т.е. совещательный орган при генеральном резиденте), которая должна была, с одной стороны, удовлетворить требования европейцев привлечь их к управлению страной, а с другой – успокоить тунисскую элиту, поощрив ее западнические и конституционные иллюзии. Многие из представителей этой элиты требовали восстановить отмененную в 1864 г. конституцию 1861 г. Другие взяли на вооружение идеи знаменитого исламского мыслителя и теоретика панисламизма Джамала ад-Дина аль-Афгани (1839–1897), сыгравшего значительную роль в подъеме патриотического движения на Ближнем Востоке. Джамаль ад-Дин учил, что главное в жизни всех мусульман – ислам, заменяющий им всё, в том числе национальную принадлежность. Поэтому его приверженцы требовали возродить ислам в Тунисе и мусульманскую самобытность страны, попираемую иноземцами⁵⁴.

Верхушка европейцев тем временем лишь подливала масла в огонь, не только не желая считаться с чаяниями тунисцев, но даже отказываясь заседать вместе с их представителями. Это вызвало взрыв возмущения тунисцев. Власти вынуждены были учредить для 16 делегатов-мусульман особую секцию в 1910 г. Но это ничего не изменило. 1909–1912 гг. были временем наиболее массовых выступлений туниссских патриотов, рабочих стачек и политических протестов⁵⁵. Наиболее значительным из первых протестов было выступление крестьян района Кайруана во главе с Амором бен Османом в апреле 1906 г. Тогда же произошли мятежи в Кассерине и в мае 1907 г. на разработках фосфоритов в Метлауи. С 1909 г. множились митинги и кампании бойкота иностранцев, особенно по поводу реформы мусульманского университета Аз-Зитуна и вторжения Италии в Ливию. Беспорядки, вызванные землемерными работами на мусульманском кладбище Джелляз в столице Туниса в ноябре 1911 г. и во время забастовки трамвайщиков в феврале 1912 г., закончились кровопролитными стычками с полицией и войсками. 13 ноября 1911 г. власти протектората ввели в стране осадное положение. В феврале 1912 г. были арестованы Али Баш Хамба и другие лидеры национального движения, вместе с ним принявшие

участие в 1907 г. в создании партии «Тунис аль-фатат» («Молодой Тунис»). Все младотунисские организации были запрещены. Часть их актива скрылась в подполье, часть была арестована, остальные выехали за границу⁵⁶.

Естественно, противодействие французских властей проявлениям недовольства тунисцев лишь способствовало радикализации настроений последних, в том числе в религиозной сфере. Их идеологом выступил третий влиятельный член общества Садыкийя шейх Абд аль-Азиз ат-Таальби, бывший тогда редактором арабского издания газеты «Le Tunisien». Выходец из семьи мусульманских юристов алжирского происхождения, окончивший в 1896 г. университет Аз-Зитуна, Таальби примкнул в 1907 г. к младотунисцам, хотя и не разделял полностью их взглядов. В 1904 г. он опубликовал книгу «Дух свободы в Коране», вызвавшую широкий отклик в Тунисе и сразу выдвинувшую ее автора в ряды наиболее известных лидеров националистов⁵⁷. Однако держаться Таальби предпочитал особняком. В отличие от большинства младотунисцев он, отбыв в эмиграцию в 1911 г., вскоре, через 2 года, вернулся в Тунис и «целиком ушел в частную жизнь»⁵⁸. Как мы увидим, ненадолго.

Тунис, как и другие арабские страны, был втянут в Первую мировую войну: 63 тыс. тунисцев (по другим данным – до 80 тыс.) были мобилизованы во французскую армию (из них 10,5 тыс. были убиты и до 40 тыс. ранены), около 30 тыс. (по иным сведениям – до 40 тыс.) были посланы на работу в промышленность и сельское хозяйство Франции. Либералы-младотунисцы, в большинстве своем амнистированные и перешедшие на легальное положение, надеялись на изменение положения Туниса после окончания войны. Однако тунисская политическая эмиграция в Европе пыталась как-то бороться с властями протектората. Тунисские, а также алжирские и марокканские националисты вели пропаганду среди пленных алжирских и тунисских солдат в пользу освобождения «алжиро-тунисского народа», полагаясь на поддержку Османской империи, Германии и Австро-Венгрии. Ими было даже выдвинуто требование создать «Объединенную Североафриканскую республику» в составе Алжира, Туниса, Марокко, Триполитании и Барки (хотя в Тунисе и Марокко тогда правили монархи). Их деятельность поддерживалась Стамбулом, Берлином и Веной, в том числе проживавшими в Европе и свергнутыми со своих престолов бывшим хедивом Египта Аббасом II Хильми и экс-султаном Марокко Мулаем Хафидом

(аль-Хафизом). В Швейцарии магрибинские эмигранты группировались вокруг лидера младотунисцев Али Баш-Хамбы, который вместе со своим братом Мухаммедом издавал в Лозанне от имени «Международного мусульманского общества» бюллетень «Ревю дю Магриб»⁵⁹.

В январе 1916 г. в Берлине был создан Комитет за независимость Алжира и Туниса во главе с тунисскими религиозными деятелями шейхами Салахом аш-Шарифом и Исмаилом ас-Суфайхи. С ними сотрудничали сын и внук алжирского национального героя эмира Абд аль-Кадира Али-паша и Саид-паша. В первом же воззвании Комитета Салах аш-Шариф обвинил страны Антанты в стремлении «подчинить другие народы, похитив их самостоятельность и личную свободу». Вместе с ним Исмаил ас-Суфайхи подробно описал налоговое угнетение, земельный грабёж, юридическое бесправие, принудительный труд, подавление всех свобод и национальной культуры тунисцев и алжирцев (они рассматривались как единый народ в духе уже зародившейся тогда в Сирии и Ливане теории «арабского единства»). В том же году эмир Али-паша опубликовал в Берлине на арабском языке «Призыв к мусульманам, служащим в союзных армиях (Антанты. – *Р. Л.*) встать на защиту Халифата, спасти ислам и святыне города, освободить Алжир, Тунис и Марокко»⁶⁰.

Не ограничиваясь декларациями, младотунисцы вместе с младоалжирцами готовили восстание при поддержке младотурецкой партии «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс») против власти Англии и Франции на северо-востоке Африки (от Эритреи до Магриба). Однако этому плану, как и другим германо-османским проектам в Африке, не суждено было сбыться⁶¹. И деятельность младотунисцев в годы Первой мировой войны свелась в основном в организации различных съездов, совещаний, конференций и заявлений, особенно в Швейцарии, где пребывала большая часть младотунисцев. Их лидеры нередко выступали и от имени алжирского народа. Например, Али Баш-Ханба в 1916 г. излагал требования алжирцев о независимости на III конференции примирившихся наций в Лозанне. А в сентябре 1917 г. издававшийся Али и Мухаммедом Баш-Ханба «Ревю дю Магриб», ставший ежемесячным журналом, опубликовал «Хартию алжирского народа», требовавшую отмены политики репрессий в Алжире, гарантий свободы личности, имущества, языка и религии алжирцев, предоставления им гражданских

и политических прав вплоть до представительства в парламенте Франции. Сходство этой программы с таковой младотунисцев объяснялось их довольно тесными контактами (особенно братьев Баш Ханба) с лидерами младоалжирцев еще до 1914 г.⁶²

Али Баш-Ханба умер в октябре 1918 г. в Стамбуле. Его энергия, политическая активность и лидерские способности много значили для младотунисцев. Кончина его, совпавшая с завершением Первой мировой войны и возвращением в Тунис демобилизованных солдат и мобилизованных рабочих, так же как и многих амнистированных националистов, стала, несомненно, важным рубежом в истории освободительной борьбы тунисцев. С точки зрения официальной тунисской историографии Али Баш-Ханба «оживил националистическую деятельность» в Тунисе, но не дал ей перспективы, поскольку не определил «ее стратегию»⁶³. К этому следует добавить, что младотунисцы в качестве примера для подражания избрали во многом идейно близких им младотурок и младоалжирцев, возможностями которых тунисцы не располагали. У младотурок была армия, поэтому их революция совершилась в виде военного переворота. У младоалжирцев были связи с либеральными кругами Франции и европейцев Алжира, в конечном счете почти не принесшие пользы, хотя и порождавшие в начале младоалжирского движения кое-какие надежды. У младотунисцев не было ни того ни другого, а также самого главного: влияния в широких слоях народа из-за значительного удельного веса среди тунисской элиты аристократических, буржуазных и феодально-бюрократических элементов, преисполненных высокомерия, сановной спеси и презрения к низестоящим. Однако последствия Первой мировой войны и связанные с ними социально-экономические сдвиги первых десятилетий XX в. изменили ситуацию в стране.

ГЛАВА 3

ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ПЕРЕМЕНЫ В ТУНИССКОМ ОБЩЕСТВЕ

В ходе Первой мировой войны Османская империя – самая могущественная держава ислама – потерпела полное поражение. Вместе с ней канули в Лету 600-летняя монархия династии Османов, претензии Стамбула на гегемонию в мире ислама, во многом (хотя и не до конца) идеологии панисламизма, паносманизма и пантюркизма, а в целом – господство Османов в арабском мире, да и сама идея халифата, которую тщетно пытались спасти маловлиятельное движение халифатистов в 20-е годы. Доминирующую роль стали играть различные направления национализма и социализма (в том числе религиозно окрашенного). В Тунисе идейной основой нового послевоенного национализма стали заимствованные во французской школе западные либеральные учения, вырвавшийся из-под гнета османских запретов ближневосточный панарабизм и унаследованные от Хайраддина местные традиции⁶⁴.

Вместе с тем на этот молодой «модернизированный» национализм оказывали влияние и другие идеи, в частности – происшедшей в России Октябрьской революции 1917 г. Они проникали в Тунис через прессу, радиопередачи, возвращавшихся из Франции рабочих, фронтовиков и учащихся. В июне 1919 г. в Тунисе была опубликована первая советская конституция, создана федерация социалистов Туниса. В мае того же года большинство этой федерации примкнуло к III Интернационалу (Коминтерну) и в 1920 г. образовало Тунисскую федерацию компартии Франции. Меньшинство осталось в рядах тунисской федерации соцпартии Франции. В том же году в стране легализовались тайно действовавшие до того профсоюзы, образовавшие на своем первом съезде департаментское объединение Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) Франции. Коммунистов в Тунисе было немного (200 человек в 1921 г., 300 в 1922 г.), социалистов – еще меньше, но именно они руководили профсоюзами, вели интенсивную пропаганду своих идей и вообще пользовались влиянием за рамками своих ячеек. В их

рядах преобладали европейцы, а среди коммунистов – тунисцы (на 3/4). Впрочем, среди руководителей коммунистов большинство тоже составляли европейцы во главе с генсеком федерации горным инженером Робером Лузоном, ветераном Первой мировой войны⁶⁵.

Лузон, активно проповедовавший труды классиков марксизма, особенно выделял среди них работы В. И. Ленина, которого характеризовал следующим образом: «Маркс и Петр Великий совместились здесь в одном лице». Конечно, коммунисты и социалисты в Тунисе, как и всюду, ожесточенно спорили друг с другом. Однако и от тех и от других тунисцы слышали вполне обоснованную критику капитализма и колониализма, призывы к освобождению труда, к свободе и социальному равенству. Поэтому при всех разногласиях и различиях взглядов рабочие-тунисцы под влиянием и рабочих партий, и легализовавшихся профсоюзов активно включились в стачечное движение: в 1919 г. бастовали 4047 человек на 104 предприятиях, в 1921 г. – 2254 на 1010 предприятиях, в 1924 г. – 2208 на 149 предприятиях, в 1925 г. – 3170 на 73 предприятиях. Многие забастовки были безрезультатны, но в 1921 г. рабочим Туниса удалось добиться распространения на них прогрессивных положений законодательства метрополии о несчастных случаях на производстве, о найме на работу и еженедельном дне отдыха⁶⁶.

В какой-то мере скромные, но все же успехи рабочего движения в Тунисе объяснялись экономическим подъемом 20-х годов. Уже в 1919 г. сразу по окончании войны власти протектората наметили 10-летнюю программу развития колонизации, испросив для нее 12,5 млн франков, а получив для этого в конце концов от Палаты депутатов Франции 33,5 млн. Ежегодно предполагалось расселить в Тунисе 100 европейских семей (подразумевалось французских, но это часто были итальянцы, испанцы, корсиканцы, греки, не всегда даже спешившие оформить французское гражданство). Их всячески заманивали, ибо, в отличие от Алжира и Марокко, земля в Тунисе продавалась, а не предоставлялась бесплатно. За 10 лет властям протектората удалось распределить 1473 участка общей площадью около 260 тыс. га. Среди них были коллективные земли племен и земли «хабус» (неотчуждаемые по мусульманскому праву земли, доходы с которых шли на содержание религиозных организаций, священных городов Мекки и Медины, мечетей и прочих объектов религиозного поклонения). В 1932 г. этот процесс прекратился в связи с мировым экономическим кризисом 1929–1933 гг. Но все же к 1956 г. 4 тыс. семей колонистов (включая крупные агрокомпании) сосредоточили в своих руках 850 тыс. га лучших земель Туниса

(примерно 1/5 всего принадлежавшего им земельного фонда, за счет согнанных с них 480 тыс. семей туниских крестьян). Ситуация также осложнялась тем, что основные производимые в европейских хозяйствах продукты (пшеница, оливковое масло, вино) шли на экспорт, лишая страну значительной части ранее производившегося на этих землях продовольствия для коренного населения, а также делая ее зависимой от внешних рынков⁶⁷.

Процветанию колонистов способствовала качественная механизация сельского хозяйства, которая постепенно привела к подлинному техническому перевороту и росту урожаев. Например, урожаи зерновых в 1920–1932 гг. выросли более чем вдвое – с 3097 до 8150 тыс. центнеров⁶⁸. Возросла и добыча полезных ископаемых в 1920–1930 гг.: железной руды – с 434 тыс. т до 828 тыс. т, свинцовой руды – с 23,6 тыс. т до 27,5 тыс. т, фосфоритов – с 1075 тыс. т до 3326 тыс. т. Однако рост производства и вообще экономики страны был целиком связан с развитием колонизации и финансировался преимущественно за счет капиталовложений Франции. Традиционный сектор почти не был затронут этим процессом⁶⁹.

Нищее, а также быстро нищавшее туниское крестьянство, вынужденное уходить в города в поисках работы и пропитания, видело гигантский разрыв в доходах, уровне и качестве жизни между колонистами и туницами. Ситуация усугублялась стремительным обнищанием большинства мусульман страны и столь же быстрым обогащением колонистов и крутившихся вокруг них спекулянтов, чиновников, подрядчиков, торгашей, маклеров, заимодавцев, дельцов всех калибров и прочих, по выражению известного арабиста Н. А. Иванова, «героев освоения Африки». Именно для этих эксплуататоров и аферистов работали банки и финансовые конторы, посреднические и представительские фирмы, агентства по продаже ценных бумаг. Для них закупались тракторы и комбайны, внедрялись новые сорта пшеницы и новые образцы агротехники, строились элеваторы и предприятия по переработке агропродукции, расширялись посевные площади, строились железные и шоссейные дороги, создавались новые акционерные общества, шахты, рудники.

Колонизация и порабощение Туниса были, конечно, прежде всего делом крупных монополий и богатейших «двухсот семейств» Франции, одолеть которых не мог, по его собственному признанию, и самый знаменитый премьер Франции, сверхэнергичный «тигр» Жорж Клемансо. Однако после Первой мировой войны в Тунисе (подобно тому, как гораздо раньше в Алжире) усилилось

влияние местных боссов колонизации. Богатые латифундисты, крупные предприниматели, владельцы средств транспорта, оборотистые торговцы и прочие «денежные мешки» всех мастей личными, политическими, родственными, деловыми и прочими узами были связаны либо с трестами и монополиями Франции, либо со служителями администрации протекторами, часто и с теми, и с другими. Аппарат колониального управления в Тунисе поэтому был особенно крепок и влиятелен, хорошо вооружен опытом своих предшественников в Алжире и других колониях Франции, глубоко впитал в себя кастовую психологию, профессиональные предрассудки, расистское мышление и высокомерие махрово-реакционной бюрократии Французской колониальной империи, которая была, как считали впоследствии националисты Туниса, не только внешне «анонимной» и «безответственной», но также присвоила себе одновременно «полномочия тунисского государства» и «покровительствующей державы»⁷⁰.

Наметилось даже определенное взаимопроникновение мусульманского и европейского сообществ страны при всем их неравенстве и антагонизме. Мусульманская буржуазия, интеллигенция и чиновничество стремились (пусть неудачно во многих случаях) к сближению с европейской элитой. Они, как и тунисский инженерно-технический персонал и учащая молодежь впоследствии, старались с этой целью овладеть французским языком, получившим в конечном результате широкое распространение в Тунисе вплоть до наших дней. В свою очередь (что менее известно), 31,5% европейцев Туниса уже к 1926 г. бегло говорили на тунисском диалекте арабского языка⁷¹. Это вызывалось не только нуждами общения на предприятиях и фермах, но и в ходе совместной деятельности в рядах общественных организаций (например, профсоюзов) или политических партий со смешанным этническим составом участников (в частности, компартии, соцпартии).

Тем не менее внешнее «процветание» Туниса под эгидой Франции в 20-е годы было насквозь фальшивым. В 1926 г. консул США в Тунисе докладывал, что за «последние пять лет» никакого «серьезного экономического развития» в стране не происходило. Годом раньше консул США так характеризовал ситуацию: «Франция никогда не проводила в Тунисе твердую и конструктивную политику. Она навязала этой стране армию гражданских чиновников до 10 тыс. человек, дабы управлять 54 тыс. французов, 100 тыс. иностранцев и 1900 тыс. туземцев. Из бюджета в 225 млн франков гражданские чиновники получают 130 млн. В результате мало что

остаётся для совершенствования и развития страны»⁷². Поэтому не вызывают удивления социальные волнения, забастовки и прочие проявления экономического неблагополучия и общественного протеста в самый разгар «процветания», как и последовавшие за ними репрессии: аресты и высылки коммунистов и членов профсоюзов на 5–10 лет⁷³.

«Сеньоры» европейской колонизации Туниса были серьезно обеспокоены социально-политическими неурядицами в стране, так как почти все колониальные владения Франции (а также рядом расположенные колонии Италии и Испании) после Первой мировой войны были охвачены рабочими, студенческими и крестьянскими волнениями. В наиболее близких к Тунису арабских странах эти волнения уже переросли в массовые движения вооруженного сопротивления (например, в Марокко в 1911–1934 гг., в Ливии в 1912–1932 гг.) или антиколониальные революции (в Египте в 1919–1921 гг., в Сирии в 1925–1927 гг.). Революционизирующую роль играл также созданный во Франции в 1922 г. Межколониальный союз цветных народов во главе с Нгуен Ай Куоком (будущим президентом независимого Вьетнама Хо Ши Мином). Союз издавал журнал «Ле Париа» и много сделал для пробуждения революционной активности и организации антиколониальной борьбы всех народов колоний Франции. Ориентируясь на компартию Франции, он поддерживал постоянный контакт как с Коминтерном, так и с национальными организациями демократического толка. Это усиливало влияние левых сил в Тунисе⁷⁴.

Но это влияние было нестабильным, зависело от многих обстоятельств и даже факторов эмоционального свойства. Например, симпатии тунисцев к компартии (вернее, к секции компартии Франции в Тунисе) до 1925 г. во многом объяснялись личными качествами ее лидера Робера Лузона, «его культурой, скромностью, самоотверженностью и его позицией в защиту независимости Туниса» (эту позицию не разделяли очень многие однопартийцы Лузона). Встречавшийся с ним в 20-е годы Ахмед Бен Милед считает Лузона «весьма умеренным политиком»⁷⁵. Однако либерал-европеец из Алжира Виктор Спильман считает, что Лузон стремился «воспользоваться религиозным фанатизмом мусульман в целях изгнания колонизатора»⁷⁶. В 1930 г. Лузон опубликовал книгу «Сто лет капитализма в Алжире», высоко оцененную алжирскими националистами⁷⁷. Но это случилось уже в иной, «троцкистский», период его политической жизни.

ГЛАВА 4

«ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПАСНОСТЬ»

Французы в Тунисе долгое время недооценивали серьезность социально-экономических, политических и иных противоречий поселившихся в стране французов с тунисцами, так как придавали слишком большое значение так называемой «итальянской опасности». Итальянцы мигрировали в Тунис, как и другие европейцы. Но численно они всегда превосходили в Тунисе французов (да и прочих европейцев), потому что демографическая ситуация в Италии всегда была более напряженной, чем в других странах Европы. При этом надо принять во внимание давние (еще с эпохи Древнего Рима) исторические контакты Италии и стран Магриба, ужасающую бедность населения южных (т.е. наиболее близких к Тунису) областей Италии (Сицилии, Сардинии, Калабрии, Апулии и др.). Все это предопределило наибольший приток в Тунис именно мигрантов из Италии, вследствие чего они острили по поводу Туниса, называя его «итальянской колонией, управляемой французами». На любом этапе развития французского протектората в Тунисе итальянцы превосходили по численности своих соперников: их было почти 85 тыс. в 1921 г. (на 54 тыс. французов), около 90 тыс. в 1926 г. (на 71 тыс. французов). Реально их всегда было больше, так как итальянцами была также часть принявших гражданство Франции «неофранцузов». Так что в 1926 г. их было минимум 93 тыс., по официальным оценкам⁷⁸.

Еще одной причиной доминирования итальянцев в Тунисе можно считать их социальный состав и роль в жизни европейской диаспоры. В 1921 г. они составляли 60% (в 1911 г. – 61%) европейцев, занятых в сельском хозяйстве, 71% занятых в промышленности (в 1911 г. – 76%), 48% – в торговле (в 1911 г. – 41%), 36% – на транспорте (в 1911 г. – 41%), 30% – среди лиц свободных профессий (в 1911 г. – 31%). Зато они почти не были заметны среди чиновников – 4% (в 1911 г. – 2%). Всего же итальянцы составляли 53% экономически активных европейцев

(в 1911 г. – 57%), а французы – 36% (32,6% в 1911 г.). Доля итальянцев среди предпринимателей тоже составляла 52% (47,4% в 1911 г.), а французов – 35,3% (35,5% в 1911 г.). При этом четко прослеживалась тенденция к усилению доминирования итальянцев. В частности, число предпринимателей в их рядах в 1911–1921 гг. возросло на 524 человека, а у французов за те же годы – всего на 10 человек, 55% – агропредпринимателей, 53% – коммерсантов, 50% – промышленников-европейцев были итальянцами, соответственно французов – 42, 38 и 55%⁷⁹.

Однако в целом среди итальянской диаспоры преобладали рыбаки, батраки, горняки, строители и ремесленники, которых мало что держало на родине, вследствие чего они приезжали в Тунис навсегда, надеясь обрести здесь жилье, работу и заработок. В то же время среди французов было немало «ловцов счастья и чинов», приезжавших в Тунис временно: коммерсантов, чиновников, членов семей военнослужащих и агентов многочисленных фирм и учреждений, стремившихся побыстрее разбогатеть и вернуться во Францию⁸⁰. Правительство Франции, естественно, беспокоила эта ситуация, тем более что итальянские мигранты меньше других европейцев склонялись к ассимиляции, к изучению французского языка (его знали в 1926 г. всего 41,6% итальянцев, проживавших в Тунисе, в том числе автоматически получившие французское гражданство представители второго поколения мигрантов).

Положение осложнялось также политикой Италии в Магрибе. Неудачи в Тунисе и в войне с Эфиопией в конце XIX в. усилили националистические настроения как в самой Италии, так и среди итальянцев Туниса. В 1896 г. Италия добилась признания особого положения для своих соотечественников в Тунисе: по конвенции от 18 сентября итальянские мигранты сохраняли свое гражданство и освобождались от службы во французской армии. За ними еще раньше было признано право иметь свои экономические, культурные и спортивные объединения, а также средние и начальные школы, которые финансировало правительство Италии с 1888 г. В 1885 г. они основали газету «Унионе» и торговую палату, в 1891 г. – Итальянский колониальный госпиталь. Не преуспев политически, они брали реванш в сфере экономики, создавая филиалы итальянских банков в Тунисе, кредитные и кооперативные товарищества, а также основывали частные итальянские школы, организуя соответствующие лекции и концерты⁸¹.

Дополнительным «аргументом» против итальянцев (как в Тунисе, так и во Франции) служило распространение на рубеже XIX–XX вв. идей и практики анархизма в Италии. В Тунисе среди анархистов тоже преобладали итальянцы, утверждал изучавший их деятельность Пьер Сумий, впрочем ничем не доказавший этого утверждения. Однако общественное мнение Франции и европейцев Туниса было настроено соответствующим образом, особенно после того, как стало известно об убийстве анархистами-итальянцами президента Франции Сади Карно в 1894 г. и короля Италии Умберто I в 1900 г. Для многих это явилось шоком. Однако вполне ожидаемой бури возмущения не произошло, так как общественное мнение Франции и европейцев Магриба было расколото в конце XIX – начале XX в. Значительная часть его была тогда увлечена ходом скандального дела Дрейфуса и порожденными им антисемитскими слухами и настроениями, особенно в Алжире. В Тунисе они были слабее и большого распространения не получили. Другое течение, связанное с антиклерикализмом (а еще больше с критикой кардинала де Лавижери, задумавшего «крестить» всю Северную Африку), было сильнее и во многом питалось настроениями, господствовавшими тогда во Франции, где они привели к отделению церкви от государства⁸².

Таким образом, ни одно из вышеупомянутых течений общественного мнения не повлияло решающим образом на положение итальянской диаспоры в Тунисе. Более того, в целом оно было неплохим. И хотя итальянцы продолжали жаловаться на попытки французских властей их ассимилировать, возможности избежать ассимиляции у них сохранялись. В частности, националистическая ассоциация «Данте Алигьери», комитеты которой действовали в трех крупнейших городах страны – Тунисе, Сфаксе и Сусе, – вела активную пропаганду итальянского языка и культуры.

В Первой мировой войне Франция и Италия были союзниками. Однако к концу войны положение стало меняться. Еще до этого, в 1911 г., вторжение армии Италии в соседнюю Триполитанию вызвало взрыв негодования среди мусульман Туниса. Многие из них приняли участие в военных действиях против итальянских войск. Франция не вмешивалась в этот конфликт. Однако она продолжала настаивать на ассимиляции итальянцев, с 1921 г. – на основании закона, по которому все европейцы, родившиеся в Тунисе после этой даты, автоматически считались

гражданами Франции. В борьбе против безальтернативного применения этого закона итальянцы нашли союзников в лице мальтийцев, которые были объединены в Мальтийское общество (Иссучитаа аль-мальтийя), не хотели служить во французской армии и в большинстве своем хотели сохранить британское гражданство. Решением Международного суда в Гааге они добились сохранения британского гражданства за теми, кто его уже имел, но «не за последующими поколениями». Впрочем, часть итальянцев приняла гражданство Франции после прихода фашистов к власти в Италии в 1922 г. В результате к 1925 г. более чем 50% европейцев в Тунисе были французскими гражданами⁸³. Французы всерьез опасались конкуренции итальянцев, которые компактно заселяли 5 крупнейших городов Туниса и доминировали в торговле, промышленности, некоторых ремеслах.

Фашистский диктатор Бенито Муссолини, жестоко подавивший национальное движение в Ливии в 1922–1931 гг., называл Средиземноморье «маре ностре» («наше море»), а в 1926 г., выступая в Ливии, упомянул о «братьях, живущих в Тунисе». Фашисты продолжали нагнетать напряженность в Тунисе, используя активность своих секций в стране, профессиональных ассоциаций, различных кружков и церковных приходов. Начало 30-х годов было омрачено многочисленными стычками французов и итальянцев, арабов и евреев, что было связано и с социальной напряженностью, возросшей практически во всех странах капитализма во время кризиса 1929–1933 гг., и с подстрекательством легально действовавших в Тунисе секций партии Муссолини («чернорубашечников»), и с событиями в Палестине, Сирии, Ливии, Марокко и вообще на мировой арене. Фашистская пресса в Тунисе («Акционе», «Национе» и другие) старалась использовать события в мире для разжигания националистических и расистских страстей. Но ей, особенно в 30-е годы, успешно противостояла Итальянская лига прав человека в Тунисе и ее газеты – «Воche нуова», «Итальяно ди Тунизи» и «Иль-Джорнале». Последнюю возглавляли в дальнейшем известные лидеры компартии Италии Джорджо Амендола, Веллио Спано и будущий мэр Неаполя Маурицио Валенци⁸⁴. Среди итальянцев Туниса было немало мировых знаменитостей, в частности известная впоследствии киноактриса Клаудиа Кардинале⁸⁵.

Тем не менее число итальянцев в Тунисе, действительно ущемленных политикой властей протектората, тоже было значительно. Они были недовольны ограничением их прав

на приобретение собственности и на строительство национальных школ, урезанием их представительства в муниципалитетах и навязыванием им французского гражданства. К тому же власти Италии обвиняли Францию в «организации заговоров» и покровительстве итальянским антифашистам, укрывавшимся во Франции. Все это усугублялось климатом «недоверия и вражды», усиленно подпитываемым пропагандой фашистов, которые подчинили себе ассоциацию «Данте Алигьери», общество «Дополаворо» («Рабочий досуг») – своеобразное рабочее объединение, филиал Национальной ассоциации итальянских ветеранов, различные кружки, школы, Итальянский госпиталь. Тунис был захлестнут бесконечными визитами итальянских депутатов, журналистов и пропагандистов, выступавших с лекциями и докладами об «исторических правах» Италии на земли Магриба, которые ими именовались не Тунис, Алжир, Марокко, а по обычаю древних римлян «Нумидия», «Мавритания Цезарианская» и «Мавритания Тингитанская». Эту кампанию периодически подогревал лично Муссолини, особенно во время своих визитов в Ливию. Еще более «отличился» в этом плане вице-министр иностранных дел Итало Бальбо, визит которого в Тунис в 1926 г. сопровождался «откровенно фашистскими речами»⁸⁶.

Итальянской пропаганде тех лет было на что опереться в Тунисе. Ежедневная газета «Унионе», издававшаяся с 1886 г. на итальянском языке под покровительством Итальянской торговой палаты, превосходила по тиражу все прочие издания страны, включая еще три итальянские политические газеты. Итальянские библиотеки, распространявшие «публикации полуострова», уступали французским, но не слишком. Созданный в Тунисе «Театр Россини» регулярно знакомил тунисцев с представлениями итальянских трупп. Из 5 открытых в столице кинотеатров четыре принадлежали итальянцам и один – тунисцу. В Тунисе работали 50 итальянских врачей и «множество адвокатов», обслуживавших и своих соотечественников, и коренных жителей. С 1899 г. в Тунисе работало Итальянское общество благотворительности. Безработными и нищими мигрантами из Италии занимался Комитет покровительства итальянской эмиграции при консульстве Италии. Функционировал также «Зеленый крест» – общество помощи больным «независимо от их гражданства». Существовало также несколько итальянских школ, некоторые из них были чем-то вроде приютов для детей 3–5 лет. Но другие были либо начальными школами для детей

обоего пола или же гимназиями и лицеями на 600–650 человек. Встречались среди них те, в которых обучение носило «националистический характер», да и сами названия напоминали о правившей тогда в Италии Савойской династии: «Виктор-Эммануил II», «Маргарита Савойская», «Умберто I», «Принц Неаполитанский». Только приют для детей 3–5 лет носил имя Джузеппе Гарибальди.

Помимо всех этих учреждений следует также помнить о наличии в Тунисе масонской ложи «Конкордия», объединявшей «большое число богатых итальянских евреев, враждебных Франции», и группу прочих противников Франции во главе с бывшим генеральным консулом Италии в Тунисе. По мнению тунисского социолога Мустафы Крайема, пропагандистами итальянского патриотизма в Тунисе были также многие финансируемые из-за рубежа культурные и спортивные общества, а также общества взаимопомощи. На настроения в стране влияли также часто контактировавшие с самыми широкими слоями тунисцев итальянцы, владевшие мельницами, булочными, аптеками, типографиями, парикмахерскими, шахтами, строительными и транспортными предприятиями. До Первой мировой войны в Тунисе действовали два банка Италии – «Чезана» и Итальянский кооператив кредита. После войны итальянскими финансистами были созданы здесь еще два – Итальянский банк учета и Сицилийский банк⁸⁷.

Столь солидная организация экономической, социальной и духовной жизни итальянской диаспоры в Тунисе и породила постоянный страх в донесениях генеральных резидентов Франции в Париж о постоянной и даже все увеличивающейся «итальянской опасности» в Тунисе. Эта формула «опасности» принадлежит известному правому политику Франции Пьеру-Этьену Фландэну (будущему премьеру Франции), в декабре 1918 г. назначенному генеральным резидентом Франции в Тунисе. Фландэн сделал ставку на сокращение итальянской аграрной колонизации и итальянской системы образования в Тунисе. В стране применялся разрыв в заработной плате: семейные пособия трамвайным служащим-французам составляли 40 франков, а итальянцам – 30. Среди служащих железных дорог французы получали 15,75 фр. в день, а итальянцы – 12,75. За каждого первого и второго ребенка железнодорожники-французы получали 600 фр. пособия в год, за третьего – 996, а итальянцы соответственно получали 450 и 750 фр. Француз получал до 33% премии

к своему окладу (так называемую колониальную дань), а итальянец мог ее получить, лишь став подданным Франции. Было много и других, более мелких, но весьма ценимых в Тунисе предпочтений, которых были лишены итальянцы⁸⁸.

В 1926 г. среди 173281 европейцев Туниса насчитывалось 71002 французов, 89216 итальянцев, 8396 мальтийцев, 517 испанцев, 646 греков и 3486 прочих, среди которых были и русские⁸⁹. Между тем этнические, а также культурно-исторические и социополитические противоречия в Тунисе все более накалялись по мере углубления пропасти между европейцами и коренными жителями страны, между арабами и евреями, католиками и мусульманами. Победители в войне – Англия и Франция – хотели беспрепятственно пользоваться плодами победы. Победенные – Германия, Австрия и Турция – стремились не уступать им. В их лагере оказалась и Италия, так как ее союзники по Антанте не выказали ни малейшего желания считаться с ее интересами и даже не вошли в ее трудное экономическое положение после войны. Это пренебрежительное отношение бывших союзников было на 100 процентов использовано Муссолини, выступавшего от имени «фашистской и пролетарской Италии». Во Франции его демагогия в 20-е годы мало кого интересовала, хотя наиболее знающие журналисты уже тогда обращали внимание на то, что Муссолини хотел, «с одной стороны, протянуть руку до Туниса, а с другой – приобрести небольшую часть Марокко»⁹⁰. Это позже, уже в конце 30-х годов, в Италии происходили демонстрации под лозунгами: «Тунис – наш! Корсика – наша! Джибути – наш!» Все это сопровождалось наглыми требованиями фашистских депутатов при появлении в ложе парламента Италии посла Франции французской территории (Ниццы, Савойи), а также – контроля над Суэцким каналом, что было открытым вызовом Англии. Кроме того, названия требуемых территорий присваивались центральным улицам итальянских городов⁹¹.

Однако события 30-х годов во многом были следствием не самостоятельных действий Италии, а ее вовлеченности в планы сколоченной 26 октября 1936 г. «оси Берлин – Рим», усиленной через месяц присоединением к «оси» Японии. Опираясь на солидарность всех держав «оси», Италия завоевала Эфиопию и Албанию, внесла свой существенный вклад в гражданскую войну 1936–1939 гг. в Испании, совместно с немцами оккупировала Югославию и Грецию. Но, будучи наиболее слабым звеном «оси», фашистская Италия в дальнейшем

не выдержала напряжения Второй мировой войны и потерпела крах. Но до этого она сумела значительно поспособствовать идейной и военно-политической экспансии фашизма, особенно в бассейне Средиземноморья.

Прежде всего Муссолини превратил в базу своей агрессии Ливию, лишившуюся примерно половины из 1,5 млн своих коренных жителей – арабов и берберов (либо погибших при подавлении освободительной борьбы 1912–1932 гг., либо вынужденных покинуть родину). В страну прибыли 110 тыс. итальянских поселенцев, из которых 20 тыс. занялись непосредственной подготовкой войны (в частности, сооружением великолепного гудронированного шоссе от границы с Тунисом до границы с Египтом, возведением укреплений и складов, организацией новых корпусов армии, в том числе из ливийцев). 24 тыс. поселенцев стали колонистами на отобранных у ливийцев 500 тыс. га лучших земель. Остальные итальянцы, включая женщин в возрасте до 70 лет (а с 1933 г. и арабы), могли быть привлечены на «военно-вспомогательную службу». Субсидируя строительство мечетей и мусульманских учебных заведений, Муссолини одновременно сколотил 50-тысячную армию из мусульман (ливийцев, сомалийцев, эритрейцев), которая сражалась с христианами Эфиопии и Испании, а в дальнейшем – с англичанами⁹².

Из Ливии фашистская агентура проникала в Египет и страны Магриба. В Египте они делали ставку на 70-тысячную итальянскую диаспору (главным образом предпринимателей, инженеров, техников, мелких торговцев), внедряя в нее ячейки фашистской партии, руководя ею через аппарат консульства, а также используя связи королевских дворов Италии и Египта, тем более что король Египта Фуад (1917–1936) вырос и воспитывался в Италии при Викторе-Эмануиле III (1900–1946), как и сменивший его Фарук (1936–1952). Фашисты действовали также в Алжире, пользуясь там наличием (в 1921 г.) только в прилегавшем к Тунису департаменте Константина 53 тыс. итальянцев (включая 27 тыс. получивших гражданство Франции), многие из которых не только были настроены реакционно-националистически, но и влияли в этом плане на менее многочисленных и организованных корсиканцев, басков и других. Но, конечно, наиболее благоприятные условия для деятельности агентуры Муссолини сложились в Тунисе, где в 30-е годы была создана и стала мощной силой 20-тысячная организация итальянских

фашистов, которая прочно овладела контролем над всеми общественными объединениями соотечественников, всеми 26 итальянскими школами, Итальянским колониальным госпиталем, банками, кооперативами, органами прессы, Итальянской торговой палатой.

В сущности, Тунис стал единственной страной, в которой Муссолини пытался создать **арабский фашизм**. Эта идеология не прижилась **ни в одной** арабской стране. Но в Тунисе Муссолини профинансировал формирование некой Националистической партии во главе с авантюристом Хеди Бушрарой, за которым пошли малочисленные и далеко не во всем согласные друг с другом группы экстремистски настроенных молодых мусульман. Бушрара стал издавать газеты «Хабиб аш-шааб» («Друг народа») и «Тунис аль-каумийя» («Националистический Тунис»), организовывал шумные демонстрации и поджоги, пикеты и покушения. Его сторонники призывали к «полной независимости», но выдавали себя с головой, без конца скандируя «Да здравствует Муссолини!» Практически они не сыграли никакой роли в политической жизни Туниса, за исключением роли провокатора, облегчившего французским властям борьбу с национальным движением под предлогом необходимости «искоренить фашизм»⁹³.

К 1935 г. напряженность в отношениях Франции и Италии из-за Туниса стала ослабевать, особенно после заключения пакта Лаваль – Муссолини, «исправлявшего» в пользу Италии границу на юге Туниса и на побережье Красного моря. Это была одна из первых уступок держав Запада державам «оси», получивших впоследствии наименование «актов умиротворения агрессора» И неудивительно, что в этой сделке участвовал Пьер Лаваль, в прошлом – перебежчик, дезертировавший из рядов социалистов в ряды правых (как, собственно, и Муссолини). Соглашение Лавала с Муссолини помимо исправления границ предусматривало также «признание особого юридического статуса итальянцев в Тунисе» и содержало секретный пункт о предоставлении Италии «свободы рук» в Эфиопии⁹⁴. Это был со стороны Лавала откровенный подрыв международной солидарности с Эфиопией и потворство агрессии Муссолини, вторгшегося вскоре (в октябре 1935 г.) в Эфиопию. В результате Франция лишь проиграла вследствие сговора с Муссолини, который продолжал свою агрессивную политику. Его арабские подголоски в Тунисе в июне 1937 г. опубликовали свою программу,

предусматривавшую «непризнание» власти Франции во внутренних делах Туниса, борьбу за «искоренение колонизации» и вообще демонстративное (но лишь словесное) продолжение борьбы за «независимость» Туниса⁹⁵.

Только после этого газета экстремистов «Тюни насъоналист» была закрыта, а их лидер Бушрара, пытавшийся скрыться в Алжире, был арестован и судим в Тунисе. При этом было установлено, что «тесные отношения» Бушрары с консулом Италии позволяли консулу содержать «некоторое количество тунисских агентов», провоцировавших беспорядки и стычки, в том числе кровопролитные инциденты, на фосфатных разработках в Метлави, М'Дилле и Редейефе, а также пытавшихся настроить в пользу Италии видных тунисских патриотов, убедив их якобы в «симпатиях дуче (т.е. Муссолини) к исламу». Отказывавшихся прославлять дуче избивали, иногда убивали и почти всем им угрожали⁹⁶.

Тунис во второй половине 30-х годов был постоянным объектом фашистской радиопропаганды, транслировавшейся в течение всего дня на арабском языке мощной радиостанцией города Бари. Практически усилия официальной пропаганды Муссолини и его агентуры в Тунисе сливались с действиями французских фашистов, прежде всего Французской социальной партии (ФСП) Казимира де Ля Рокка и Партии французского народа (ПФН) Жака Дорио, которые организовывали демонстрации и провокации, обычно заканчивавшиеся драками и столкновениями с группами демократически настроенной молодежи. При этом, подчеркивает Мустафа Крайем, в этих стычках «на стороне правых активистов активно участвовали молодые фашисты из Дополаворо»⁹⁷. В сентябре 1937 г. моряки с итальянских кораблей, прибывших в Тунис с «визитом вежливости», устроили погром в помещениях прогрессивных итальянских организаций – Народного кружка Гарибальди, Итальянской Лиги прав человека (при этом был убит ее секретарь Джузеппе Мичелли) и газеты «Итальяно де Тунизис». Это событие вызвало массовые демонстрации протеста в Тунисе и проявления солидарности всех левых сил страны. На стенах домов в различных городах – в Тунисе, Сусе, Сфаксе, Бизерте – появились надписи: «Фашисты заплатят за кровь Мичелли! Смерть дуче!»

К сожалению, реакция официальных французских властей на все эти и им подобные наглые выходки итальянских фашистов была удивительно слабой. Франция стремилась не ссориться

с Италией, хотя правительство Муссолини не только не собиралось отказываться от своих претензий на Тунис, но предполагало присоединить к Италии даже часть Франции – Корсику и Ниццу. Тактика «умиротворения агрессора», задабривания его и уступок ему не приносила Франции никаких выгод. Конечно, Франция явно стремилась тогда избежать столкновений не только с заведомо более слабой в военном отношении Италией, но и с тайно (а иногда и явно) поощрявшей ее гитлеровской Германией, а также – явно побеждавшей в Испании (не без военной помощи Муссолини) фалангой генерала Франко. Кроме того, Париж в 30-е годы все время равнялся на Лондон, где считали тогда главной задачей «задобрить» силы международного фашизма и бросить их против СССР. Однако Мюнхенский сговор в сентябре 1938 г., когда Англия и Франция выдали Гитлеру Чехословакию, доказал, что «державы оси» предпочитают сначала подчинить себе Западную Европу, а интересы «западных демократий» учитывать в последнюю очередь, вернее, вообще не учитывать.

Проблема «итальянской опасности» в Тунисе исчезла только после окончания Второй мировой войны. В 1946 г. из 239549 европейцев Туниса насчитывалось 143977 французов (60%), 84935 итальянцев (35,5%) и 4178 прочих иностранцев. Это было результатом событий военного времени, в том числе специальных мер французских властей против «исторических конкурентов»⁹⁸.

Глава 5

ПАРТИЯ ДУСТУР, ЛЕВЫЕ И МХАМЕД АЛИ

Сколь ни преувеличивали французские власти «итальянскую опасность» в Тунисе, им все же пришлось признать гораздо большую опасность для режима протектората со стороны национально-освободительного движения самих тунисцев. В первые десятилетия правления Франции в Тунисе осознание этого факта отсутствовало, чему способствовала сравнительная легкость установления французского контроля над Тунисом. Кроме того, как писал знаток французской политики колонизации Виктор Пикэ еще в 1912 г., «Франция слишком часто забывает свои обязательства, связанные с ее интересами»⁹⁹. Действительно, даже возникновение групп младотунисцев с их требованиями и их выступления в 1911–1912 гг., как и деятельность тунисских эмигрантов-националистов в Европе в годы Первой мировой войны, не стали для властей протектората стимулом проведения серьезных реформ. Практически единственным их ответом на требования тунисцев явилось усиление политики колонизации путем роста инвестиций французских банков в освоение земель Туниса и расширение масштабов «офранцуживания» страны: число французов в Тунисе в 1906–1918 гг. возросло с 34 тыс. до 144 тыс. Это могло произойти только потому, пишет американский историк Дуайт Линг, что «в детстве тунисский национализм был неэффективным оппонентом режиму протектората»¹⁰⁰. Однако это «детство» продлилось недолго.

Некоторые наблюдатели фиксировали в Тунисе «определенное недовольство» и даже «ожидание с 1912 г. реализации выдвигавшихся ранее политических требований». После 1918 г. массовое возвращение в Тунис демобилизованных солдат, выезжавших на заработки рабочих и многих эмигрантов, которые увеличили численность недовольных, позволило группе младотунисцев (включая видных тунисских социалистов Хасана Геллати и Ахмеда ас-Сафи) создать в 1919 г. подпольную Тунисскую партию свободы, которая в 1920 г. легализовалась как

Тунисская либерально-конституционная партия (по-арабски «Хизб аль-хурр ад-дустури»). Широкую известность она приобрела как Хизб ад-Дустур (Партия конституции). В нее вошли столичные буржуа, юристы, интеллигенты, «вышедшие из французских школ или коллежа Садыкийя, а также – из Великой мечети Аз-Зитуна». Программа партии была изложена в брошюре «Тунис-мученик». В ней осуждались страдания, перенесенные Тунисом со времени установления французского господства (потеря земель, упадок ремесел, одним словом – обнищание). В политическом плане выдвигались требования определенных прав: создание законодательного собрания путем всеобщего голосования тунисцев и французов; создание правительства, ответственного перед этим собранием; разделение трех видов власти; равный доступ к государственным должностям и равная оплата их для тунисцев и французов; создание выборных муниципальных советов во всех тунисских центрах; свобода прессы, собраний, ассоциаций. Авторство брошюры, как считают французские историки, «без серьезных на то оснований» приписывалось Абд аль-Азизу Таальби, одному из основателей партии «Тунис аль-фатат» (которую младотунисцы, явно чтобы успокоить французов, называли «Эволюционистской», что, впрочем, не спасло ее от запрещения). Однако в международной историографии мало кто сомневается в авторстве Таальби, лишь в некоторых случаях заменяя его на «группу Таальби», т.е. единомышленников шейха из числа младотунисцев¹⁰¹.

Последние сомнения, на наш взгляд, должны были отпасть в 1920 г., когда программа «Туниса-мученика» фактически стала официальной программой партии Дустур, которую возглавили Таальби как ее наиболее популярный и харизматичный лидер и близкий к нему Ахмед ас-Сафи, ставший ее генеральным секретарем. Бей Мухаммед ан-Насер «проявил мало энтузиазма» по поводу требований Дустура, однако поддержка их не только многими тунисцами, но и «рядом либеральных и умеренных французских депутатов» заставила бея изменить свою позицию. К тому же сыновья монарха сумели убедить его поддерживать дустуровцев, что бей и сделал и даже дополнил требования Дустура своими, а также пригрозил отречением, если встретит отказ. Массовые народные демонстрации в поддержку 18 требований бея и Дустура заставили власти протектората внешне пойти на уступки. Президент Франции Александр Мильеран совершил 27 апреля – 3 мая 1928 г. официальный визит в Тунис,

«сделав вид, что ничего не произошло». Однако именно в эти дни генеральный резидент Франции в Тунисе Люсьен Сэн заявил: «Во время войны младотунисцы, благодаря контактам с нами получившие вкус к свободе и независимости, под влияниями, враждебными нашей власти, стали восприимчивы к идеям Вильсона (президента США того времени. – *Р.Л.*), особенно к провозглашению права народа на самоопределение»¹⁰².

Более того, Сэн так высказался по поводу желания тунисцами «выборного парламента и ответственного перед ним правительства»: «Два требования неприемлемы и противоречат договору Бардо» (о протекторате). Что касается Мильерана, то он заявил, что «без поддержки короны партия Дустур, известная своими связями с Советами, предстает перед всеми, лишенная всякого авторитета»¹⁰³. На самом деле никаких связей с «Советами» у Дустура не было и быть не могло, хотя коммунисты, как и большинство тунисцев, поддерживали требования Дустура. И конечно, Мильеран явно утешал себя, объясняя успех Дустура поддержкой бея, который скорее сам нуждался в поддержке. Дустур же постепенно обретал популярность, по крайней мере в городах. Впрочем, крестьянство Туниса оставалось индифферентным, а без его помощи горожане были не в состоянии добиться реального изменения положения в стране.

Поэтому палата депутатов Франции начала в июле 1922 г. обсуждение тунисского вопроса с утверждения о «сохранении при всех обстоятельствах власти и прав Франции в Тунисе, поощрении французской колонизации малого и среднего масштаба (дабы избежать создания огромных латифундий абсентеистов) и проведении политических реформ широкого плана». Однако все реформы (опубликованные в виде 6 декретов бея и одного постановления генерального резидента) свелись к административным переменам, лишь укрепившим власть Франции в Тунисе и никак не отвечавшим надеждам националистов. Консультативная конференция была заменена Великим Советом (Аль-Маджлис аль-кябир) из двух секций, заседавших отдельно – Французской и Туземной. Первую составляли 56 человек, из которых 22 непосредственно представляли широкие французские экономические интересы в Тунисе (т.е. соответствующие палаты), а остальные «избирались французскими колонистами в индивидуальном порядке». Вторую образовали 41–44 (по разным данным) делегата от региональных советов и тунисских торговой и сельскохозяйственной палат¹⁰⁴. Однако истинных перемен

в жизни Туниса в связи с этой реформой не произошло: полномочия Великого совета и учрежденных одновременно с ним «маджалис аль-джихат», т.е. советов регионов (областей), и «маджалис аль-амаль», т.е. каидатов, сводились к обсуждению бюджета и второстепенных экономических вопросов. Никаких политических, юридических и даже административных проблем они не должны были касаться. В случае же разногласий между секциями Великого совета создавалась примирительная комиссия с участием представителей властей, которым принадлежало решающее слово¹⁰⁵.

Конечно, подобные «реформы» никак не могли удовлетворить партию Дустур, уже тогда требовавшую «возвращения прав и суверенитета» Тунису, создания национального правительства (вместо представлявших собой с 1881 г. бессильную политическую декорацию «великого вазира», т.е. первого министра, и «баш-кятиба», т.е. министра пера, реальные функции которых сводились к функциям курьеров, носивших бею на подпись все важные государственные документы, составлявшиеся в канцелярии генерального резидента Франции). Колонизаторы не расщеплялись даже на формальное провозглашение демократических свобод или на уравнивание, по примеру реформы 1919 г. в Алжире, хотя бы некоторых категорий тунисцев в правах с французами. Тем не менее Мильеран восхвалял, находясь в Тунисе, «алжирский образец», одновременно напоминая о «нерасторжимых узах» Туниса и Франции и обещая провести реформы, которые «мы считаем полезными»¹⁰⁶.

Как видим, реально осуществленные реформы были «полезны», но лишь для колонистов, и именно потому, что закрепляли «нерасторжимость» уз Туниса и Франции. В Тунисе практически ничего не изменилось. Однако в партии Дустур произошел фактический раскол. Сказалась разнородность социальной основы партии, включавшей в себя в социокультурном отношении и традиционные слои мусульман, и более «вестернизированные» элементы, а в классовом отношении – и феодально-буржуазные верхи, и неимущие низы. Часть дустуровцев образовала Реформистскую партию, вставшую на позиции коллаборационизма. Другая часть настаивала на выполнении всех требований программы, исходившей из текста «Тунис-мученик»¹⁰⁷. Но в целом партия не имела четкой доминирующей линии; представляя собой, по выражению исследователя М. Ф. Видясовой, скорее «партию-коалицию», включавшую

в себя «представителей разных общественных направлений» и социальных слоев – от близких к бейскому двору аристократов до «мелкого чиновного люда», от студентов медресе до либерально мыслящих выпускников светских учебных заведений. «Тон задавали, однако, тяготевшие к панарабизму сторонники шейха Абдальазиза Таальби»¹⁰⁸. Это привело к тому, что некоторые социалисты и даже коммунисты, входившие в партию Дустур, постепенно покинули ее.

Таальби не случайно оказался во главе Дустура. Возникновение партии по времени совпало с борьбой против скупки хабусов, т.е. земель (и вообще любого имущества), доходы от которых в соответствии с шариатом в основном шли на содержание мечетей, медресе и прочих религиозных учреждений (а также священных городов Мекки и Медины). Власти протектората решили в 1919 г. скупить земли хабус с целью передачи их в фонд колонизации. Это вызвало сопротивление мусульманского духовенства и клерикального крыла националистов. Результатом сопротивления явились массовые протесты и демонстрации тунисцев, усиление исламофильских настроений в их рядах и укрепление среди дустуровцев авторитета и позиций Таальби. Причин тому было несколько: шейх был выходцем из среды духовенства, учился в старинном мусульманском университете Аз-Зитуна, трактовал в своих статьях и книгах (правда, не всегда удачно) вопросы богословия, неоднократно подвергался преследованиям властей и, сблизившись с младотунисцами и даже некоторыми социалистами, поддержал почти все их антиколониальные выступления.

Очевидно, сыграли свою роль и уступки властей националистам именно в это время, и прежде всего в вопросе о хабусах. Согласившись не трогать «частные хабусы» (т.е. учрежденные не организациями, а индивидуальными собственниками), администрация протектората одновременно не упустила шанс привлечь на свою сторону мусульманскую аграрную и коммерческую буржуазию, разрешив создать в январе 1920 г. Туземную сельскохозяйственную палату Северного Туниса, а в марте того же года – Туземную торговую палату города Туниса. Палаты назначались властями, но из списка лиц, избираемых мусульманскими землевладельцами и негодциантами. Тем самым создавались более привилегированные условия для тунисской буржуазии севера страны и особенно столицы. С учетом личных связей многих аристократических и предпринимательских семейств с бейским

двором, превратившимся в послушное орудие режима протектората, это был сильный ход французских властей, внесший раскол в ряды тунисской элиты, включая верхушку партии Дустур¹⁰⁹.

Поэтому, несмотря на рост влияния Дустура, вовлекавшего в свои ряды все новых и новых сторонников, совершенствовавшего свою организационную структуру и руководящие органы, генеральный резидент Люсьен Сэн в январе 1924 г. открыто заявил весьма авторитетной делегации 40 национальных деятелей Туниса во главе с Ахмедом ас-Сафи, что само слово «конституция» означает «политический строй, основные элементы которого абсолютно несовместимы ни с самим принципом протектората, ни с договорами, заключенными между Тунисом и Францией». Тем самым он лишал смысла все тогда часто происходившие встречи националистов с представителями властей, во время которых последние не скупились на обещания привлечь тунисцев к управлению страной, уравнивать их оклады с таковыми у французов и т.п. Иногда эти обещания исполнялись: например, в апреле 1921 г. в Тунисе было создано министерство юстиции, главой которого стал Тахар Хайрадин, сын известного реформатора XIX в. Мухаммеда Хайрадина-паши. В том же месяце Л. Сэн освободил Таальби, арестованного в июле 1920 г. во Франции. Выйдя на свободу, Таальби вскоре «стал официальным вождем и председателем партии», возглавив ее исполком из 27 человек. Повсюду висели его портреты, а в газетах его сравнивали с популярным во всем арабском мире египетским лидером Саадом Заглулом. Дустур к этому времени (весной 1921 г.) насчитывал 70 секций не только в городах, но и в сельской местности. Аппарат во главе с генсеком А. ас-Сафи начал сбор средств в кассу Дустура и выдачу членских билетов. Партии стали сочувствовать даже бей Мухаммед ан-Насер и некоторые эмиры из династии Хусейнидов. В доме наследного принца Мухаммеда аль-Хабиба происходили собрания приверженцев Таальби и даже хранились многие партийные документы¹¹⁰.

Однако, все более усиливаясь и распространяя свое влияние по всей стране (что, ввиду сравнительно небольших размеров Туниса, было проще, чем, например, в Египте, Алжире или Ливии), Дустур не был внутренне един изначально. В августе 1921 г. Хасан Геллати и прочие лидеры реформистского крыла партии выступили в прессе с уничтожающей критикой «недалекого фанатика» Таальби и «политического спекулянта» ас-Сафи. По мнению Д. Линга, «критики представляли меньшинство и их

нападки лишь усилили активность дустуровцев». Кроме того, в сентябре 1921 г. Таальби и ас-Сафи перешли в контратаку, превзойдя своих противников в резкости и оскорбительности выражений. Они бичевали Геллати и его группировку за приспособленчество, коллаборационизм и «антимусульманское» поведение (не молятся, пьют вино, играют в карты). Любопытно, что в этой полемике, в которой помимо политических разногласий было немало личного соперничества и социокультурных противоречий между традиционалистами и модернистами-западниками, коммунисты Туниса встали на сторону Таальби и ас-Сафи, а социалисты – на сторону Геллати и его сторонников¹¹¹.

Необходимо отметить, что в 20-е годы политики Туниса, стоявшие на антиколониальных позициях, еще не размежевались достаточно четко. Поэтому их отношение друг к другу гораздо чаще определялось не классовой позицией или идеологией, а происхождением, личными связями или культурной формой. Например, когда в сентябре 1924 г. были арестованы 5 рабочих кирпичного завода в Мензель Джамиле за участие в забастовке и избииении штрейхбрекеров, профсоюзный босс социалист Жоаким Дюрель по просьбе Бен Миледа (тогда коммуниста) позвонил Хасану Беллати, который добился освобождения арестованных, после чего последовало повышение заработной платы рабочим одного округа (правда, всего на 1 франк в день) и сокращение рабочего дня с 13 до 10 часов¹¹².

Администрация протектората в Тунисе имела тенденцию закрывать глаза на реальный процесс возникновения в стране структур национально-освободительного движения, квалифицируя чуть ли не все его проявления как «коммунистическую деятельность», хотя сходство между националистами и коммунистами ограничивалось лишь их «резко антиколониальной» позицией. Этому способствовала и волна стачек 1918–1921 гг., объединивших рабочих-мусульман и европейцев. Однако федерация компартии в Тунисе, хотя и была активна в 1921–1922 гг. и даже оказывала определенное влияние на радикально настроенную часть молодежи Туниса (и европейской, и мусульманской), но не имела прочной связи с Коминтерном, не избавилась от идей анархизма и синдикализма, а также не смогла наладить постоянный контакт с основной массой рабочих-тунисцев, главным образом из-за этнических предрассудков европейцев. Даже Лузон, выступавший за независимость Туниса, «рекомендовал всем активистам держаться подальше от Дустура, чтобы

избежать каких-либо компромиссов с ним, хотя обе партии выдвигали одинаковые требования»¹¹³.

В то же время Лузон, склонный, как и большинство коммунистов того времени, к сектантству и ультрареволюционности, и близкий к нему профсоюзный деятель Жан-Поль Финидори вскоре примкнули к троцкистам и, естественно, лишились поддержки Коминтерна. Не имея к тому же опоры среди коренного населения, преследуемые властями, коммунисты Туниса с середины 20-х годов перестали играть серьезную роль в политической жизни страны. Последним ударом по ним стал эпизод с Мхамедом Али аль-Хамми. Этот уроженец юга Туниса еще подростком воевал в Ливии против итальянцев, потом был в Турции шофером у знаменитого Энвер-паши, после чего пробыл 5 лет в Германии и, по некоторым данным, в Египте и Турции. Вернувшись в Тунис в 1923 г., он занялся кооперативным движением, мечтая о замене системы капитализма производственными кооперативами. В июле 1924 г. было создано Тунисское общество экономической взаимопомощи во главе с Мхамедом Али. Однако волна забастовок в августе–сентябре 1924 г. изменила ситуацию, убедив Мхамеда Али и его сторонников в необходимости организации не «нейтральных» кооперативов, а боевых национальных профсоюзов. На волне этих настроений в октябре 1924 г. и возникла Тунисская всеобщая конфедерация труда (ТВКТ), генсеком которой стал Мхамед Али, авторитет и харизма которого росли буквально с каждым часом. Но этому содействовал ряд факторов, прежде всего сильное влияние на Мхамеда Али, с одной стороны, националистов из Дустура (хотя официально лидеры Дустура сторонились Мхамеда Али), а с другой – коммунистов Туниса. Вообще-то он «был против классовой борьбы», не разделял «никакой социалистической или синдикалистской идеологии», но «испытывал жалость к рабочим и нищим». Потерпев крах как организатор кооперативов, Мхамед Али обратился к административному секретарю партии Дустур Ахмеду Тауфику аль-Мадани, который посоветовал ему создать не кооператив, а независимое профсоюзное объединение¹¹⁴.

При этом аль-Мадани действовал на свой страх и риск, не согласовывая свои действия с руководством Дустура, фактически обезглавленным отъездом на Восток в 1923 г. шейха Таальби, которого вынудил покинуть Тунис генеральный резидент Люсьен Сэн. Но в руководстве Дустура преобладала тенденция блокироваться с социалистами, а Мхамед Али, как и аль-Мадани в то время,

склонялся к союзу с менее многочисленными, но более решительными и «проарабски» настроенными коммунистами. К тому же аль-Мадани, понимая необходимость активизации и демократизации Дустура, угадал в Мхамеде Али не только «безработного, энергичного и умелого оратора», но и способного организатора. Консерваторы из руководства Дустура выступили против Мхамеда Али и советовали не сотрудничать с ним ввиду его якобы «зависимости от коммунистов». На самом деле коммунисты, тоже переживавшие тяжелые времена после ареста и высылки Лузона и других своих лидеров в январе 1922 г. и официального роспуска Тунисской секции Коминтерна в мае 1922 г. старались во всем помогать Мхамеду Али и в результате максимально содействовали созданию осенью 1924 г. профцентра под его эгидой¹¹⁵.

Но это был совсем не тот профцентр, который был нужен компартии, да и Дустуру. На своем учредительном съезде Тунисская всеобщая конфедерация труда (ТВКТ) подчеркнула «свою синдикалистскую природу и, следовательно, независимость от какой бы то ни было партии». Дустур немедленно отмежевался от ТВКТ и стал искать контакты с властями, тем более что вскоре деятельность профсоюзов, в том числе и ТВКТ, в Тунисе была запрещена, а ее лидеры во главе с Мхамедом Али арестованы и приговорены к изгнанию. Сам Мхамед Али оказался в Египте, а потом в Саудовской Аравии, где он, работая водителем автобуса, погиб в автокатастрофе в 1928 г. Вместе с ним погибла утопическая идея «социального обновления тунисского общества на основе сотрудничества между всеми классами нации», а исчезновение ТВКТ стало катастрофой и для коммунистов Туниса, которые много сделали для организации профцентра Мхамеда Али, для повышения его авторитета и для выхода из руководимой социалистами реформистской ВКТ и перехода в ТВКТ верных компартии профсоюзных кадров и их сторонников. Ставка на Мхамеда Али оказалась политической ошибкой большого масштаба, резко ухудшившей и без того трудное положение коммунистов в Тунисе¹¹⁶.

Мхамед Али фактически пытался (теоретически это не формулируя) соединить профсоюзное движение с эмоциональным национализмом. Его выступления и предлагавшиеся им методы (в основном – компромисса) оказали, как выяснилось позже, влияние на часть молодых тунисцев, в том числе на их будущего лидера Хабиба Бургибу, но особенно на участников организованных им забастовок, среди которых еще долго «были живы» его традиции. Все они в последующие годы покидали профсоюзы,

руководимые коммунистами и социалистами, постепенно примыкая к националистам. Впоследствии, уже в 30-е годы, взгляды Мхамеда Али пытались трактовать и в Тунисе, и во Франции как следование Лассалю или Прудону. Думается все же, что сам Мхамед Али вряд ли руководствовался достаточно сложными философскими категориями вышеуказанных мыслителей, тем более что собственно идеология его «до сих пор является предметом размышлений историков», при этом «предметом спорным». Его взгляд на народы колоний как «пролетарскую нацию» или его мечта о «республике рабочих» позволяют говорить только об анархо-синдикализме, представляющем основу его мировоззрения, дополненного жадной независимости от любой не-национальной (нетунисской) силы¹¹⁷.

Внимание, уделяемое всеми историками Туниса Мхамеду Али, объясняется, конечно, незаурядностью его личности и ролью его в истории страны. Точно не известны ни его политические убеждения, ни характер полученного им образования, ибо в 1921–1923 гг. он учился в разных местах, но исключался из числа студентов «за недостаточное прилежание», хотя и получил степень «доктора» в Народном университете Берлина в начале 1924 г. В своей общественной деятельности он если и применял какие-то полученные им знания, то лишь идею берлинского профессора Зомбарта «об устранении конкуренции как стимула производства и причины классовой вражды». Будучи слабым теоретиком (не написал ни одной статьи ни по-арабски, ни по-французски), он был силен как организатор и лидер профсоюзов, обладающий качествами народного вождя. Поэтому ему верили, за ним шли, о нем говорили, несмотря на ожесточенную травлю и клеветническую кампанию, развязанную против него и властями, и консервативными оппортунистами из верхушки Дустура, и печатью социалистической партии Франции, увидевшей в Мхамеде Али неожиданного и мощного конкурента в борьбе за влияние на рабочих Туниса. Но Мхамед Али, как писал позднее, уже в 50-е годы, Хабиб Бургиба, «пошел к ним на стройки, на шахты и в карьеры. Он говорил с ними их языком и заставил себя понять... В этом был его гений». В то же время он был иногда наивен и непоследователен, например, «критикуя французских рабочих и чиновников», одновременно предлагал им вступить в его профобъединение, или же, резко осуждая Дустур за «равнодушие и бездарность», при этом рассчитывал на финансовую и юридическую поддержку этой партии. Он отрицал какие-либо связи с коммунистами, но принимал

от них материальную помощь и вместе с их лидерами совершал агитпоездки по стране. Противоречивый и не всегда логичный, Мхамед Али, объективно говоря, погубил своего единственного союзника – федерацию компартии в Тунисе, отколов от нее очень многих рабочих-тунисцев, состоявших в профсоюзах, находившихся под влиянием компартии¹¹⁸.

Формально федерация компартии в Тунисе была восстановлена (после ее роспуска в мае 1922 г.) как часть компартии Франции 9 июня 1922 г. Но фактически она во второй половине 20-х годов так и не возродилась. Как считает Н. А. Иванов, «партия Лузона – Финидори не имела четкой и дисциплинированной организации с централизованным партийным аппаратом. В ней были сильны пережитки анархизма и революционного романтизма. Укоренившиеся в ней троцкистские и анархо-синдикалистские тенденции мешали ее «большевизации» и реорганизации на принципах международного коммунистического движения»¹¹⁹. Надо принять во внимание также малочисленность коммунистов, постоянные их преследования и уход от них популярных лидеров (Лузона, Финидори и некоторых других). И если для Дустура и социалистов отказ от сотрудничества с Мхамедом Али не был катастрофой, то для коммунистов нежелание его поддержать партию оказалось бедой вдвойне: партия лишилась поддержки той части организованных рабочих (причем в основном тунисцев), которые ушли из ВКТ в ТВКТ, а также не смогла вовлечь в орбиту своего влияния Мхамеда Али – чрезвычайно популярного тогда в Тунисе рабочего лидера, да еще тунисца по происхождению. Тем более что даже в 80-е годы прошлого века продолжались споры относительно того, «мог бы он быть коммунистом» и почему «он оставался глух» к их призывам, если сам был «за революционный синдикализм»¹²⁰.

Сам факт отсутствия тунисцев среди руководителей компартии мешал росту ее влияния в массах. Очевидно, дальнейший упадок ее влияния (и без того не очень значительного) произошел еще и потому, что ряды партии покинули по разным причинам ее наиболее грамотные активисты, а также нередко приезжавший с лекциями из Алжира Шарль-Андре Жюльен. Их авторитет, ранее работавший на партию, теперь обратился против нее. К политическим и социальным причинам упадка влияния компартии следует добавить и другие, связанные с этническими трениями между тунисцами и европейцами, а также между их различными группами (французами, итальянцами, мальтийцами, греками и др.), не равными по своим правам и положению в обществе¹²¹.

Вместе с тем надо с сожалением признать, что не только компартия теряла позиции в середине 20-х годов в Тунисе. Это же относилось и к другим партиям страны, позволявшим себе хотя бы малейшую критику режима протектората. Репрессии 1925–1926 гг. вынудили коммунистов уйти в подполье, а партию Дустур обрели на пассивное выжидание, ибо ее идеологи ничего не могли противопоставить колониалистской пропаганде, кроме требования (скорее – просьбы!) возродить прежнее «мусульманское государство». При этом «старые тюрбаны», т.е. окружение бея и феодально-буржуазная элита Туниса, включая верхушку Дустура, ничего не делали, чтобы добиться хоть чего-нибудь от французских властей. В то же время консул США писал в августе 1925 г.: «Никогда туземец в Тунисе не был столь независим, как сейчас». По стране распространялись слухи (скорее измышления) о якобы заключении союза Туниса и Египта против Франции (!), сильно преувеличенные сведения о победах повстанцев Рифа в Марокко над французской армией, а также мифы о якобы предстоящей женитьбе вождя рифов Абд аль-Крима на тунисской принцессе из семьи бея¹²².

В подобной тупиковой ситуации было неизбежно зарождение оппозиционных настроений в рядах национально-освободительного движения, прежде всего в рядах главной его силы – партии Дустур. Лишенная своего вождя шейха Таальби, находившегося 14 лет (1923–1937) в эмиграции, раздираемая противоречиями между прочими лидерами, стремившимися угодить и бейскому двору, и генеральному резиденту, и разношерстной феодально-буржуазной элите, метавшейся между «западниками» и исламофилами, конерваторами-клерикалами и либералами-модернистами, эта партия с середины 20-х годов фактически бездействовала, пребывая в нерешительности и выжидая неизвестно чего. Однако патриотически настроенные тунисцы возмущались малодушной позицией верхушки Дустура, особенно на фоне достигшей своего накала в 20-е годы антиколониальной борьбы народов Марокко, Ливии, Сирии, бурных событий в Палестине и Ираке. Эти настроения резко обострил мировой экономический кризис 1929–1933 гг., длившийся в Тунисе до 1935 г. Он ускорил процессы социальной поляризации в стране, обнищания деревни и роста безработицы в городе. Особенно тяжело кризис сказался на горнодобывающей промышленности и сельском хозяйстве. Гибель 80% скота спровоцировала переход к оседлости многих кочевников и полукочевников, умноживших число безработных

и городских нищих. Падение цен на сельхозпродукцию и спад промышленного производства стали резким контрастом по сравнению с экономическим бумом 20-х годов¹²³.

Тунисский историк и социолог Мустафа Крайем считает, что экономический кризис в Тунисе проявился особенно пагубно, ибо, с одной стороны, «французский капитализм захватил все богатства страны», но их эксплуатировал так, чтобы «избежать конкуренции с экономикой метрополии, а наоборот, ее укрепить и использовать», ввиду чего в Тунисе возник «полностью зависимый колониальный капитализм, своего рода придаток французского капитализма»¹²⁴. М. Крайем констатирует, что кризис, ударивший по Тунису и Франции почти одновременно, сопровождался «непрерывной серией плохих урожаев 1930–1938 гг., падением доходов, гигантской задолженностью и падением производства, что стало факторами разрушения сельского общества как туземного, так и колониального». В частности, по сравнению с 1926 г. цены на пшеницу, оливковое масло и шерсть, т.е. главные виды аграрной продукции Туниса, снизились к 1933–1934 гг. на 52–61%. Тунисское виноделие в 30-е годы «пережило самый катастрофический период». Резко упало производство в горнодобывающей промышленности (по некоторым показателям, в 4 раза)¹²⁵. Все это имело неизбежные социальные последствия, сопровождаясь демографическим ростом в 1926–1936 гг. с 2159 708 до 2608 313 человек. При этом опережающим был рост мусульманского населения – с 1889 388 до 2235 623 человек. Численность мусульман в городах только за 1931–1936 гг. выросла с 395119 до 477264 человек. Но и в городах, где найти работу в годы кризиса было сложно, как и в деревне, мусульмане, составляя более 90% всех жителей страны, страдали от кризиса в наибольшей степени¹²⁷.

Кризис способствовал политизации новой тунисской интеллигенции. В 20-е годы, считает Н.А. Иванов, «европеизация охватила средние слои города и в той или иной форме отразилась на образе мышления всего тунисского народа». Тунисцы начали отходить от замшелых догм «старых тюрбанов», постепенно осваивая достижения европейской цивилизации, в том числе политическую культуру европейцев (партии, профсоюзы, представления о гражданском обществе и правах человека). Врачи, учителя, адвокаты постепенно стали вытеснять из жизни тунисцев колдунов, знахарей, марабутов, которых раньше почитали и во всем слушались. Модернизация нравов, мод, предпочтений в одежде и развлечениях шла как из Франции, так и из раньше вступивших

на этот путь Турции и Египта. Рабочие, служащие, демобилизованные участники войны, учащаяся молодежь все более склонялись к новой технике и новым идеям, к газетам, книгам, чуть позже, в 30-е годы – к радио и кино. Можно даже предположить, что на этом пути тунисцы опережали других магрибинцев: в университетах Франции, например, в 1931–1932 гг. обучались 119 тунисцев, 21 алжирец и 11 марокканцев. При этом аристократы и буржуа среди студентов Туниса составили примерно 1/20.

Поэтому не вызывает удивления, что выходцы из средних и даже низших слоев, особенно упорные и предприимчивые уроженцы Сахеля (восточного побережья Туниса), постепенно стали доминировать среди образованных тунисцев, составив к 1939 г. 75% юристов, 50% врачей и примерно столько же фармацевтов. Невзирая на жесткое и иногда эффективное (даже отчаянное) сопротивление мусульманского духовенства и ревнителей старины, они ломали устаревшие каноны и запреты, например женились на француженках: в 1920–1940 гг. тунисцы заключили более 500 таких смешанных браков. Вместе с тем модернизация стимулировала и дальнейшее расслоение населения, особенно городского. Именно в Тунисе впервые возник в 1934 г. термин «бидонвилли», обозначивший кварталы трущоб, заселенных беднотой. Их появление, судя по всему, было одним из непосредственных результатов кризиса.

Хотелось бы отметить еще одну особенность сахельцев, составлявших в 1936 г. всего 14% населения Туниса, но давших «основную массу партийных активистов и почти весь руководящий состав» партии Дустур, вернее – той ее части, что впоследствии пошла за Бургибой. Это было не случайно. Как пишет Н. А. Иванов, именно «в Сахеле и некоторых местностях на Северо-Востоке, некогда населенных морисками – выходцами из мусульманской Испании, в отличие от других арабских стран, издавна существовали традиции мелкого частнособственнического хозяйства, основанного на личном труде свободных мелких ... землевладельцев». В свое время они бросили в Испании не только свое имущество, но и своих феодалов – испанских сеньоров, став свободными садоводами, огородниками, рыбаками, мелкими торговцами и т.п. Поселившись в Тунисе, они не дали себя поработить ни местным пашам, ни пришедшим позже европейским колонистам, а в 20-е годы стали первыми «модернизаторами»¹²⁸. Сахельцы и позже, в 30-е годы, доминировали в тунисской политической элите, образуя до 32,5% ее состава.

Политические силы страны по-разному реагировали на социальные перемены конца 20-х и начала 30-х годов. Коммунисты, переживавшие тяжелые времена, были ослаблены жестокими репрессиями властей, уходом троцкистов и анархо-синдикалистов, а также продолжавшейся внутривнутрипартийной борьбой и в Тунисе, и во Франции в рядах помогавшей тунисским единомышленникам ФКП. Социалисты продолжали настаивать на том, что наилучшим решением проблемы Туниса будет ассимиляция тунисцев, а главным злом считали национализм в любой форме и с любой стороны. Спастись от этого тунисцам они рекомендовали «сотрудничеством с людьми Запада». Что касается Дустура, то его лидеры по-прежнему ограничивались звонкими речами, пышными религиозными праздниками, полемикой с прозападными реформистами, отколовшимися от партии. Позитивной оценки заслуживают лишь действия Мухиддина Клиби, занимавшегося в исполкоме Дустура организационной работой. Он создал новые секции партии и примыкавший к ней Союз туземной молодежи в 1927 г.

Молодежь все больше стала влиять на политическую жизнь Туниса, в основном через возвращавшихся из Франции студентов и рабочих, которые почти все «в той или иной степени испытали влияние ФКП». Это влияние с марта 1926 г. шло через созданную ФКП ассоциацию «Североафриканская звезда» (далее – «Звезда»), которую возглавил алжирец Абд аль-Кадир Хадж Али (член ЦК ФКП с 1925 г.). В ее руководство (постоянно менявшееся ввиду арестов и преследований) входили 6–8 алжирцев (они численно доминировали в организации) и два тунисца: Али аль-Джазаيري и Шадли Хайраллах. Последний даже был в 1927 г. председателем ассоциации и директором ее ежемесячника «Икдам» («Отвага»). До этого он был арестован в 1926 г. как секретарь партии Дустур по пропаганде и, отбыв 6-месячное заключение, уехал во Францию, где сблизился с левыми кругами. Однако в январе 1928 г. Хайраллах был выслан из Франции и брошен в тюрьму в Тунисе¹²⁹.

Позже председателем «Звезды» стал Ахмед Мессали Хадж, тогда – член ФКП, демобилизованный сержант французской армии, то ли сохранявший связи с суфийским братством Деркауа, то ли порвавший их¹³⁰. Начав свою деятельность в «Звезде», Мессали постепенно стал ее идеологом. Именно он, выступая на учредительном конгрессе Антиимпериалистической лиги в Брюсселе в феврале 1927 г. (объединившей 152 делегата от 37 стран, включая Шадли Хайраллаха и Мессали Хаджа), изложил требования магрибинцев: независимость, вывод французских оккупационных

войск, организация национальных армий, конфискация крупной земельной собственности, захваченной феодалами, колонистами и частными капиталистическими компаниями, с возвращением этих земель крестьянам. Был также ряд требований, касавшихся ликвидации юридического и политического неравноправия магрибинцев¹³¹. В июне 1927 г. «Звезда» распространила листовку «К нашим братьям в Марокко, Алжире и Тунисе», в которой призывала возобновить вооруженную борьбу рифов в Марокко, а также обращалась к алжирцам и тунисцам: «Предупреждайте наших братьев, служащих в армии, чтобы они не сражались против своих магрибинских братьев... Да здравствуют герои независимости Арабского Магриба! Да здравствует освободительная борьба всех мусульман Северной Африки»¹³².

Хайраллах, сохраняя звание члена Исполнительной комиссии Дустура, одновременно был избран членом Генерального совета Антиимпериалистической лиги, действия которой он противопоставлял «империалистической Лиге Наций». Выйдя из тюрьмы во Франции, он с декабря 1928 г. был занят организацией новой революционной газеты магрибинской молодежи «Этандар тюни-зъен» («Тунисский стяг»). В то же время Хайраллах осуждал за якобы «никчемность» кумира алжирских националистов эмира Халида (внука Абд аль-Кадира), что нам представляется ошибочным. Эмир Халид, по крайней мере, искал пути сближения с рабочим движением, в частности с коммунистами Алжира, очень высоко оценивавшими его позицию. Да и французские власти видели разницу между последовательным антиколониализмом эмира Халида и «бонзами» Дустура, которых Хайраллах осуждал за бездействие и трусость. Он призывал всех патриотов Туниса – «без колебаний» примкнуть к партии Дустур и под ее руководством вести «безжалостную борьбу» за независимость. Проблема, однако, заключалась в том, что верхушка партии была не способна вести не только «безжалостную», но даже элементарную борьбу за независимость. Молодежь чувствовала это. В июле 1928 г. эти настроения вырвались на страницы газеты «Аль-Икдам», заявившей, что «политика молчания» руководства Дустура «не служит национальному делу и фактически поощряет империализм... Если господа вожди Дустура не думают так, пусть уходят»¹³³.

Глава 6

БУРГИБА И БУРГИБИЗМ

Выразителями настроений недовольства политикой верхушки Дустура, а заодно творцами новых мыслей и новых представлений о судьбе Туниса и формах борьбы за его освобождение стали энергичные разночинцы из Сахеля, которых возглавил молодой адвокат Хабиб Бургиба (1902–2000). Его деятельность во многом определила политическое развитие Туниса после 1930 г. и вплоть до конца XX в. Политическая судьба страны оказалась более чем на полвека связана с личной судьбой этого «тунисца французской формации», да еще жена-того на француженке.

Бургиба родился в г. Монастир и был седьмым ребенком в семье отставного офицера бейской армии. Его отец после демобилизации стал мелким чиновником местной администрации, а старший брат Мухаммед, медик, отличался, судя по всему, необычным для провинциала (да еще восточного!) свободомыслием: он женился на итальянке, участвовал в самодеятельных представлениях французской пьесы, а также в деятельности партии Дустур и даже был «замечен» полицией среди тех, кто посещал собрания коммунистов. Впоследствии два других брата Хабиба (Мхамед и Махмуд) были членами компартии. Хабиб активно общался с братьями (у Мухаммеда он одно время жил и лечился, у Мхамеда жил, когда учился в школе) и, конечно, был в курсе их взглядов и настроений. Все они, за исключением одного (Ахмеда), активно интересовались политикой¹³⁴. От отца Хабиб узнал о младотунисцах (отец привел его в 1917 г. на кладбище Джеллаз, где хоронили в это время Башира Сфара, одного из лидеров младотунисцев), а через 2 года, уже в 16 лет, прочел запрещенную властями протектората книгу «Тунис-мученик». К этому времени он уже был не по возрасту политизирован, ибо за 6 лет до этого, всего 10-летним мальчиком, он произносил фразу «Пуанкаре – война», тогда широко распространенную

во Франции и ее владениях социалистами и другими «антиправительственными элементами»¹³⁵.

Не вызывает удивления поэтому, что в 19 лет Хабиб, будучи студентом столичного лицея, вступил 5 апреля 1922 г. в партию Дустур. Он гордился тем, что его дед и дядя были участниками народного восстания 1864 г., почитал Боливара, Мадзини, Гарибальди, Ганди. В юные годы он, однако, никак не проявил себя на политическом поприще, боролся в основном с нуждой и болезнями, сумев избежать судьбы приказчика в лавке (на что хотела его обречь семья) только благодаря брату Махмуду, оплатившему учебу Хабиба и в лицее, и в Париже в 1924–1927 гг., где он окончил одновременно юридический факультет университета Сорбонна и курс Свободной школы политических наук. При этом он успевал еще посещать лекции известного арабиста В. Марсэ, занятия по психологии и анатомии, а также дебаты в Палате депутатов Франции. Он очень хотел, как признавался потом, понять «секрет могущества страны, которая свела мою на положение колонии»¹³⁶.

Бургиба с детства чтит патриотические и свободолюбивые традиции своей семьи, но не склонен был, в отличие от братьев, впадать в левый радикализм. «Капитал» Маркса, по свидетельству биографов, «наводил на него скуку», и он, оставаясь прагматиком-реалистом, считал марксизм учением для «промышленных наций Запада». Да и в философии он предпочитал Огюста Конта с его позитивизмом, а вовсе не диалектику Гегеля. Кроме того, большое влияние на него оказал его друг и в какой-то мере наставник Махмуд Матри (1897–1972). Социалист, а потом коммунист, Матри вышел из компартии в 1925 г., когда все мировое комдвижение бурно переживало ожесточенную борьбу с троцкизмом. Бургиба знал о всех поворотах политической судьбы Матри, о всех его сомнениях и размышлениях, что также не способствовало его сближению с коммунистами, которых было немало в кругах учившихся во Франции студентов – выходцев из французских колоний. Из него постепенно формировался расчетливый и деловой политический профессионал, хорошо освоивший «технику» управления и политической борьбы, умение понимать и убеждать людей разного склада и положения, всегда сочетавший смелость со здравым смыслом¹³⁷.

Бургиба, вернувшись в 1927 г. в Тунис, возобновил свое членство в партии Дустур, но ограничился на первых порах адвокатской практикой и журналистской деятельностью. Лишь в 1930 г.

он вместе с Матри активно занялся политикой, формально из-за конфликта с директором газеты «Вуа дю тюнизьен» Шадии Хайраллахом. Очевидно, Бургиба и Матри, будучи ведущими авторами и членами редколлегии газеты, претендовали на большее, пытаясь превратить «Вуа дю тюнизьен» в рупор своих взглядов. Хайраллах, входивший в руководство и Дустура, и «Североафриканской звезды», не считал нужным уступать молодым коллегам, придерживаясь к тому же более «умеренной» и последовательной в консервативно-дустуровском духе позиции. В результате летом 1932 г. Бургиба и его друзья, бывшие «думающей элитой националистически настроенной революционной молодежи Туниса», покинули Хайраллаха и основали (в ноябре 1932 г.) свою газету «Аксьон тюнизьенн». Собравшиеся вокруг этого нового печатного органа фактически образовали особую фракцию Дустура. Однако они не подчеркивали своих разногласий с руководством партии, хотя их было немало: молодые бунтари были против «бесплодной демагогии» верхушки Дустура, выступая за прямое «тунисское действие» (что и отразилось в названии их газеты); они не выдвигали конкретной программы, ограничиваясь дополнением идей французских левых туниским национализмом (некоторые из них даже продолжали состоять в рядах социалистов или коммунистов метрополии). По мнению Н. А. Иванова, «борясь с французами, они любили Париж и Францию»¹³⁸.

Однако Франция бесцеремонно отвергала все признания в любви, требуя лишь подчинения. Посетивший Тунис в апреле 1931 г. президент Франции Гастон Думерг в речах, посвященных 50-летию французского протектората, в течение шести дней превозносил «работу Франции» в Тунисе, но «полностью игнорировал» требования националистов и даже не упомянул давно ожидавшиеся в стране реформы¹³⁹. Это явилось новым поводом для недовольства туницев и для активизации фракции Бургибы – Матри внутри Дустура. Впоследствии эксперты США обратили внимание, что среди «наиболее нетерпеливых» бойцов этой фракции энергичнее других действовали Махмуд Матри, Хабиб Бургиба и Тахар Сфар, «пришедшие из Сахеля, менее затронутого европейским землевладением, чем север страны, более североафриканского по характеру и менее космополитичного, чем город Тунис. К тому же они были более вестернизированы, чем пожилые лидеры Дустура, и были свободны от их сильных религиозных симпатий». Естественно, «сахельцы» и им

сочувствующие все больше осуждали вожаков Дустура «за их приспособленчество и бездеятельность»¹⁴⁰.

Газета «Л'Акссьон тюнизьенн», критикуя старых «бонз» партии, одновременно обещала найти средства преодоления кризиса экономики, призывала к объединению всех жителей Туниса, а не только мусульман, в антиколониальной борьбе, подчеркивая опасность раскола рядов народа. Одновременно она предрекала, что «голос народа будет услышан», невзирая на «жандармов, пулеметы ... и даже жестокости сенегальцев»¹⁴¹. В 1933 г. Бургиба резко выступил против намерения Франции сделать из Туниса «французский департамент, продолжение метрополии». И вместе с тем он и его сторонники не отвергали «всякий контакт с западной цивилизацией», более того, жаждали «независимости и национального возрождения Туниса в рамках западной цивилизации». Западничество стало основой кредо Бургибы и оставалось таковым в течение всей его политической карьеры¹⁴².

2 марта 1934 г. в г. Ксар-Хелляле собрались 60 делегатов от 49 (из 80) ячеек партии Дустур. Они образовали внеочередной чрезвычайный съезд партии, тщательно готовившийся Временным комитетом во главе с Бургибой и его сторонниками. Официально к этому времени партия была распущена, но развернувшаяся кампания гражданского неповиновения вызвала беспокойство Парижа, поспешившего сменить генерального резидента Мансерона на более опытного колониального чиновника (и правого политика) Марсея Пейрутона. Последний, не отменяя роспуска Дустура, практически многое его функционерам разрешил, зная о разногласиях в партии и надеясь на ее окончательный развал. Однако его надеждам не суждено было сбыться: хотя маневры Пейрутона и ввели в заблуждение отдельных делегатов съезда, вызвав ожесточенные споры, идея сотрудничества с Пейрутоном была отвергнута. Более того, съезд распустил исполком партии и учредил вместо него политбюро из 5 человек: председатель партии – Махмуд Матри, генеральный секретарь – Хабиб Бургиба, его зам – Тахар Сфар, казначей – Мхамед Бургиба и Бахри Гига (30-летний адвокат и школьный товарищ Бургибы, журналист и правовед)¹⁴³.

Так возникла партия Новый Дустур (Ад-Дустур аль-Джадид) или Нео-Дустур. Что же касается меньшинства, не принявшего решений Ксар-Хелляля, то оно осталось верным старому руководству и вскоре стало называться партией Старый Дустур (Ад-Дустур аль-Кадим). Старый Дустур представлял партию

исламофилов, «знатных патрицианских родов и старой мусульманской элиты», а Новый Дустур был «партией европеизированной интеллигенции и мелкой предпринимательской буржуазии, апеллировавших к пролетарским слоям города и деревни». Он «вырос как партия офранцузенных разночинцев и бунтующей молодежи». Поэтому они, имея теоретически в общем-то «идентичные программы», действовали абсолютно по-разному. Новый Дустур считал коренное обновление тунисского общества условием его освобождения, Старый Дустур застыл на позициях социального консерватизма¹⁴⁴.

Вместе с тем помимо вышеизложенной характеристики, принадлежащей Н. А. Иванову, в нашей литературе имеется и другая оценка Старого Дустура, приводимая М. Ф. Видясовой и сводящаяся к необходимости более гибко и всесторонне характеризовать Старый Дустур и считающая «упрощенным стереотипное представление, что между Старым Дустуром и Новым Дустуром пролегла зияющая пропасть». Видясова предлагает считать Старый Дустур просто предшественником Нового со всеми вытекающими из этого последствиями. Думается, это мнение надо, по крайней мере, учесть¹⁴⁵. Сыграло свою роль также отсутствие в это время в Тунисе Абд аль-Азиза Таальби. Узнав о событиях на родине, он попытался вернуться, но французские власти этого не допустили, тем самым фактически помогли новодустуровцам, так как Старый Дустур в решающий момент остался без своего наиболее популярного вождя. А время работало против него, и, когда ему все же удалось вернуться в Тунис, он столкнулся с «организациями, возникшими без него и даже против него», а его былая популярность была основательно подорвана¹⁴⁶.

Новодустуровцы сразу после съезда в Ксар-Хелляле развернули агитацию в массах, стремясь восстановить влияние, которым обладал прежний Дустур. Активизировалась деятельность и других партий, в частности социалистов и коммунистов. В ответ Пейрутон, прозванный за это тунисцами «резидент-сатрап», интенсифицировал начатую еще его предшественником борьбу с «арабской опасностью». В начале сентября 1934 г. 8 лидеров Нового Дустура во главе с Бургибой и 6 руководителей коммунистов Туниса были высланы в концлагерь Бордж Ле-Беф на границе с Сахарой. В то же время были закрыты неугодные властям газеты Туниса¹⁴⁷.

Однако Пейрутон явно опоздал. Во Франции политическая обстановка после событий 6 февраля 1934 г., когда правые

националисты из «Огненных крестов» Казимира де Ла Рокка пытались взять штурмом парламент Франции (при поддержке монархистов и прочих реакционеров), складывалась не в пользу таких, как Пейрутон. Многомиллионные массы рабочих и вообще сторонников левых партий, демократов и антифашистов образовали основу широкого единого фронта сопротивления реакции. Его деятельность постепенно распространилась и на владения Франции, прежде всего в Средиземноморье. В Тунисе большинство европейцев на выборах в Великий Совет в мае 1934 г. проголосовало за правых: Пейрутон поспешил создать по итогам выборов «комиссию реформ», включив в нее новых избранных (как европейцев, так и мусульман поровну), чиновников протектората и бейских министров. Новодустуровцы и социалисты отказались войти в комиссию, а правые и деятели Старого Дустура согласились. Однако массовое недовольство диктаторством резидента, подхлестнутое «снизу» волной забастовок, митингов и демонстраций (особенно бурных 1 мая и 6 июля), в которых плечом к плечу участвовали тунисцы, французы и итальянцы (разумеется, антифашисты), коммунисты, социалисты и новодустуровцы, лишили сколоченную «резидентом-сатрапом» комиссию всякого смысла. А манифестации продолжались в городах, постепенно захватывая и сельскую местность. При этом руководившие движением новодустуровцы не забывали заклеить еще сохранивших кое-где свои позиции «бонз» Старого Дустура, вспоминал потом Пейрутон, «в том же тоне, в каком они поносили покровительствующую державу». Актив Нового Дустура (в основном молодой) довольно красочно оформлял свои митинги и шествия: въездом на белом коне, с использованием оркестров арабской музыки, с мини-парадами молодежи и раскрашиванием трибун в цвета национального флага, с пением национального гимна и т.п.¹⁴⁸

И город, и деревня довольно быстро откликнулись на агитацию новодустуровцев. Число горожан в 1931–1936 гг. выросло с 16 до 20% всего населения, в заключительной степени – за счет притока в города разоренных сельчан (и потерявших свой скот бедуинов), в основном не сумевших найти работу и лишь умноживших гигантскую массу безработных. Но и сельское население бедствовало в годы кризиса, хотя его доля и снизилась (с 83 до 79%), но абсолютная численность возросла на 92 тыс. с лишним. Положение этих сельчан отнюдь не улучшилось. Из 250 тыс. кочевников степей Юга и бедняков Сахеля 3/4 переселились

на север, в основном в города. В этой связи власти отмечали рост преступности с 16205 случаев в 1934 г. до 19020 в 1936 г. В разных районах появились «текиа» – кварталы бедноты, населенные голодающими, которых в 1937 г. насчитывалось 25 тыс. Об этих «центрах нищеты» много писала пресса Нового Дустура и социалистов¹⁴⁹.

Социальная напряженность способствовала возрождению профсоюзного движения. В июле 1936 г. только в г. Тунисе действовали 46 отраслевых профсоюзов. Некоторые из них делились на секции. Например, профсоюз служащих включал секции банков, обувщиков, универмагов, навигации, радио, сельхозмашин, библиотек, коммивояжеров, работников рынка. Разворачивалось профдвижение и во внутренних районах, особенно в крупном портовом городе Сфаксе, где наряду с давно известным профсоюзом докеров возникли профсоюзы носильщиков, рабочих химических предприятий и масляных фабрик. К 1936 г. в Сфаксе насчитывалось 3 тыс. членов профсоюза (и мусульман, и европейцев)¹⁵⁰. Тогда же в известном ныне курортном центре г. Сус было зарегистрировано 13 профсоюзов, в том числе железнодорожников, парикмахеров, госслужащих, производителей лимонада, рестораторов и работников отелей, транспортников, строителей, торговых служащих, мельников. В качестве профсоюза зарегистрирован был и комитет безработных.

Общее число организованных в профсоюзы достигло в Тунисе к марту 1937 г. 32 тыс. С июня 1936 г. они активно требовали «немедленного и автоматического» применения в Тунисе французского социального законодательства. В 1933 г. в Тунисе был введен 8-часовой рабочий день, но лишь для строителей, кондитеров, банковских и финансовых служащих (железнодорожники, докеры, газовики и трамвайщики добились этого раньше). Все прочие трудящиеся жили по декрету 1910 г., предписывавшего работать 10 часов в сутки. Однако в Тунисе тогда было всего 2–3 инспектора, следивших (вернее, просто не успевавших следить) за точным выполнением законов о труде. Поэтому профсоюзы, требуя с июня 1936 г. введения в Тунисе, как во Франции, 40-часовой рабочей недели, одновременно считали необходимым увеличить число инспекторов по труду, добываясь учреждения их постов в таких городах, как Бизерта, Сфакс, Сус, Ле Кеф и в других¹⁵¹.

Все вышеперечисленные требования профсоюзы предъявляли властям протектората уже в совершенно другой обстановке,

сложившейся во Франции после прихода к власти Народного фронта. Весной 1936 г. объединившиеся в Народный фронт коммунисты, социалисты и радикалы победили на парламентских выборах, результатом которых стал приход к власти во Франции левого правительства во главе с лидером соцпартии Леоном Блюмом. Оно ввело в Тунисе декретом от 4 августа 1936 г. положение о коллективных договорах, 40-часовую рабочую неделю, оплачиваемые отпуска. Была провозглашена свобода личности, слова, печати, собраний и организаций. Возобновился выход ранее запрещенных газет. Была восстановлена легальная деятельность ранее распущенных партий и освобождены из заключения их лидеры. 22 января 1937 г. генеральный комитет Народного объединения (филиала Народного фронта в Тунисе) опубликовал программу экономических и политических мер по улучшению положения тунисского народа¹⁵².

Генеральным секретарем созданного чуть раньше, в 1935 г., Высшего средиземноморского комитета при правительстве Франции новыми властями был назначен известный историк и эксперт соцпартии по колониальным вопросам (лучший во Франции того времени знаток Магриба) Шарль-Андре Жюльен. Это был тесно связанный со многими видными деятелями Северной Африки ученый демократических взглядов, постоянный критик французской колонизации и колониальной политики, особенно в Алжире, в молодости симпатизировавший Советской России и лично В. И. Ленину, автор, по выражению Ж. Берка, «благородных и смелых трудов». Назначение его Берк расценил как «гарантию компетентности и демократического подхода»¹⁵³.

К сожалению, программа Народного фронта, явившаяся плодом компромисса трех партий, из которых две – соцпартия и радикалы – были против независимости колоний, не предусматривала решения национально-колониального вопроса. В дальнейшем это негативно сказалось и на деятельности Народного фронта, и на взаимоотношениях Франции с колониями после их освобождения. Тем не менее Х. Бургиба и М. Матри выступили в поддержку политики Народного фронта. Их мнение легло в основу резолюции Национального Совета Нового Дустура, в котором выражалась надежда на «новый режим свободы и справедливости», который «будет содействовать моральному и материальному подъему колонизованных народов и направит их по пути освобождения». Массовый митинг 14 июня 1936 г. в столице страны объединил около 15 тыс. рабочих, бывших фронтовиков, убежденных

антифашистов¹⁵⁴. Последнее обстоятельство было важным после событий 1934 г. во Франции, выявивших наличие фашистской опасности в метрополии, да и в Тунисе, где фашизм пользовался влиянием среди части европейских колонистов, в правых кругах итальянской диаспоры и даже среди экстремистов тунисского национализма во главе с авантюристом М. Бушрарой.

Несмотря на антиколониалистский энтузиазм, охвативший тунисцев, и лояльность новодустановцев правительству Народного фронта, ситуация в стране оставалась сложной. Часть тунисцев находилась под влиянием Старого Дустура и вообще консервативных клерикалов. Н.А. Иванов обращает внимание на то, что Новый Дустур, сотрудничая с Народным объединением Туниса, все же не вошел в него, и объясняет это тем, что «среди националистов многие не доверяли европейской демократической общественности и совсем не были убеждены в необходимости прочного союза с демократической Францией»¹⁵⁵. Думается, что партия не хотела повредить себе во мнении, пожалуй, большинства националистов, отрицательно или, по крайней мере, настороженно относившихся к Франции. Напомним, что Бургиба и вообще бургибисты могли идти на какие угодно компромиссы, никогда при этом не теряя из виду свою конечную цель – независимость. Кроме того, как выяснилось в дальнейшем, Бургиба был «виртуозом политического маневра, всегда действовавшим сугубо прагматично и реалистично, не связывая себя какими-либо догмами и фетишами»¹⁵⁶.

И все же летом 1936 г. Новый Дустур всеми силами поддерживал Народный фронт, понимая, что его политика может стать началом качественных изменений положения Туниса. Поэтому вслед за митингом 14 июня в столице такие же митинги, собрания и демонстрации состоялись в Сусе, Сфаксе, Бизерте, даже в Кайруане (центре тунисского религиозного традиционализма) и в других городах страны. Всюду создавались местные комитеты Народного объединения, на которые впоследствии мог опереться социалист Арман Гийон, назначенный новым генеральным резидентом и объявивший о прогрессивных реформах режима управления¹⁵⁷.

Однако это было легко провозгласить, но почти невозможно сделать. Сотни митингов и собраний, выход в свет более 100 периодических изданий, в том числе левых и весьма левых, реорганизация легализовавшихся коммунистов из секции ФКП в самостоятельную партию Туниса, вставшую на позицию

единства всех антифашистских сил страны, небывалое усиление Нового Дустура, насчитывавшего 70 тыс. активистов, издававшего 18 газет и повсеместно создававшего свои бюро не только в городах, но и в сельской местности, учредившего свою службу охраны, союзы женщин и молодежи, группы бойскаутов, а также сделавшего «своими» профсоюзы ТВКТ (когда-то созданные Мхамедом Али аль-Хамми). Все это вызывало ярость и панику среди европейских боссов колонизации, привыкших диктовать свою волю администрации протектората, а также беспокойство европейской буржуазии и чиновничества в городах, не говоря уже о «двухстах семействах» олигархов Франции, не желавших лишаться своей колониальной империи. В Тунисе они, по мнению тунисских историков, «привыкли вести себя, как в завоеванной стране, где никто не мог противиться их беспределному желанию господствовать», даже «высокие чины администрации и сам генеральный резидент им обычно подчинялись». А в случае какого-либо их конфликта с властями правительство в Париже всегда уступало им и увольняло генерального резидента¹⁵⁸.

Примерно по этой же схеме колониалисты и стали действовать. Они добились в конечном итоге отставки правительства Л. Блюма, которое находилось у власти 15 месяцев. Вместе с Блюмом ушел в отставку и Пьер Вьено, «человек левых убеждений ... у которого была воля к переменам и несомненное стремление к диалогу». Сменивший Блюма радикал Камиль Шотан реформами не склонен был заниматься. Но конечно, не это было главной причиной прекращения диалога Нового Дустура с правящими кругами Франции. Тунисские историки пишут также о «внутренних противоречиях» Народного фронта, которые мешали его участникам выработать единую точку зрения на реформы в Тунисе, а также о «культурно-идеологических предрассудках, сохранившихся у самых просвещенных элементов французских левых в отношении основных требований тунисского национального движения». Так стремление к национальному достоинству трактовалось как проявление «узкого и устаревшего национализма». Недоверие к тунисским националистам обосновывалось их приверженностью к «религиозному фанатизму» и даже «связями с итальянским фашизмом», что было справедливо лишь в отношении приверженцев Бушары, но было совершенно несправедливо, если речь шла о Новом и даже о Старом Дустуре. Национализм объявлялся причиной «раскола рабочего класса и прогрессивных сил» в профсоюзах, особенно тогда,

когда имел место в 1937–1938 гг. отход большинства рабочих-тунисцев от руководимых компартией профсоюзов ВКТ и вступление их в профсоюзы, контролируемые Новым Дустуром¹⁵⁹.

Влияние Нового Дустура и лично Бургибы росло не по дням, а по часам. Число ячеек партии выросло с 60 в 1934 г. до 400 в 1937 г. Вместе с совершенствованием организационной структуры, отмечалось в документах партии, «возрастали динамизм и зрелость активистов, их опыт борьбы и стойкости и, наконец, качества руководителей, среди которых генеральный секретарь Хабиб Бургиба умело предлагал реальные цели, связанную с ними стратегию, гибкую и эффективную тактику, основанную на непоколебимой вере в победу»¹⁶⁰.

Тем не менее именно на уровне руководства возникли «рискованные уклоны и задержки». Первым явлением такого рода явилось «возвращение в Тунис после 13-летней ссылки шейха Абд аль-Азиза Таальби, главного основателя «Дустуровской партии», автора «Туниса-мученика», остававшегося в течение всего времени своей ссылки чуждого спорам, раскалывавшим национальное движение». Ему была организована довольно теплая встреча, так как он сохранил уважение к себе самых разных групп и течений националистов.

Бургиба посетил Таальби в сопровождении Б. Сфара, Б. Гиги, С. Бен Юсуфа, С. Бен Слимана и пытался с ним договориться о слиянии «обоих Дустуров». Стороны настаивали на своих преимуществах и не шли ни на какие уступки. Однако шейх, претендуя на положение общенационального лидера, собирався руководить всеми патриотами «преимущественно вместе с членами Исполнительной комиссии», т.е. руководства Старого Дустура. «Новый Дустур и прежде всего его генеральный секретарь приняли вызов и многие месяцы вели борьбу в прессе и во внутренних районах страны. Они исходили из своего долга пресечь возможность старого шейха причинять вред, дабы народ не вернулся снова к устаревшим методам и особенно архаичному менталитету». Лишь позднее выяснилось, что «Таальби вернулся в Тунис в июле 1937 г. по призыву французских властей», чтобы «стать свидетелем обвинения против Бургибы военным следователем майором де Герэном дю Кайла». Тогда же стало известно, что «Пейрутон в 1934 г., т.е. еще до раскола (Дустура. – *Р.Л.*), хотел вернуть шейха на родину». Иными словами, «осудив вовремя Таальби, Новый Дустур избавил народ от ошибок прошлого, обрекавших Старый Дустур на провал и бессилие»¹⁶¹.

Второй «рискованный уклон» возник непосредственно внутри руководства Нового Дустура. «Со времени ссылки в Бордж Ле-Беф разногласия между членами Политбюро вновь проявились по мере приближения кризиса. Бургиба, со своей стороны, знал с июля 1937 г. (т.е. с отставки кабинета Блюма в Париже. – *Р.Л.*), что испытание сил неизбежно, но всё, что он мог сделать, это – подготовить народ наилучшим образом к данному испытанию. Для него не было вопроса о том, чтобы избежать его любой ценой... Он никогда не соглашался, чтобы его Партия была бы обречена на бездействие и отказ от своих идеалов и целей ради избавления от репрессий». Поэтому в течение шести месяцев до событий 9 апреля 1938 г. Новый Дустур пережил трудное время, когда воля Бургибы столкнулась с возражениями Матри (подавшего 1 января 1938 г. в отставку с поста председателя партии) и его сторонников, которые не хотели столкновений с властями. По этому поводу шла ожесточенная полемика на II съезде партии 29 октября – 2 ноября 1937 г., еще больше разгоревшаяся после поддержанной Новым Дустуром забастовки солидарности с подвергшимися репрессиям националистами Алжира и Марокко. Впоследствии, вслед за Матри, и другие члены Политбюро (Гига, Сфар) заявили допрашивавшему их после ареста следователю, что это «один лишь» Бургиба «привел их к катастрофе», а они ему сопротивлялись¹⁶².

Все это было во многом следствием разрыва контактов между новодустуровцами и Парижем. Новый министр иностранных дел Франции правый радикал Альбер Сарро, курировавший отношения с Северной Африкой, был убежденным колониа-листом с большим стажем. Он не желал продолжать политику Народного фронта и именно он был инициатором прекращения контактов с Новым Дустуром. Бургиба видел это и понимал бесполезность попыток «умаслить» Сарро, чего не понимали некоторые коллеги Бургибы, опасавшиеся «прогневить» Сарро. Поэтому 11 декабря 1937 г. Бургиба призвал народ возобновить патриотическую борьбу. Всю зиму шли забастовки и демонстрации, некоторые из которых (например, манифестация рабочих Бизерты 8 января 1938 г.) были расстреляны карателями. 9 апреля 1938 г. власти потопили в крови массовую демонстрацию сторонников Нового Дустура в городах Тунис, Сус, Сфакс и других. До 200 человек были убиты, 3 тыс. – арестованы, в том числе руководство новодустуровцев во главе с болевшим тогда Бургибой. При этом Новый Дустур вроде бы остался в изоляции,

ибо его не поддержали ни коммунисты, ни социалисты, ни, тем более, Старый Дустур, а также торговые палаты и другие организации, еще чего-то ждавшие от правительства Франции, к тому времени отошедшего от Народного фронта¹⁶³.

События 9 апреля и все, что им предшествовало, продемонстрировали еще одну важную черту бургибизма. Все знавшие Бургибу отмечают его ясную логику, широту мышления, личный магнетизм и умение очаровывать людей. Отмечают и особое действие на собеседника пронизательного взгляда его ультра-мариновых глаз. Но это своеобразное обаяние было лишь одной из черт его личности. При всей тактической гибкости Бургибы, его прагматизме и умении заключать компромиссы, он всегда проявлял решительность и даже жесткость в тех случаях, когда считал это необходимым для достижения своих целей, даже если это было связано с неизбежными жертвами, временными неудачами и потерей его личной свободы. Его, казалось бы, удивительная смелость в таких ситуациях не была авантюризмом или склонностью к театральным жестам ради популярности, как считали его недруги. Наоборот, она была продиктована трезвым и дальновидным расчетом, искусством предвидеть результаты своих действий и верой в то, что народ его поймет правильно, даже пережив определенные трудности, неизбежные при свершении серьезных политических завоеваний. Сочетание всех этих качеств сделало из него поистине великого политика, по мнению многих, самого значительного в арабском мире XX в.

В официальной историографии Нового Дустура «испытание 9 апреля 1938 г. – лишь эпизод, конечно драматический, но неизбежный. Человек, его осуществивший, сделал всё, чтобы сначала его избежать. Но когда столкновение стало неизбежным и даже необходимым, он принял его не как конечную цель, а как средство, если Партия будет крепка, побудить Францию изменить ее тунисскую политику. Годами и месяцами он готовил свой народ к сражению в наилучших условиях и с наибольшими шансами на успех: то есть с максимумом гарантий для выживания Партии, которая всегда должна быть на месте, дабы возобновить борьбу и вести ее любой ценой и по этапам к окончательной победе. Вот почему 10 апреля вечером, оказавшись в суровой камере военной тюрьмы, Бургиба, хоть и больной и обессиленный, был совершенно спокоен»¹⁶⁴.

Это было удивительно, так как тогда Новый Дустур оказался почти в полной изоляции. В его поддержку выступило

лишь его же профобъединение Всеобщая конфедерация трудящихся Туниса (ВКТТ) во главе с Хеди Нуирой, протестовавшее против расстрела народных демонстраций. Однако позицию Нового Дустура осудили социалисты и коммунисты Туниса, причем последние обвиняли новодустуровцев в «двойном предательстве», и прежде всего в «сообщничестве с итальянским фашизмом» (что без конца повторяли и социалисты и что было совершенно лишено оснований). Практически левые партии еще возлагали надежды на Народный фронт, уже дышавший на ладан и разваливавшийся на глазах. Они еще чего-то ждали. Бургибе и его сторонникам ждать было нечего. Надо было бороться, что они и сделали. «Между тунисским народом и Протекторатом, – писал накануне своего ареста Бургиба, – снова произошел разрыв... Правительство начало битву. Тунисская конституционная партия на этот раз приняла вызов. Со всеми рисками, которые может повлечь за собой это решение. Вплоть до окончательного триумфа или полного разгрома»¹⁶⁵. Эти строки были опубликованы 10 января 1939 г., когда Бургиба уже сидел в камере смертников, где «должен был достойно держаться против всемогущего военного следователя майора де Герэна дю Кайла, который не скрывал своего желания отправить вождя Нового Дустура на казнь; надо было также твердо противостоять своим товарищам по политбюро, потерявшим достоинство и позволившим военному следователю бессовестно ими манипулировать, превратив их в главных свидетелей обвинения; наконец, надо было отклонять все авансы держав “оси”, которые хотели его вовлечь в их игру»¹⁶⁶.

По всему Тунису в это время установилась власть полицейской и колониальной военщины. Массовые аресты, обыски, судебные процессы и прочие репрессии стали обычным делом. Но официально распущенный Новый Дустур сумел сохранить себя как партию. Друзья и коллеги Бургибы (Бахи Ладгам, Хабиб Тамер и др.) создали в подполье временное политбюро. С апреля 1938 г. по ноябрь 1939 г. сменилось пять его составов. В равнинном и отнюдь не лесистом Тунисе трудно было скрываться от полиции. Но новодустуровцы, зная это, заранее подбирали состав следующего политбюро, который начинал действовать сразу после ареста предыдущего. Партия выпускала листовки, старалась использовать легальные публикации, имела в 1939 г. до 40 связных и около 2 тыс. активистов. И хотя в августе 1938 г. в стране было отменено осадное положение, на судьбе Нового

Дустура это никак не отразилось. К тому времени полиция преследовала не только партию Бургибы, но и коммунистов, деятелей профсоюзов разной ориентации и даже некоторых социалистов. Компартия Туниса стала подвергаться особенно жестоким преследованиям после подписания советско-германского договора в августе–сентябре 1939 г. В ноябре 1939 г. компартия Туниса оказалась под запретом, а ее руководители – под арестом¹⁶⁷.

Последний перед Второй мировой войной всплеск общедемократического движения в Тунисе имел место в декабре 1938 г. После подписания в сентябре 1938 г. Мюнхенского соглашения и в гитлеровской Германии, и в фашистской Италии оживились настроения шовинизма и экспансионизма. В Италии они выразились прежде всего в очередной кампании за передачу Италии Туниса, а заодно и части территории Франции – Корсики и Ниццы. Ответом на это явились массовые демонстрации протеста европейского и мусульманского населения Туниса, осуждение фашистских претензий в газетах страны и профранцузские акции почти всех политических сил Туниса, включая находившихся в подполье новодустуровцев, которыми руководило пятое политбюро во главе с Хабибом Тамером. Бургибе также иногда удавалось передать на волю свои распоряжения, в частности о создании Комитета сопротивления летом 1939 г., который в дальнейшем занялся организацией боевых групп¹⁶⁸.

Глава 7

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ТУНИС

Тунис вступил в войну одновременно с Францией. Война началась с введения в стране осадного положения, возрождения отмененной за год до этого цензуры, ограничения гражданских свобод, только-только введенных Народным фронтом, и усиления преследований перешедших на нелегальное положение кадров Нового Дустура и ТКП, многие из которых были брошены в концлагеря в Ле-Кефе и Сбейтле. В январе 1940 г., после ареста Комитета сопротивления, пытавшегося организовать вооруженную борьбу против колонизаторов, Новый Дустур возглавило шестое по счету временное политбюро (до его ареста в январе 1941 г.), а затем – террористическая организация «Черная рука», созданная входившим в шестое политбюро Рашидом Дрисом. Не без их влияния тунисцы отказывались служить во французской армии, распространяли рукописные и печатные материалы новодустуровского подполья. В июне 1940 г. – мае 1941 г. произошли массовые выступления крестьян-мусульман, среди которых стоит выделить восстание Мульди аль-Хуршани («тунисского Чапаева»), который более полугода истреблял на юге страны французских жандармов и их тунисских помощников¹⁶⁹.

Американский автор Д. Л. Линг утверждает, что Новый Дустур сформировал «агрессивную группу» во главе с Хабибом Тамером и Хеди Саики, которая «не только слушала новости по радио Берлина, но и поддерживала секретные контакты с самим Бургибой. Ни французский гнет, ни Вторая мировая война не смогли разрушить эффективную подпольную организацию Партии»¹⁷⁰. В то же время в Тунисе в годы войны шла серьезная политическая борьба. Новый Дустур не поддавался нажиму германо-итальянской агентуры, которая одновременно старалась настроить в пользу Гитлера и Муссолини тунисскую знать, бейский двор

и верхушку буржуазии. Приход к власти во Франции в июне 1940 г. маршала Анри Филиппа Петена повлек за собой капитуляцию Франции. В Тунис был назначен новый генеральный резидент адмирал Жан-Пьер Эстева, симпатизировавший Петену сторонник капитуляции. Естественно, порты и аэродромы Туниса стали использоваться итальянской, а затем и германской армией. Большинство европейских колонистов Туниса, особенно итальянцев, симпатизировали фашистам. Вместе с тем объявление Италией войны Франции 15 июня 1940 г. (продлившейся всего 8 дней до капитуляции Франции 23 июня) все же вызвало трения между французами и итальянцами в Тунисе. Часть итальянцев даже была отправлена в концлагеря на западе Туниса и в Алжире, вследствие чего франко-итальянские отношения еще более ухудшились¹⁷¹.

Возглавив Тунис, адмирал Эстева распустил Великий Совет и отменил все демократические свободы. Была развязана кампания против местной еврейской общины как якобы «антифранцузской», «привилегированной», «англофильской» и т.п. Одновременно наносились удары по новодустуровцам и ТКП. Петеновцы стремились отвлечь тунисских (как и алжирских) мусульман от антиколониальной борьбы, всячески восхваляя культ «Шейбани» («Старика», т.е. Петена), разжигая антисемитские настроения, сбивая тунисцев с толку всевозможными слухами. Всему этому противостоял не только Новый Дустур, но и ТКП, наладившая в подполье выпуск своих листовок, а также газет «Авенир социаль» и «Ат-Талиа». Однако Новый Дустур не раз (в октябре 1941 г., октябре–ноябре 1942 г.) отклонял предложения ТКП о союзе. В результате власти били их поодиночке. В феврале–марте 1942 г. в Бизерте прошли три судебных процесса против ТКП, а в г. Тунисе – суд над членами шестого политбюро Нового Дустура¹⁷².

Бургиба в первые годы войны был переведен из тюрьмы в Тунисе в заключение на юго-востоке Франции (в департамент Нижние Альпы). По мнению М. Матри, жизнь ему спас принципиально либеральный Арман Гийон, установивший поддельность некоего письма, обвинявшего Бургибу в связи с итальянской разведкой. Это обвинение могло стать смертным приговором для Бургибы. Но Гийон добился изъятия письма из дела как фальшивки. Бургиба, пожалуй, единственный из арестованных лидеров Нового Дустура при этом сохранил присутствие духа. Остальные либо впали в «глубокую апатию», либо

повели себя малодушно, «испустив вздох облегчения» и свалив всё на «лидера-диктатора». Еще хуже повели себя левые партии, которые «приняли за чистую монету далеко не новые обвинения в адрес националистов об их падкости на деньги европейских сторонников Франции»¹⁷³.

Поражение Франции в войне с Германией в Тунисе расценили по-разному. Интеллигенты французской школы, подобные М. Матри, «забыв обиды, искренне разделяли горе Франции». Но, судя по всему, это не было общим мнением тунисцев. Среди них некоторые «злорадствовали, другие выжидали, для подавляющего большинства Вторая мировая война была “чужой войной” ... а резкое сокращение торговых связей с метрополией, на две трети оккупированной немцами, было на руку местным предпринимателям». Наконец, 18 июня 1942 г. умер престарелый Ахмед-бей, которого сменил на троне 62-летний Мухаммед аль-Монсеф. Он жил скромно, будучи лишь третьим претендентом на престол, дружил с известными поэтами Шазли Хазнадаром, Али Кахъей и еще некоторыми «основателями Дустура». Знаком он был и с М. Матри, которого взял репетитором для своего сына. Короче, «он был симпатичен как представителям тунисской интеллигенции, так и простым людям». К тому же 12 октября 1942 г. бей поссорился с адмиралом Эстева и тут же попросил правительство Петена избавить его от «наглого генерального резидента». При этом прошел слух, что бей хотел «выручить» заключенных лидеров Нового Дустура¹⁷⁴.

Настроения тунисцев в годы режима Виши не были постоянными. Поражение Франции в июне 1940 г. было встречено большинством их радостно. Во время религиозных праздников можно было услышать: «Всевышний послал немцев, чтобы отомстить французам! Да будь проклят этот народ! Прокляни его Аллах на этом свете и на том!». 12 мая 1941 г. (в 60-ю годовщину протектората) появилась листовка, констатирующая, что «протекторат мертв», и требовавшая создания «свободного национального правительства». В стране ходили слухи, что Германия якобы договорилась с Францией об отмене протектората. Этому верили даже многие члены Нового Дустура¹⁷⁵. В пользу этого говорили и некоторые пропагандистские акции немцев: освобождение из плена 10 тыс. магрибинцев – солдат французской армии, субсидирование издания в Париже газеты «Ар-Рашид» («Ведомый правильным путем»), проповедовавшей отделение от Франции ее колоний¹⁷⁶.

Прогерманские настроения тогда проявились и у некоторых арестованных членов политбюро Нового Дустура (например, у доктора Бен Слимана). Неколебим был в своих симпатиях к западным союзникам один Бургиба. Об этом свидетельствуют и воспоминания его сокамерников (того же Бен Слимана), и его действия в то время, в частности передача письма консулу США 16 октября 1942 г. через свою жену – француженку Матильду, «чьей жизнью он тогда впервые рискнул»¹⁷⁷. Еще более убедительно его письмо доктору Хабибу Тамеру, фактически возглавлявшему тогда подпольный аппарат Нового Дустура. В нем Бургиба давал директиву установить отношения с «французами-голлистами» в Тунисе и с «некоторыми нашими друзьями-социалистами». По мнению Бургибы, «наша поддержка союзников должна быть безусловной... Я повторяю вам – это вопрос жизни или смерти для Туниса»¹⁷⁸.

Незадолго до этого Монсеф-бей (получивший потом прозвище «националист на троне») информировал власти протектората о своем намерении провести реформы, предусматривавшие: 1) создание Консультативного совета с широким представительством тунисцев; 2) увеличение численности тунисцев в госаппарате (где с 1881 г. доминировали французы); 3) равенство прав и окладов для чиновников-тунисцев и европейцев; 4) контроль тунисцев над центральной администрацией; 5) ограничение власти французских гражданских контролеров; 6) введение арабского языка в школах (где абсолютно господствовал французский); 7) контроль правительства над учреждениями государственного значения. Бей говорил туниским кадрам, что «только они представляют страну», и если французские гражданские контролеры мешиваются в их дела, то «не колеблясь, обращайтесь ко мне»¹⁷⁹.

Конечно, власти протектората и не подумали пойти навстречу бео, но они стали считать его своим врагом. Впрочем, друзей у них в Тунисе почти не было, включая и европейцев левых взглядов. Есть свидетельство депутата от ФКП Флоримона Бонта, брошенного петеновцами (как и многие его коллеги) в концлагерь. Вместе с деятелями ФКП в алжирских тюрьмах и концлагерях находились многие туниские коммунисты, которые «держались с беспримерным мужеством». Страдая, как и их товарищи по несчастью из Алжира, Франции и Марокко, от пыток, голода и болезней, они говорили: «Ничто не заставит нас пасть духом, ничто не испугает. Мы не пойдем ни на какие уступки, а тем более никогда не капитулируем»¹⁸⁰.

В конце октября 1942 г. началось наступление 8-й английской армии генерала Бернарда Лоу Монтгомери и откат под его нажимом германо-итальянского «Африканского корпуса» Эрвина Роммеля из Египта в Ливию. Вскоре (8–15 ноября 1942 г.) удар Монтгомери с востока был поддержан англо-американским десантом в Марокко и Алжире. Войска правительства Петена не смогли оказать этому десанту серьезного сопротивления (не в последнюю очередь – благодаря поддержке войск союзников антифашистами и сторонниками де Голля). Фактически власть в Марокко и Алжире перешла в руки союзного командования Англии и США. Но формально ее захватил якобы «случайно» оказавшийся в Северной Африке адмирал Франсуа Дарлан, занимавший высокие посты в правительстве Петена¹⁸¹. Однако 24 декабря 1942 г. Дарлан был убит молодым аристократом Фернаном де Ля Шапелем, выступавшим за единение де Голля с претендентом на французский престол графом Анри Парижским. Граф, живший в Танжере на своей свиноферме, впоследствии тщетно пытался спасти от расстрела убийцу Дарлана как «отличного француза, преданного стране и верившего в необходимость исчезновения адмирала ради спасения отечества». Со своей стороны, генерал де Голль считал, что поспешный расстрел де ля Шапеля и замалчивание обстоятельств его дела доказывали, что «кое-кому любой ценой хотелось скрыть причину, толкнувшую юношу на убийство»¹⁸². Эта запутанная история своими корнями уходила в ожесточенную борьбу за власть и влияние (пока что в Северной Африке, но с прицелом на Францию после ее освобождения), которая вспыхнула среди европейцев Магриба после прихода англо-американцев, довольно плохо ориентировавшихся в течениях французской политики и не сразу разобравших, кто есть кто и что к чему на севере Африки в калейдоскопе разных направлений, личных и политических судеб конца 1942 г.

Оживились абсолютно все эти течения – от коммунистов до монархистов. Но среди них выделялись своей общепатриотической позицией деголлевцы, а своей реакционностью – консервативные круги, связанные с «сеньорами» колонизации. Именно на последних и ориентировался генерал Жиро, выходец из богатых колонистов Алжира и реакционной военщины, сумевший связаться с американцами, еще находясь в германском плену. Однако весь этот политический хаос не сразу распространился на Тунис. Дело в том, что вслед за высадкой англо-американцев в Марокко и Алжире последовало десантирование немецких

и итальянских войск в Тунис. Несмотря на блокаду побережья Туниса авиацией и флотом союзников, с ноября 1942 г. по март 1943 г. в Тунис были переброшены из Сицилии до 40 тыс. германских и итальянских солдат при поддержке примерно четверти Люфтваффе (ВВС Германии) и под командованием ранее отличившегося на советско-германском фронте генерала Вальтера Неринга. Они сдержали напор 9 дивизий Англии, США и «Свободной Франции» (тогда ими командовал генерал Жиро) и позволили 14 дивизиям «Африканского корпуса», отступившим из Египта и Ливии, отойти в порядке и даже подготовить в январе 1943 г. мощную танковую контратаку в районе горного прохода Кассерин. Благодаря этому германо-итальянцы смогли укрепить так называемую линию Марета. Но все же в марте 1943 г. они были вынуждены ее оставить. К этому времени «Африканским корпусом» командовал уже генерал-танкист Оскар фон Арним, до этого воевавший на советско-германском фронте. А Роммель был отозван (по некоторым сведениям, в результате интриг недовольного им итальянского генералитета).

Войска фон Арнима в апреле 1943 г. избежали окружения, грозившего им в результате объединения 8-й армии Монтгомери, наступавшей с востока, и 2-го корпуса армии США, продвигавшегося с запада. Фон Арним произвел «искусный маневр» и спас «основу своей армии», создав оборону столицы Туниса на новой линии Энфидавила – известного центра европейской колонизации. Здесь он «держался твердо», но в конце апреля союзники предприняли наступление с запада. 7 мая англичане заняли столицу, а 2-й корпус США – Бизерту. Десятки тысяч немцев и итальянцев попали в плен. 13 мая сопротивление войск «оси» прекратилось. «Менее 700 человек из 150000 германцев и итальянцев, участвовавших в битве за Тунис, избежали смерти или плена. Контроль над воздушными базами Туниса и возможности флота в Бизерте стал решающим для последующего вторжения союзников на Сицилию и на материковую часть Италии»¹⁸³.

Вместе с англо-американцами в Тунис вернулись и французы, в том числе французская администрация, полиция и прочие «прелести» протектората и его бюрократии. От них тунисцы несколько отвыкли за полгода германо-итальянской оккупации. При высадке немцев в ноябре 1942 г. часть французских войск, полиции и бюрократии заняла позицию невмешательства (учитывая лояльность режима Виши Германии и Италии), другая же часть двинулась в Алжир на соединение с союзниками,

поскольку к этому призывали и де Голль, и Дарлан. Генеральный резидент Эстева без конца колебался, но все же освободил из концлагерей деголлевцев и даже коммунистов, разрешил выехать из Туниса испанским и итальянским антифашистам. Страна раскололась на две части: на западе шли бои с передовыми частями вторгшихся из Алжира американцев и деголлевцев, на востоке обосновались германские штабы, комендатуры и гестапо, официально признанные тем же Эстева. Назначенный в Тунис германский рейхскомиссар Рудольф фон Ран с помощью Жоржа Гильбо (представителя профашистской партии Жака Дорио) «тасовал» чиновников протектората, преследовал активистов ТКП, соцпартии, де Голля и особенно французских офицеров любых взглядов, опасаясь их перехода к союзникам.

Французские власти потом совершенно бездоказательно утверждали, что якобы имело место «массовое сотрудничество» тунисцев с германо-итальянцами. За это были арестованы 9536 человек, из которых 3 тыс. были приговорены к разным срокам заключения, а 154 – к смерти. Однако исследованиями 80–90-х годов как в Тунисе, так и за его пределами доказана в той или иной степени виновность лишь 1010 человек, среди которых – лишь 310 тунисцев. В стране многие считали, что немцы – «мстители, которые освободят Тунис от французского ига». Реально были виновны 21 чиновник администрации бея и 3 диктора на радио Берлина и Рима. Остальным не смогли предъявить ничего, кроме выпадов против власти Франции или «англосаксонского империализма». Правда, рейхскомиссар Ран пытался заигрывать с арабами. 1 декабря 1942 г. были освобождены из заключения новодустуровцы, в том числе весь состав шестого политбюро партии. Им дали право выступать по радио и издавать газету «Ифрикийя аль-фатат» («Молодая Африка»). Однако тунисцы в основном не приняли этой «услуги».

На позицию нейтралитета и выжидания встал и Монсеф-бей: он отказался объявить войну союзникам, чего требовали оккупанты, даже от провозглашения независимости, к чему его подталкивал итальянский посол. Тем не менее бей сформировал, не спрашивая ни оккупантов, ни Гильбо, «правительство национального единства» во главе с председателем торговой палаты Мухаммедом Шеником, лояльно относившимся к Новому Дустуру. В его кабинет вошли представители аристократии, буржуазии и даже близкие к новодустуровцам либеральные интеллигенты (Бахри Гига, Махмуд Матри), а также

генеральный секретарь Старого Дустура Салах Фархат. Это правительство не имело реальной власти, но было первым за 60 лет правительством, состоявшим из тунисцев. Его создание вызвало энтузиазм народа и подняло престиж бея, которого всюду стали приветствовать многотысячные толпы, где бы он ни появлялся – в мечетях, медресе, во время празднеств и религиозных мероприятий. Он был символом государственного суверенитета, о котором тунисцы вспомнили, наблюдая игнорирование немцами и итальянцами чиновников французского протектората, раскол местных французов на приверженцев Петена и де Голля, их соперничество с местными итальянцами. Поэтому тунисцы с презрением отвергли пытавшегося противопоставить себя кабинету Шеника платного агента немцев Хаджа Насера аль-Джазаири, сколотившего профашистскую группировку «Шабаб Мухаммад», которую поддерживал и финансировал экс-муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хусейни, с 1940 г. – диктор радио Берлина. Вскоре группа аль-Джазаири была нейтрализована проникшими в ее руководство новодустуровцами Ахмедом Бен Салахом, Тайебом Сахбани и Ахмедом Кабтани. Необходимо напомнить, что во время всех этих событий в рядах французской дивизии генерала Леккерка, примкнувшей к 8-й армии Монтгомери, мужественно сражалось подразделение русских эмигрантов под командой Румянцева¹⁸⁴.

Державы «оси» пытались вовлечь тунисцев, и прежде всего Новый Дустур, в свои планы подчинения Магриба. В ноябре 1942 г. немцы, вступившие в неоккупированную зону Франции, освободили из заключения Бургибу и его товарищей (якобы «по приказу фюрера»), отправив их в Рим 9 января 1943 г. Там Бургиба получил письмо от Амина аль-Хусейни, пытавшегося склонить его встать на сторону держав «оси». В ответ Бургиба написал: «Сначала независимость Туниса, а потом все остальное, но вряд ли первое дадут». По некоторым данным, на Бургибу пытался влиять и небезызвестный дружеский эмир Шакиб Арслан, выдвинувшийся в 20–30-е годы как идеолог панарабизма, но с 1931 г. сблизившийся также с Муссолини. Недели, проведенные в Риме, были, возможно, самыми трудными для Бургибы как политика: примкнуть к державам «оси» означало отречься от своих принципов и в конечном счете проиграть (потому что перспектива краха фашизма уже вырисовывалась), открыто заявить о поддержке союзников, находясь в плену у их врагов, могло повлечь за собой самые жесткие репрессии и даже мгновенную

гибель. Тем не менее Бургиба заявил представителю министерства иностранных дел Альберто Меллуни о необходимости признать независимость Туниса и вести переговоры с Монсеф-беем.

26 февраля 1943 г. Бургиба и пять его сторонников (включая старшего брата Махмуда) прибыли из Рима в Тунис. Его и еще двух членов политбюро Нового Дустура принял рейхскомиссар Ран, предложивший им 1 млн франков. Но Бургиба отклонил все предложения Рана, включая финансовые¹⁸⁵. 6 апреля он был вынужден выступить по радио Бари (тогда – центра пропаганды фашистов на всё Средиземноморье) и даже поблагодарить державы «оси» за освобождение узников концлагерей в Тунисе и во Франции. Это было условием возвращения на родину его самого и его товарищей по заключению. Но одновременно Бургиба призвал сплотиться вокруг «возлюбленного государя, слушаться его бесценных советов и следовать его указаниям». Учитывая фактическое дистанцирование «возлюбленного государя» от германо-итальянских оккупантов, это был призыв к нейтралитету в ожидании неизбежной победы союзников, перспективы которой в апреле 1943 г. были уже ясны, тем не менее при приближении союзных войск к столице Туниса 7 мая «Бургиба принимает решение на время скрыться»¹⁸⁶.

Он ничем не скомпрометировал себя перед союзниками, но понимал, что их спецслужбы могут использовать против него и контакты с Шакибом Ареланом и Амином аль-Хусейни или, тем более, с Рудольфом фон Раном, и выступление по радио Бари, а самое главное – его постоянное отстаивание идеи независимости Туниса, «преступное» в глазах французов любой политической ориентации, тогда еще веривших в незыблемость своей колониальной империи. Кстати, союзников опасался не только Бургиба: в первую неделю мая Тунис покинули такие видные новодустуровцы, как Хабиб Тамер, Тайеб Слим, Рашид Дрис и некоторые другие. И нельзя сказать, что их опасения были беспочвенными.

После разгрома германо-итальянцев власть в Тунисе была передана сотрудничавшим с англо-американским командованием французским генералам. Но кто они были? И командовавший непосредственно французскими войсками, участвовавшими в боях в Тунисе, генерал Альфонс Жюэн, и практически назначенный американцами «гражданский и военный главнокомандующий» генерал Анри-Онорэ Жиро были выходцами из семей богатых колонистов Алжира, т.е. наиболее ярых ультраколониалистов.

Ясно было, чего от них следовало ожидать. Это и произошло: едва восстановив свою власть в Тунисе, французы подвергли преследованиям самого разного рода, вплоть до смертных приговоров и осуждения на длительные сроки тюремного заключения, около 10 тыс. тунисцев-мусульман, формально – по обвинению в коллаборационизме. Как выяснилось, все это было сделано по приказу Жиро, о котором еще в 1938 г. бывший тогда премьер-министром Франции весьма умеренный радикал-социалист Эдуард Даладье сказал: «Это – фашист». Стоит упомянуть, что все это происходило в стране, разоренной военными действиями и грабежом германо-итальянских оккупантов, причинивших Тунису ущерб на 5536 млн франков и сумевших свести почти к нулю сельское хозяйство и промышленность страны в 1942–1944 гг., ставших медленно возрождаться лишь к 1945–1947 гг., и то на 61–82% к уровню 1939 г.¹⁸⁷

Генерал де Голль – тогда глава только что созданного Французского комитета национального освобождения (ФКНО) – так описал положение в Тунисе примерно через полтора месяца после изгнания германо-итальянцев: «26 июня (1943 г. – *Р. Л.*) я отправился в Тунис. Я обнаружил там, что регентство (старое название Туниса османских времен. – *Р. Л.*) живет под знаком потрясений, вызванных вторжением врага, политикой режима Виши, поддерживавшего силы «оси», сговором местных националистических элементов с немцами и итальянцами. Материальный ущерб был весьма значителен. Политические последствия также. Перед моим приездом в Алжир (30 мая 1943 г. – *Р. Л.*) “гражданский и военный главнокомандующий” сместил бея Монсефа, чье поведение во время оккупации казалось Жиро нежелательным с точки зрения тех обязательств, которые связывали самого Жиро с Францией. Большинство членов обоих “Дестуров” были арестованы. В деревнях пришлось карать за покушения на жизнь и имущество французских колонистов, совершенные грабителями и фанатиками при попустительстве, а то и при прямом содействии захватчикам»¹⁸⁸.

Оставляя в стороне преувеличения «содействия захватчикам», так как германо-итальянцы пробыли менее полгода и были заняты в основном войной, стоит дополнить свидетельство де Голля относительно действий «гражданского и военного главнокомандующего», т.е. Жиро, в то время – конкурента де Голля в борьбе за власть. Формально бея сместил Жиро (несмотря на отказ бея объявить войну союзникам и покинуть Тунис вместе

с немцами). Но первым и публично его удаления потребовал Жюэн, лично прибывший для этого в Ла-Марсу (резиденцию бея) уже 13 мая, когда еще шли бои на территории Туниса. Колонизаторы спешили! Хотя потом Жюэн утверждал, что «все указания шли из Алжира», где находился штаб Жиро. Не снимая ответственности с Жиро, стихийного, но политически малограмотного и не очень решительного колониалиста, следует иметь в виду и влияние на него англо-американцев, веривших в «коллаборационизм» Монсеф-бея, и, вполне возможно, Марселя Пейрутона, назначенного союзниками генерал-губернатором Алжира. Пейрутон, неплохо знавший Тунис и к тому же серьезно поссорившийся с беем во время пребывания на посту генерального резидента Туниса, был замечен 7–13 мая 1943 г. в организации «группы давления», добивавшейся свержения Монсеф-бея¹⁸⁹.

По признанию де Голля, в Тунисе «общественное мнение было взбаламучено отъездом популярного» Монсеф-бея. Однако генерал посетил в Карфагене нового бея, 63-летнего Мухаммеда аль-Амина (Сиди Ламина), который, по словам де Голля, «нес бремя власти с благородной простотой», «преданностью своей стране и желанием служить ей». Автор этих лестных слов, писавший свои мемуары в 50-е годы, не счел нужным упомянуть о том, что тунисцы в большинстве своем не признавали Сиди Ламина своим беем до 1947 г., т.е. пока жив был находившийся в изгнании сначала в Сахаре, а потом на юге Франции свергнутый колониалистами Монсеф-бей, «националист на троне», чье кратковременное правление (меньше года) оставило неплохую память и заметный след в истории Туниса¹⁹⁰.

Что же касается де Голля, то для него было важно, конечно, не отношение тунисцев к Монсеф-бею, а то, что Сиди Ламин, «я вправе так думать – видел во мне олицетворение Франции, уверенной в самой себе и, следовательно, великодушной – словом, такой, какой Тунис часто ее представлял и какого порой видел ее воочию»¹⁹¹. В 1943 г. де Голль вел трудную борьбу за признание его «олицетворением Франции», какового он не получал ни от США, ни от приютившего его Черчилля, ни от значительной части военной элиты Франции, для которой тогда авторитетными лидерами были не он, а скорее Жиро, Дарлан, Жюэн. Звездный час де Голля был еще впереди. А в 1943 г. он ценил любое признание или проявление лояльности.

Однако вернувшаяся почти в неизменном виде прежняя администрация протектората «взяла реванш за годы ее третирования

и беем, и германо-итальянцами». Свыше 10 тыс. мусульман были арестованы, многие новодустуровцы расстреляны без суда. Объявив всех националистов «коллорабационистами» и «профашистами», власти преследовали их без разбора. Скрывавшийся в подполье Бургиба направил 1 июня 1943 г. письмо президенту США Рузвельту с просьбой вмешаться и пресечь произвол колониалистов.

До этого Бургиба встретился 17 мая с консулом США в Тунисе Хукером Дулиттлом и сумел произвести на него чрезвычайно благоприятное впечатление. У Бургибы было какое-то своеобразное обаяние, умение располагать к себе людей и убеждать их. И он нередко пользовался этими своими качествами, восхищая друзей, обезоруживая врагов и очаровывая тех, кто увидел его впервые. Очевидно, так было и 17 мая 1943 г., ибо после этой встречи консул Дулиттл посетил генерала Жюэна, временно исполнявшего обязанности генерального резидента, и решительно выступил персонально в защиту Бургибы, используя для этой цели даже документы французской контрразведки, следившей за Бургибой. Очевидно, консул знал содержание этих документов, ибо после его беседы с Жюэном Бургиба получил «заверение в том, что его не будут преследовать». Судя по всему, через Дулиттла Бургиба передал и письмо Рузвельту, после которого репрессии против новодустуровцев стали значительно реже. Эту встречу руководство Нового Дустура потом расценило как «источник симпатии и солидарности, которые с тех пор не прерываются и развиваются между Тунисом и Соединенными Штатами Америки»¹⁹².

Но французские власти по-прежнему отказывались вступать в переговоры с Новым Дустуром. В то же время никаких арестов не было произведено в Тунисе среди европейцев-коллорабационистов. Лишь различным взысканиям подверглись около 500 человек из них, в том числе всего 197 из 14470 членов фашистских организаций, расплодившихся среди североафриканских французов за годы господства режима Виши. Естественно, в подобных условиях Бургиба, временно сняв лозунг независимости, стал добиваться предоставления Тунису «внутренней автономии», равноправия тунисцев и европейцев, а также – возвращения незаконно отстраненного Монсеф-бея. Вместе с тем руководство Нового Дустура, учитывая распространявшиеся в стране, как и за ее пределами, идеи арабского национализма и единства, сохраняло ячейки партии в подполье, издавало нелегальную газету «Аль-Хиляль» («Полумесяц»),

старалось распространить свое влияние в массовых организациях. С ноября 1943 г. началось (во многом под влиянием левых сил во французском движении Сопротивления) возрождение демократических свобод и ослабление репрессий. Де Голль, заинтересованный в привлечении тунисцев во французскую армию, восстановил органы самоуправления в стране и амнистировал националистов, тысячи которых вернулись домой. Тунисцы активно участвовали в освобождении от фашизма Италии, Франции, Германии и Австрии. До 70 тыс. из них погибли в боях.

На обстановке в Тунисе в 1944–1945 гг. сказался рост влияния ТКП благодаря победам СССР в ходе войны. К концу 1944 г. ТКП имела свои организации в 60 городах и селах страны. Ее газета выходила тиражом в 20 тыс. экземпляров. В ходе выборов 1945 г. ТКП получила до 20% голосов европейцев. Однако колонизалисты и правые повели за собой до 56% европейцев (тунисцы в выборах не участвовали). В 1944 г. Новый Дустур создал свой профцентр – Всеобщий союз тунисских трудящихся. В начале 1945 г. Бургиба тайно выехал в Египет, надеясь добиться помощи националистов других арабских стран, создавших в марте 1945 г. в Каире Лигу арабских государств (ЛАГ). Бургиба, как и многие другие арабские патриоты, возлагал на ЛАГ определенные надежды и вплоть до 1949 г. старался воспользоваться ее помощью. А Новым Дустуром в Тунисе в это время руководил его генеральный секретарь Салах Бен Юсуф. Впоследствии это обстоятельство стало причиной серьезных трудностей для Бургибы¹⁹³.

Восстанавливая старые порядки в Тунисе, колонизаторы как бы уподоблялись Бурбонам XIX в., которые, возвращаясь в послереволюционную Францию, по выражению князя Талейрана, «ничего не забыли и ничему не научились»¹⁹⁴. Однако попытки вернуться в прошлое на сто процентов были несостоятельны. Кое-что все же пришлось изменить. Было создано еще одно дополнительное министерство во главе с министром-тунисцем и реформирован Великий Совет, сохранивший, впрочем, лишь совещательные функции. При этом европейское меньшинство избирало 53 делегата в этот Совет путем прямых выборов при пропорциональной системе представительства, а тунисцы, составляя большинство населения, избирали тоже 53 делегата, но путем двухступенчатых выборов при ограничении избирательного права. Иными словами, реально в политической жизни ничего не менялось. Колонизалисты, постепенно бравшие верх во Франции, лишь соглашались чуть-чуть подкрасить фасад

режима протектората при сохранении его сути. Теряя позиции в других регионах мира (в Сирии, Ливане, Вьетнаме), они мертвой хваткой вцепились в Северную Африку, надеясь превратить ее в «последний бастион французского величия». Кстати, этот термин зазвучал в речах генерала де Голля еще во время войны, а после нее стал чуть ли не главным пунктом его политической программы, хотя в новой конституции Франции, принятой в октябре 1946 г., место империи занял Французский союз, объединивший формально равноправные народы¹⁹⁵.

Вместе с тем Новый Дустур, несмотря на кампанию клеветы и лживых обвинений колониалистов, в общем и целом не давал повода юридически обвинить его в «антифранцузской» деятельности. «Благодаря бдительности своего вождя» он срывал все попытки извратить его позицию и подкопаться под нее. Бургиба во всех своих выступлениях, интервью и статьях предвоенных и первых военных лет не уставал повторять: «Тунис, став хозяином своей судьбы, продолжит свое развитие в орбите Франции»¹⁹⁶. В документах Нового Дустура впоследствии совершенно справедливо отмечались «мужество», «дальновидность», свобода от соображений личной ненависти или предубежденности, предусмотрительность и редкая способность предвидеть ход событий, проявленные Бургибой во время пребывания в заключении. Подчеркивалось и его умение идти против мнения большинства, если он считал, что большинство занимает ошибочную позицию (в частности, во время войны далеко не все тунисцы и даже деятели Нового Дустура понимали смысл отрицательного отношения Бургибы к державам «оси»)¹⁹⁷.

Наиболее ярким примером солидарности Бургибы с антифашистами и проявлением враждебности к державам «оси» стало его письмо главе подполья Нового Дустура доктору Хабибу Тамеру. Оно было передано Бургибой в августе 1942 г. жене Матильде и их 15-летнему сыну при свидании с ними в тюрьме на юге Франции. В письме говорилось: «Вы должны дать приказ активистам партии, под мою ответственность и, если надо, за моей подписью, связаться с французами-деголлевцами в Тунисе (они должны там быть, особенно среди наших друзей-социалистов), дабы соединить по возможности наши действия в подполье, оставив на время после войны проблему нашей независимости. Если возможно, попытайтесь через них войти в контакт с английскими и американскими агентами, которые должны быть в Тунисе. Можно было бы узнать об их намерениях по отношению к нам

после победы»¹⁹⁸. И Бургиба не только составил, но и отправил это письмо, рискуя и своей жизнью, и жизнью членов своей семьи.

На следующий день после высадки немецких войск в Тунисе группа заключенных новодустуровцев высказала свое мнение начальнику тюрьмы по поводу оккупации страны: «Если власти протектората не считают необходимым сопротивляться этой оккупации, то тунисские патриоты считают своим долгом прежде всего защитить свою страну». 12 ноября они, захватив ключи от камер, попытались организовать массовое бегство из тюрьмы, но под давлением охраны отступили, потеряв 4 убитых и несколько раненых. Однако 1 декабря все они, включая заключенных во Франции, были освобождены, что породило новую опасность для партии: «поражение Франции и развал аппарата протектората вызвали у многих тунисцев глубокое чувство удовлетворения, в то же время восхищение державами “оси”»¹⁹⁹.

Подпольщики Нового Дустура в этих условиях избрали тактику «стимулирования национального чувства, дабы снизить эффект нацистской пропаганды, и, не вступая в прямое столкновение с войсками “оси”, срывать их маневры, изолируя их агентов». Рискую многим, «руководители Партии подвергались давлению оккупационных сил, требовавших от них безоговорочной поддержки». К тому же в то время появилось немало «авантюристов, действовавших от имени Партии, которую они лишь компрометировали». При этом активисты Нового Дустура не получали поддержки «властей протектората, ставших удобным инструментом в руках новых оккупантов, и могли рассчитывать лишь на свою бдительность, веру, дисциплину и понимание национальных интересов»²⁰⁰.

Новодустуровцы стремились использовать любую возможность легальной деятельности в прессе, на радио. Именно тогда проявили себя молодые активисты Ахмед Бен Салах, Тайеб Слим, Джеллули Фарес и другие, впоследствии ставшие видными деятелями Нового Дустура. Они не упускали ни одной возможности привлечь массы на свою сторону и организовать их выступления даже, казалось бы, при полном отсутствии условий для этого. Таким выступлением явилась, в частности, демонстрация в Ксур Эссаре в марте 1943 г. против насильственной мобилизации тунисцев на работы, нужные оккупантам. Последнее потопили демонстрацию в крови. Она была расстреляна карателями. Среди ее жертв были десятки раненых и несколько

убитых, в том числе только что освобожденный из тюрьмы новодустуровец Али Каршуд²⁰¹.

Однако, вопреки четко антинацистской позиции Бургибы и его партии, колониальные власти сразу же издали указ об аресте всего руководства Нового Дустура. Неудивительно, что узнавшие об этом лидеры (Хабиб Тамер, Тайеб Слим, Рашид Дрис и др.) предпочли покинуть Тунис, а Бургиба, как уже говорилось, скрылся в подполье. Он вышел из него лишь 23 июня 1943 г., но, убедившись в нежелании властей признавать его партию и вести с ней переговоры, уехал в Египет. Сумев до этого, несмотря на множество ограничений и запретов, а также полицейское наблюдение за ним, пробиться на прием к новому генеральному резиденту Масту, слышшему «либералом», Бургиба услышал от него: «Имейте в виду, нам еще надо защитить империю»²⁰².

Более того, 1944–1945 гг. были, как уже отмечалось, годами временного (до 1947 г.) подъема популярности ТКП, а также Старого Дустура и новой организации – движения «зейтуновской молодежи» во главе с Фаделем Бен Ашуром. Тогда же сделала попытку возродиться Реформистская партия, которая в основном могла рассчитывать лишь на известность своего лидера Хасана Геллати как журналиста. Казалось, Новый Дустур уходил в небытие. Тем более что помимо внезапного изобилия, пусть и невлиятельных, но все же конкурентов, Бургиба не разделял их всеобщее стремление вернуть в страну свергнутого Монсеф-бея. Хотя Бургиба не выступал против возвращения бея (учитывая настроения многих простых тунисцев), все же, очевидно, права М. Ф. Видясова в том, что его больше «не устраивала монархическая легенда, грозившая нанести ущерб его лидерству»²⁰³.

Не без трудностей добравшись до Египта, Бургиба и там не встретил того понимания, на которое рассчитывал. Франция не собиралась идти на какие-либо уступки Тунису, а Египет, по сложившейся с XX в. традиции (явно устаревшей) пытался противопоставить Францию Англии и потому подыгрывал (до 1956 г.) Парижу. Поэтому Тунису не было предоставлено никакого представительства в ЛАГ, тем более при министерстве иностранных дел Египта. И Бургиба, с трудом кое-как оформивший свое легальное пребывание в Каире с помощью случайных знакомых, а главное, Хукера Дулиттла, ставшего к этому времени консулом США в Александрии, не мог даже сотрудничать с ЛАГ. Вся его деятельность каирского периода (апрель 1945 г. – сентябрь 1949 г.) сводилась к безрезультатным обращениям

в Совет ЛАГ с просьбой (только с просьбой, тоже не имевшей последствий!) поставить в ООН вопрос о странах Магриба и объявить Франции хотя бы экономический бойкот. За эти же годы он создал в Каире в 1946 г. Тунисское бюро в основном из своих коллег по политбюро Нового Дустура (Хабиба Тамера, Тайеба Слима и Рашида Дриса, будущего посла Туниса в США), в следующем 1947 г. реорганизованным в Бюро (впоследствии Комитет Освобождения Арабского Магриба (КОАМ)) во главе с героем эпохи Рифской республики 1921–1926 гг. эмиром Абд аль-Кримом аль-Хаттаби. Причем есть сведения, что этого полулегендарного вождя берберов Марокко уговорил возглавить Комитет Освобождения Арабского Магриба будто бы лично Бургиба²⁰⁴.

Формально пребывание Бургибы в Египте ничего не дало ни ему самому, ни его партии. Его никто не признавал, а многие в Египте вообще ничего не знали ни о Новом Дустуре, ни о Тунисе. На самом деле Бургиба, человек сказочной энергии и предприимчивости, даже в крайне неблагоприятных условиях находил возможности действовать. Именно в Египте он установил контакты с лидерами марокканских и алжирских патриотов. Именно из Египта он совершил в ноябре 1946 г. – феврале 1947 г. важную поездку в США. При этом он, судя по его переписке тех лет, во многом играл на заинтересованности «англосаксонского мира» в союзе с Северной Африкой, каковая является «идеальной базой операций против Европы, подпадающей под большевистское влияние». Хотя Бургиба, как все прагматики, не был фанатичным антикоммунистом, «умеренным» антикоммунистом (несмотря на пребывание в КП его братьев) он был всегда. Кроме того, в 40-е годы он очень тонко уловил, каким образом можно привлечь на свою сторону англосаксов, дабы потом «использовать их для давления на Францию»²⁰⁵.

Эмир Абд аль-Крим, вставший (не без участия Бургибы) во главе Комитета Освобождения Арабского Магриба, призвал магрибинцев к вооруженному восстанию против колониального господства Франции. Почва для этого объективно существовала в лице множества мелких организаций, носивших грозные названия: «Черная рука», «Черный Полумесяц», «Лев освобождения», «Сражающаяся молодежь» и др. Но они практически никак себя не проявили, за исключением «Черного Полумесяца» в Марокко и «Специальной организации» («Organisation Speciale») (далее – ОС) в Алжире, которая возникла в 1947 г. и прославилась вооруженным налетом на почту в г. Оран, где похитила 3170 тыс.

франков, на которые закупила оружие и снаряжение. В 1949 г. она насчитывала до 1800 бойцов во главе с экс-сержантом французской армии и муниципальным советником мэрии г. Марния Ахмедом Бен Беллой. ОС нападала на французских полицейских, а также на банды феодальных наемников, запугивавших алжирцев, открыто выражавших недовольство колониальным режимом. Но в марте 1950 г. полиция раскрыла группы ОС на востоке Алжира: 363 активиста были арестованы, из них около 200 человек были в 1951 г. осуждены на различные тюремные сроки²⁰⁶.

Однако в целом ОС не была разгромлена, сохранив свои кадры в центре и на западе страны, а также – до 90% своего вооружения. Кроме того, избежали ареста лидеры ОС в области Орана (Рабах Битат и Мухаммед Будиаф) и Кабилии (Белькасем Крим), так же как и выехавшие в Каир «исторические вожди» ОС Мухаммед Хидер и Хосин Айн Ахмед. Они, как и бежавшие из заключения в 1952 г. Ахмед Белла, Мустафа Бен Буланд, Юсуф Зигут, стали впоследствии героями алжирской революции 1954–1962 гг.²⁰⁷ Но Бургиба поддерживал контакт не с этими революционерами, а с Фархатом Аббасом, выступавшим в 40-е годы за «создание в Алжире автономной республики, федерированной с обновленной, антиколониалистской и антиимпериалистической Французской Республикой». Но для этого необходимо как минимум было наличие такой «Французской Республики». Ее не существовало, так как в реальной Франции даже 40-х годов, т.е. времени наибольшего сдвига влево в жизни французского социума, тон задавали не антиколониалисты и антиимпериалисты, а сторонники возрождения колониальной империи Франции (с некоторыми оговорками у либералов и социалистов, без всяких оговорок – у занимавших политический центр деголлевцев и католиков и тем более – у правых). Поэтому Бургиба, обращаясь к Ф. Аббасу, пытался отговорить его от «сомнительной идеи административной автономии в рамках французского отечества», характеризуя ее как «пораженчество и акт отчаяния». Бургиба советовал Аббасу вступить «в блок с Мессали ... с Партией алжирского народа»²⁰⁸.

Но тут, как говорится, нашла коса на камень. Во-первых, партии (и следовательно, идеологии) Аббаса и Мессали Хаджа были несовместимы: первая была преимущественно ассоциацией либерально мыслящих и сильно офранцузенных буржуа и интеллигентов, а вторая – главным образом объединяла сельскую и городскую бедноту, рабочих, безработных и учащуюся молодежь,

склонных к социальному радикализму и революционным методам борьбы. Во-вторых, тогда, в 1946 г., Аббас, получив на выборах в Учредительное собрание Франции 71% голосов алжирских избирателей и 11 из 13 отведенных им мест, очень надеялся (как выяснилось потом, напрасно) на успех своего проекта Алжирской автономной республики. Наконец, Аббас и Мессали были непримиримыми соперниками в борьбе за личное лидерство в освободительном движении. К тому же Аббас совершенно не торопился вернуться во французскую тюрьму, из которой только что вышел, а Мессали, находившийся на принудительном поселении, как всегда, не стеснялся в резких выражениях по адресу и своих алжирских конкурентов, и французских властей²⁰⁹.

Бургиба, будучи по типу личности ближе скорее к Ф. Аббасу, в то же время мог, подобно Мессали, разговаривать и с простым народом, пользуясь своим ораторским талантом, умением производить чарующее впечатление на людей любого возраста и пола, не говоря уже о всеми отмечаемом магнетизме даже «беглого взгляда его ультрамариновых глаз». Кроме удачного сочетания этих качеств на Бургибу работали и его хладнокровие, выдержка, всех потрясавшее терпение наряду с часто скрытой, но неукротимой настойчивостью в достижении намеченной цели. Кроме того, Тунис был гораздо меньше по территории и населению, более однороден в природном и социально-национальном отношении, чем Алжир, Ливия, Египет и Марокко, что, конечно, облегчало задачу лидерства в Тунисе по сравнению с соседними странами.

Наладив работу Комитета освобождения Арабского Магриба во главе с Абд аль-Кримом, Бургиба столкнулся с проблемой соперничества лидеров. Среди тунисцев в Каире образовалась фракция сторонников Х. Тамера, склонявшихся к экстремизму, против которого всегда был Бургиба. Вдобавок среди магрибинской эмиграции в Египте стало расти влияние Абд аль-Крима и его окружения. И конечно, Бургипе трудно было конкурировать с вождем Рифской республики, 6 лет воевавшим с испанцами и французами еще в 20-е годы. Влияние марокканцев вообще усилилось с мая 1947 г., когда в Каир после 9 лет ссылки прибыл лидер националистов Марокко Алляль аль-Фаси, выходец из аристократии «фаси» (потомков эмигрантов из Аль-Андалуса), известный также как поэт, историк и знаток ислама. Его сотрудничество с Бургибой «быстро переросло в соперничество»²¹⁰.

В июне 1948 г. Алляль аль-Фаси сменил Бургибу на посту генерального секретаря КОАМ. Это обстоятельство, а также сосредоточенность всех арабских деятелей тогда на арабо-израильской войне 1948–1949 гг. подтолкнули Бургибу к решению вернуться на родину. Он понимал, что в Каире ему больше нечего делать, и его тревожило внешнее спокойствие Туниса. Он писал сыну из Каира: «Я в отчаянии! Особенно после всего, что я сделал за двадцать лет, чтобы разбудить сознание этого народа». Это была совершенно нетипичная для него вспышка разочарования, рожденная совпадением целого ряда причин: невозможностью покинуть Каир из-за холерного карантина, его фактической изоляции в Каире вследствие склок и интриг среди эмигрантов, поражения арабов в войне с Израилем и краха надежд на быстрое освобождение Туниса. Ибо в сложившихся условиях Франция, начав энергично подавлять освободительные движения во Вьетнаме (с конца 1946 г.), на Мадагаскаре (в 1947 г.) и в Алжире (путем кровавой расправы в мае 1945 г., навязывания стране антидемократического Статута 1947 г. и откровенной фальсификации выборов 1948 г. в Алжирское собрание), не склонна была идти на уступки в колониях, даже на ранее обещанные реформы. А нажать на нее извне не желали ни США, для которых Франция после ухода из ее правительства коммунистов в 1947 г. представляла собой ценного союзника в военно-политическом противостоянии с СССР и прочими странами «восточного блока», ни другие государства Запада и даже Востока, часто не имевшие сил в 40-е годы обеспечить собственные интересы, не говоря уже о чужих.

Помимо сказанного выше стоит упомянуть о том, что для взглядов Бургибы в 1943–1949 гг. «были характерны ... идеализация британской системы колониального управления, не прибегавшей, в отличие от французской, к политике ассимиляции», а также – «надежды на потенциал арабской солидарности». Справедлив при этом вывод М. Ф. Видясовой: «И то, и другое принесло ему незабываемое разочарование»²¹¹. Но, скорее всего, это разочарование, действительно имевшее место, все же не стоит преувеличивать. Бургиба был прежде всего политик, т.е. лишенный иллюзий практик, человек холодного расчета, тактик и стратег идейной, социальной, дипломатической и психологической борьбы. И он, конечно, знал, что в ходе непредсказуемых хитросплетений этой борьбы случается всякое. Поэтому, вернувшись на родину 8 сентября 1949 г., Бургиба заявил: «Я возвращаюсь в Тунис, чтобы продолжить активную деятельность

в рядах своей партии... Думаю, я – единственный, кто способен найти выход из тупика... Не составит труда найти почву для взаимопонимания, соблюдая интересы одних и других»²¹². Так в нескольких словах этот целеустремленный политический оптимист определил свою программу действий: неукротимую волю к продолжению своей миссии, прерванной в 1943 г., стремление к укреплению своего лидерства и обещание действовать главным образом путем компромисса, что он считал тогда единственно возможным, так как такая тактика тонко вписывалась в его обещание генеральному резиденту «не возмущать общественное спокойствие»²¹³.

Это было время подъема во Франции настроений колониализма как части реакции французов на поражение 1940 г. и утраты некоторых «заморских территорий» (Сирии, Ливана), а также угрозу утраты и остальных, что считалось французами совершенно невозможным. В то время все колониальные империи – Великобритания, Нидерланды, Португалия – переживали также кризис. Но во Франции он воспринимался особенно трагически, почти так же, как национальная катастрофа 1940 г. Вот почему даже Бургибу с его довольно умеренной, ограниченной и компромиссной программой, лишенной всякого «радикализма», те, кто задавал тон во французской политике, встретили как «опасного мятежника». «Сеньоры» колонизации и их сообщники в метрополии не хотели ему ни в чем уступать. Более того, среди всех ультраколониалистов Магриба на первые позиции выдвинулся Антуан Колонна, потомок когда-то переселившихся в Тунис итальянских аристократов. Тем не менее французские власти формально признали «необходимость» реформ в Тунисе, ничего при этом не делая для их осуществления²¹⁴.

Между тем тунисское общество переживало внутренние мутации. За самоопределение Туниса стал выступать даже бейский двор, признавший вместе с Новым Дустуром необходимость учреждения в стране конституционной монархии, что также способствовало распространению в Тунисе «идеи самоопределения». Однако Франция не спешила с реформами в Тунисе, предпочитая оттягивать их до последнего момента²¹⁵.

Глава 8

ОТ ПОЛИТИКИ «ПОЧЕТНОГО КОМПРОМИССА» К ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЕ

За годы пребывания Бургибы за рубежом сменявшие друг друга правительства Франции ничего не сделали для улучшения положения в Тунисе. Неустойчивость кабинетов министров Четвертой республики и кратковременность их пребывания у власти сами по себе не поощряли их серьезно заниматься давно обещанными реформами, тем более в странах Магриба, столь близких к метрополии, столь давно к ней присоединенных, частично заселенных французами и основательно «офранцузенных» в области языка, культуры, экономики и права. К тому же «сохранение империи» стало буквально навязчивой идеей всех французских политиков, травмированных поражением Франции в 1940 г. и утратой ею вследствие этого статуса великой державы. Возможно, этим объяснялась крайне негибкая позиция Франции в колониальном вопросе во время и после Второй мировой войны. В отличие от англичан французы с колониями разговаривали только «с позиций силы»²¹⁶.

Однако времена всемогущества колонизаторов уже прошли, и почти всюду Франция сталкивалась с мощным подъемом антиколониального движения. Первые пять-десять послевоенных лет французские власти громили движение. Кое-где это получалось в 1946–1948 гг. Но как только Париж пытался от насилия перейти к переговорам и согласию, он наталкивался на ожесточенное сопротивление «сеньоров» европейской колонизации в «заморских» владениях и элиты крупного капитала во Франции. Эти две связанные друг с другом силы в конце 40-х и начале 50-х годов довольно успешно блокировали все попытки как-то «либерализовать» французскую политику в колониях²¹⁷.

По этой схеме и развивались франко-тунисские отношения после возвращения Бургибы на родину. Понимая, что в сложившейся обстановке конца 40-х годов ставить вопрос

о независимости Туниса нецелесообразно, Бургиба в апреле 1950 г. выступил с предложением «почетного компромисса» – постепенного перехода власти к тунисцам путем введения «внутренней автономии» страны при сохранении режима протектората и последующем проведении реформ с согласия Франции. 7 пунктов предложения Бургибы сводились к: 1) возвращению тунисской исполнительной власти; 2) созданию тунисского правительства, «члены которого назначались бы государем» (т.е. беем, а не генеральным резидентом); 3) ликвидации поста генерального секретаря, «практически удерживающего в своих руках всю административную власть в стране»; 4) ликвидации гражданских контролеров, несовместимых «с понятием суверенитета Туниса»; 5) ликвидации французской жандармерии; 6) созданию выборных муниципалитетов «с представительством французских интересов»; 7) созданию избранного Национального собрания «на основе уважения» интересов Франции и суверенитета Туниса.

В июне 1950 г. премьер-министр Франции Робер Шуман высказался за «поэтапное продвижение» Туниса к независимости. В августе того же года было сформировано новое правительство Туниса во главе с бизнесменом Мухаммедом Шеником, близким к Новому Дустуру и лично к Бургибе. Министром юстиции в этом правительстве стал генеральный секретарь Нового Дустура Салах Бен Юсуф, возглавлявший партию в 1945–1949 гг., когда Бургиба был за рубежом. Это правительство начало переговоры с Францией о путях достижения «внутренней автономии» Туниса. И в феврале 1951 г. в этих переговорах даже наметился некоторый успех. Чтобы объяснить это, надо вспомнить обстановку во Франции, где еще не выветрился окончательно дух свободы, порожденный сдвигом влево в 1945–1947 гг., и в Тунисе, где с резко антиколониальных позиций выступил Национальный конгресс, в августе 1946 г. объединивший Новый и Старый Дустур, а также принявший Декларацию независимости. Разгон конгресса вызвал всеобщую забастовку протеста по призыву всех профсоюзных объединений. В созданный в апреле 1949 г. Комитет за свободу и мир вошли представители Нового и Старого Дустура, а также ТКП. Они же участвовали в Национальном конгрессе сторонников мира в ноябре 1950 г.

Но еще в марте 1950 г. политбюро Нового Дустура отозвало своих представителей из Комитета за свободу и мир и даже

исключило из партии одного из своих лидеров – доктора Слимана Бен Слимана, который вопреки запрету политбюро возглавил Комитет. Все это делалось в расчете на «благодарность» Запада и США, которой тунисцы так и не дождались. В то же время власти Франции, опираясь на «атлантическую солидарность», перешли к силовому решению тунисского вопроса. 15 декабря 1951 г. правительство Франции сорвало переговоры, заявив в специальной ноте об «окончательном характере» связи между двумя странами²¹⁸.

Однако Новый Дустур был уже другой, более популярной и мощной, чем раньше, партией, которая могла заставить с собой считаться даже такую европейскую державу, как Франция. Прежде всего это выразилось в создании поддерживавших Новый Дустур профессиональных центров и ассоциаций. Крупнейшим из них был Всеобщий тунисский союз труда (ВТСТ), формировавшийся в 1944–1946 гг. по мере раскола профсоюзов, руководимых коммунистами, социалистами, католиками и националистами, основная масса актива которых постепенно переходила в ВТСМ благодаря энергии, авторитету и организаторским способностям лидера ВТСТ Фархата Хашада (1914–1952), пришедшего к новодустуровцам после 10 лет (1936–1946) успешной работы в рядах социалистов Туниса и ориентировавшихся на них профсоюзов. К декабрю 1946 г. ВТСТ насчитывал уже 85 тыс. членов. Союз стал именно благодаря Ф. Хашаду серьезной опорой Нового Дустура. «Трудящийся не может чувствовать себя свободным, – говорил Хашад, – если он не обрел индивидуальную свободу и если не солидарен с коллективной борьбой, которую его народ ведет за освобождение своей страны»²¹⁹. Подобное сочетание тезисов социал-демократизма и национализма было характерно для формировавшейся в 40–50-е годы идеологии Нового Дустура. По его призыву, а также призыву ТКП и других национальных организаций была проведена всеобщая стачка протеста 21–23 декабря 1951 г. Чрезвычайный съезд Нового Дустура 18 января 1952 г. решил отказаться от тактики «почетного компромисса» и констатировал, что «освобождение тунисского народа не может быть осуществлено в рамках теперешнего режима»²²⁰.

До этого Бургиба совершил 10-месячную загранпоездку, посетив Каир, Калькутту, Карачи, Джакарту, Дели, Бомбей, Джидду, Милан, Рим, Лондон, Стокгольм, Вашингтон, Сан-Франциско, Танжер, Стамбул, Париж. Он смог убедиться в том, что судьба его отечества вызывает мало сочувствия (а то и никакого!)

в больших государствах, а почти во всех афро-азиатских странах (кроме Индии) его партию критикуют за «соглашательство с империализмом» и дружбу с правительством Франции, которое тогда, в 1951 г., как раз организовало травлю султана Марокко Мухаммеда Бен Юсуфа, причем руководил этой травлей тот самый Альфонс Жюэн, который в 1943 г. устроил свержение Монсеф-бея в Тунисе. И Бургибе пришлось выслушать резкую критику генсека ЛАГ Аззама-паши и палестинского муфтия Амина аль-Хусейни в связи с молчанием Нового Дустура по поводу судьбы султана, что расценивалось как «удар в спину марокканским братьям»²²¹.

Тем не менее Бургиба, учредив в Пакистане Комитет друзей Магриба, а в Джакарте и Нью-Дели совместные с националистами Марокко и Алжира бюро пропаганды, не терял надежды заручиться поддержкой Дж. Неру, А. Сукарно и других лидеров афро-азиатских стран. Хотя, по его же мнению, они «о нас там ничего не знают, кроме того, что мы мусульмане и, как они, боремся против западного колониализма». В июле 1951 г. он присутствовал в Милане на 2-м съезде прозападной Международной конференции свободных профсоюзов (МКСП), в которую перешел в 1950 г. вышедший из просоветской Всемирной федерации профсоюзов (ВФП) тунисский профцентр ВТСТ, глава которого Ф. Хашад стал вице-председателем исполкома МКСП. На съезде Хашад сказал: «Мы находимся в состоянии перманентной войны с колониальным режимом, чтобы обрести нашу свободу, без которой нет и не может быть мира»²²². Эти слова важнейшего в то время союзника Бургибы свидетельствовали о крахе самой идеи «почетного компромисса» еще за полгода до официального отказа Бургибы от нее. Они же доказывают, что Бургиба далеко не самовластно управлял партией и менял ее тактику не по своему произволу, а с учетом складывавшихся в стране условий и настроений, доминировавших в широких слоях общества на том или ином этапе.

Впоследствии выяснилось, что 10-месячная поездка Бургибы за рубеж в 1951 г. была предпринята не только в поисках политической поддержки. Уже тогда Бургиба думал о перспективе вооруженной борьбы за независимость в случае неуступчивости Парижа. В частности, находясь в Каире, он вызвал к себе туда «группу доверенных лиц», с которыми обсуждал проблему приобретения оружия на случай перехода к вооруженной борьбе. Были также проведены совещания с обосновавшейся в Каире

«внешней делегацией» алжирских патриотов, у которых уже был опыт борьбы с французской полицией, сохранились в подполье кадры ОС, а также тайные склады винтовок, револьверов, гранат и патронов в горах Ауреса²²³. Впрочем, эти совещания, судя по всему, мало что дали. Представлявшие алжирцев Хосин Айт Ахмед (экс-лидер ОС) и Мухаммед Хижер (экс-депутат парламента Франции) не были связаны ни с лидером алжирских националистов Мессали Хаджем (высланным во Францию под надзор полиции), ни с их ЦК, отрицательно относившимся к собственным боевикам. «Внешняя делегация» алжирцев обрела политический авторитет и необходимую решимость чуть позже, в 1953 г., когда к ней присоединился глава ОС Ахмед Бен Белла, бежавший из заключения²²⁴. Тем не менее каирские встречи 1951 г. свидетельствуют о том, что Бургиба не склонен был «класть все яйца в одну корзину» и еще до решений съезда в январе 1952 г. не исключал в случае необходимости перехода от «почетного компромисса» к вооруженной борьбе. Но окончательно в безальтернативности этого перехода его убедили как неуступчивость французских властей, так и осуждение его соглашательской линии лидерами афро-азиатского мира.

24 декабря 1951 г. генеральным резидентом Туниса был назначен аристократ, реакционер и ярый колониалист (к тому же зять администратора Компании железных дорог Туниса) виконт Жан де Отклок. С этого назначения в Тунисе начался, по выражению Дуайта Линга, период «от надежды к разочарованию и кровопролитию»²²⁵. Виконт прибыл в Тунис на военном крейсере «Марсо» в сопровождении реактивных истребителей, не оставляя никаких сомнений по поводу своих методов будущего правления. По его приказу в ночь с 17 на 18 января 1952 г., т.е. непосредственно накануне съезда Нового Дустура, были арестованы Хабиб Бургиба, Мунджи Слим и другие члены политбюро их партии (за исключением Салаха Бен Юсуфа и Хеди Нуиры), а также руководители ТКП М. ан-Нафаа, М. Джерад, М. Низар, председатель Комитета за свободу и мир Слим Бен Слиман и другие. Всего в тюрьмы и концлагеря были брошены до 20 тыс. тунисцев²²⁶.

Лишь позднее в «компетентных французских кругах», а именно – в элите колониальной бюрократии, было осознано, что аграрный кризис, поразивший Тунис в годы войны, так же как и падение промышленного производства, способствуя обнищанию быстро растущего населения, стимулировали его недовольство колониальным режимом, неспособным решить

экономические проблемы страны, да и не заинтересованным в их решении. «Компактная масса безработных как в городах, так и в деревнях, – писал в 1955 г. один из генеральных резидентов Туниса Пьер Буайе де Латур, – ... поставляет рекрутов для банд феллага (магрибинских террористов. – *Р.Л.*), руководимых и направляемых тунисцами, нередко обученными за границей. Члены этих банд подвергаются усиленной пропаганде, но изначально одна лишь нищета толкает их в ряды бунтовщиков»²²⁷. По подсчетам А. Рэймона и Ж. Понсе, тунисские города, прежде всего столица, были переполнены хлынувшей в них сельской беднотой (300 тыс. человек в 1936 г., 450 тыс. – в 1946 г., более 550 тыс. – в 1956 г.). При этом средний доход на душу населения в городах равнялся 4,5 тыс. фр., т.е. был в 5 раз ниже, чем во Франции. Но эта цифра, «средняя» по стране, скрывала куда более взрывоопасную реальность, так как за вычетом доходов европейского населения и тунисской буржуазии на каждого из прочих 2750 тыс. жителей страны (в большинстве своем тунисских крестьян и городской бедноты) приходилось не более 16 тыс. фр. в год! К тому же примерно треть тунисцев были безработными²²⁸.

Съезд Нового Дустура был запрещен и прошел нелегально, но успел провозгласить «конец протектората, независимость Туниса и заключение (с Францией) договора о союзе на основе равенства»²²⁹. Актив партии подвергся арестам. Большинство арестованных были брошены в концлагеря Дальнего Юга, где были особенно тяжелые условия жизни, самая скверная вода и температура летом в тени до 50° жары. Партия Новый Дустур была объявлена вне закона 18 января 1952 г. Но уже с 14 января, т.е. на следующий день после прибытия де Отклока в страну, начались расстрелы массовых демонстраций протеста. В дальнейшем расстрелы и разгоны демонстраций продолжались, причем в них участвовали не только полиция и жандармы, но и армейские подразделения и военные моряки, которым помогали артиллерия и танки. Однако сломить тунисцев не удавалось, даже после подключения к репрессиям частей французского Иностранного легиона, состоявших в основном из международного, преимущественно криминального сброда и авантюристов, отличавшихся особой жестокостью. 19 января ВТСТ Фархата Хашада призвало народ к всеобщей забастовке, не ограниченной во времени. Этому призыву с удивительным единодушием последовали как рабочие и служащие, так и торговцы и ремесленники, закрывшие

свои лавки. Генерал Гарбэ, командовавший французскими войсками в Тунисе, применял для подавления забастовки самые жестокие методы, особенно в Сахеле и на мысе Бон, слывшими центрами антиколониальных настроений: только за 28 января – 1 февраля 1952 г. на мысе Бон были убиты 200 и ранены сотни тунисцев. Де Отклок, узнав, что премьер-министр М. Шеник решил обратиться за решением тунисского вопроса в ООН, просто арестовал весь кабинет министров Туниса и выслал их на Юг (за исключением С. бен Юсуфа и М. Бадра, находившихся в Париже и успевших скрыться за границей)²³⁰.

Вместо арестованного правительства Шеника де Отклок назначил чисто «чиновничий» (т.е. без участия политических деятелей) кабинет министров во главе с местным (тунисским!) «королем кока-колы» Салах ад-Дином Баккушем и заявил, что тунисцы якобы «забыли само имя Бургибы». Баккуш, богатый коммерсант и крупный землевладелец, оказался идеальным коллаборационистом, но его мало кто поддерживал, а его кабинет «до последнего дня своего бесславного существования пользовался всеобщим презрением в Тунисе»²³¹. Ибо он, по сути дела, ничего не значил в тунисской политике и даже не мог выполнять толком свою единственную функцию – маскировать хоть как-то разгул полицейщины и военных репрессий в стране. Забастовки, стычки с «силами порядка», демонстрации, протесты в самой разной форме не прекращались, несмотря на расстрелы, аресты, смертные приговоры и прочие меры подавления. Численность французских войск в Тунисе была доведена до 74 тыс. Руки у де Отклока и генерала Гарбэ (ранее обогрившего их кровью народа Мадагаскара) были развязаны²³².

Но эффективность действий карателей оказалась незначительной вопреки большому числу жертв их репрессий. Охватившая весь Тунис всеобщая забастовка, начавшись 19 января, сразу же привела к серьезным инцидентам, поскольку спровоцировала народными манифестациями и отпором карателям; были тяжелораненые в столичном районе Баб Суика, убитые в Набеле и Хаммамете, застрелен жандарм в Порто-Фарина (ныне Гар аль-Мельх), сгорел трамвай в Ариане. В Матере при штурме 2 тыс. манифестантов казармы жандармерии погибли 8 и были ранены 23 человека. Столкновения с новой силой возобновились 22 января в Сахеле и на мысе Бон, в ходе которых был убит полковник Дюран (командир полудивизии Суса), пытавшийся вступить в диалог с манифестантами. В ходе

последовавшей перестрелки в Сусе были убиты 12 и ранены 20 тунисцев²³³. С 22 января национально-освободительная борьба в Тунисе приняла характер своего рода патриотической войны за независимость. Боестолкновения происходили всюду: в Мокнине (7 убитых и 12 раненых), в Бени Хашеде (несколько погибших тунисцев в отместку за смерть французского лейтенанта), наконец – в священном для мусульман Магриба городе Кайруане, где мятеж горожан вылился 24 января в разгром принадлежавших европейцам магазинов, а затем – в расстрел мятежников «силами порядка» (4 тунисца убиты, 12 ранены). Тогда же восставшие жители Келибии провозгласили себя «независимыми» и целый день не пускали карателей в город. Одолеть их удалось лишь с помощью авиации. Последовавшие за этим дни были примечательны актами саботажа на железных и шоссейных дорогах в 9–10 районах центра страны, а также вооруженными нападениями на фермы европейских колонистов, по просьбе которых де Отклок вынужден был направить в районы беспорядков подразделения парашютистов, военных моряков и иностранных легионеров в помощь полиции и жандармерии²³⁴.

30 января 1952 г. 15 делегаций арабских и афро-азиатских стран обратились к председателю Совета Безопасности ООН с требованием включить в повестку дня Совета тунисский вопрос. В ответ последовали репрессии де Отклока против Нового Дустура, ТКП и других национальных организаций. 2 апреля 1952 г. 11 делегаций афро-азиатских стран обратились к Генеральному секретарю ООН с повторной просьбой рассмотреть тунисский вопрос. Они подчеркивали незаконный характер «военной оккупации Туниса» и недопустимость давления на бея, а также – необходимость скорейшего решения проблемы Туниса. Совет Безопасности обсуждал возможность включения этой проблемы в свою повестку дня 7, 10 и 14 апреля, но безрезультатно. За включение голосовали Советский Союз, Китай, Бразилия, Чили и Пакистан, против – Франция и Великобритания, а США, Греция, Голландия и Турция воздержались. Таким образом, вопрос не был включен в повестку дня²³⁵.

Однако в октябре 1952 г. после официального заявления делегации Франции о ее намерении не участвовать «ни в какой дискуссии и ни в каком решении» тунисского и марокканского вопросов, внесенных в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН делегацией Египта, Генеральная Ассамблея решила заняться этими вопросами большинством – в 34 голоса против

20 при 10 воздержавшихся. От имени Франции Робер Шуман настаивал во время дебатов в ООН на «исторических связях» и всестороннем сотрудничестве Франции с ее протекторатами в Северной Африке, а также на недопустимости всякой «интернационализации» проблем между Францией и ее владениями, «которая будет бесполезной и может лишь ухудшить ситуацию». По его словам, предоставить независимость Тунису и Марокко невозможно, так как они «не готовы к самоуправлению»²³⁶. В конце концов Генеральная Ассамблея 17 декабря 1952 г. приняла 44 голосами против 3 при 8 воздержавшихся резолюцию, по сути никого ни к чему не обязывающую, а лишь выразившую «надежду на продолжение переговоров между сторонами»²³⁷. Поскольку никаких «переговоров» не велось, резолюция явилась фактически формальной отговоркой²³⁸.

В Тунисе между тем весь 1952 г., несмотря на бодрые донесения де Отклока об «улучшении ситуации», происходили непрерывные стычки с полицией и войсками, митинги и демонстрации протеста, акты саботажа и террора, забастовки и «незаконные» массовые выступления, крупные столкновения и мелкие «инциденты»²³⁹. В июне 1952 г. власти предприняли попытку сбить волну недовольства в Тунисе с помощью псевдореформ. «Предусматривалось создание консультативных Законодательного и Финансового советов, члены которых должны назначаться или избираться путем многоступенчатых выборов. Генеральный резидент сохранял право вето на все законодательные акты бея. Важнейшие посты в администрации по-прежнему сохранялись за французскими чиновниками». В сущности, все оставалось по-старому. Бей Сиди Ламин отказался утвердить эти «реформы» и созвал в Карфагене «Совещание 40», в котором участвовали представители Старого и Нового Дустура, ВТСТ и религиозные деятели. Они отвергли 9 сентября 1952 г. инициативу властей. И хотя к декабрю 1952 г. колонизалисты все же принудили бея подписать некоторые из проектов реформ, вся история борьбы против их утверждения лишний раз продемонстрировала бесперспективность проводимой колонизаторами «политики силы»²⁴⁰. К тому же в декабре 1952 г. ООН в очередной раз призвала к «переговорам» в Тунисе, а в самом Тунисе был убит 5 декабря 1952 г. генеральный секретарь ВТСТ и вице-председатель МКСП Фархат Хашад. Тогда же в ООН с большой речью в защиту прав Туниса выступил делегат СССР А. А. Соболев, резко осудивший убийство Хашада.

Этот незаурядный профсоюзный деятель впитал в себя опыт самых разных патриотических сил Туниса – коммунистов и социалистов, под влиянием которых он делал свои первые шаги в рабочем движении в 20–30-е годы (он работал с 14 лет), затем как бы продолжил с 1944 г. дело Мхамеда Али аль-Хамми, основателя независимого тунисского синдикализма, а после 1948 г. стал все теснее и теснее сотрудничать с Новым Дустуром, становясь постепенно убежденным националистом. Новый Дустур также активно стремился к взаимопониманию с ВТСТ, насчитывавшим около 100 тыс. членов и оставлявшим к началу 50-х годов далеко позади все прочие профобъединения страны²⁴¹. Имело значение и привлечение на сторону Нового Дустура такой яркой и одаренной личности, как Фархат Хашад, организаторские и ораторские таланты которого, его смелость, принципиальность и независимость суждений были известны всему Тунису. Кроме того, его присутствие в руководстве МКСП делало его фигурой международного масштаба, довольно умело использовавшей свое положение для критики французской политики в Тунисе и разоблачения махинаций колониальных властей. Поняв, что легальными путями устранить Ф. Хашада не получится, колониалисты перешли к нелегальным методам.

С весны 1952 г. в Тунисе стали действовать «группы контр-террора», именовавшиеся в кругах колониалистов «группами самообороны». Они формировались из мелких чиновников и отставных военных, низших служащих и связанных с полицией лиц из среды европейцев Туниса, но при содействии (или же просто под командованием) высших чинов полиции, в частности комиссаров Пьеранжели, Натали и Сантони. Постепенно они образовали тайную организацию «Красная рука» (которая тем самым как бы была ответом ультраколониалистов некоторым группам тунисских борцов, образовавших организацию «Черная рука»). Считается, что «Красная рука» явилась своего рода прообразом «Организации секретной армии», возникшей позже, через 8–9 лет, в Алжире. Сходство их заключалось в характерных для них идеологии колониального шовинизма и методах действия откровенного фашизма. При этом, как признал впоследствии в своих мемуарах президент Франции Венсан Ориоль, военному министру де Шевинье были даны инструкции «держат наготове» для контртеррора кадры «офицеров запаса и ветеранов армии». Сам генерал Гарбэ, командовавший войсками Франции в Тунисе, считал ситуацию в этой стране «кануном гражданской войны»²⁴².

На судьбе Ф. Хашада трагически сказалось его выдвижение после января 1952 г., когда, в сущности, все руководство Нового Дустура (как и других политических партий) оказалось под арестом. Из всех тунисских лидеров французы не решились арестовать лишь Фархата Хашада ввиду его международной известности и связей с тред-юнионами США, которые явно под влиянием Хашада и вследствие его демаршей «развернули кампанию в защиту тунисских требований» и даже вовлекли в нее известных общественных деятелей, в том числе Элеонору Рузвельт. Более того, по данным последующих свидетельств, Ф. Хашад взял на себя руководство патриотическим движением в стране, когда все руководство этим движением оказалось под арестом. Есть даже сведения о том, что это было сделано по заранее согласованному с Бургибой решению, которое включало также договоренность о начале вооруженной борьбы в Тунисе с использованием охранных отрядов, ранее созданных профсоюзами (в частности, один из первых таких отрядов был организован в окрестностях Загуана Хабибом Ашуром из сельских рабочих, а другой – членом руководства ВТСТ Ахмедом Тилии из шахтеров Гафсы)²⁴³.

Заступничество американских профлидеров и вообще политиков долго служило Ф. Хашаду своего рода охранной грамотой. Но он сам не раз высказывал сомнения в этом. К сожалению, эти сомнения оправдались. 5 декабря 1952 г. он был обстрелян в собственном автомобиле, а потом похищен боевиками «Красной руки». Позднее был найден его труп, изрешеченный пулями. Убийц, разумеется, не нашли. Сам акт убийства поднял волну возмущения по всему миру, но прежде всего, конечно, в Тунисе, где уже 5 декабря стали закрываться базары и магазины мусульман. Всеобщая 3-дневная национальная забастовка парализовала предприятия, госучреждения, учебные заведения. Встал порт Туниса. Стачки и демонстрации прошли в Кайруане, Сфаксе, Габесе, Ферривилле, на рудниках и шахтах по всей стране. В Марокко французская армия, подавляя демонстрации протеста, только в Касабланке убила и ранила до 1 тыс. человек. Это стало началом партизанской войны, которая через 11 месяцев после Туниса привела Марокко к независимости.

Бурю протестов убийство Хашада вызвало в Европе и Америке, в том числе в кругах МКСП, вице-президентом которой он был, и Всемирной Федерации профсоюзов, выражавшей позицию прогрессивного крыла международного рабочего движения.

В дальнейшем возмущение мировой общественности лишь возрастало, ибо подозрения в отношении причастности к «делу Хашада» террористов «Красной руки» возникли почти сразу, еще до выявления доказательств их виновности (об их участии в «деле» при сообщничестве властей писал лучший специалист по Северной Африке 30–60-х годов Шарль-Андре Жюльен). Позднее были опубликованы прямые свидетельства очевидцев, обличавших убийц. Особенно ценным было признание бывшего генерального резидента Туниса Луи Перийе в том, что «де Отклок был информирован некоторыми видными европейцами о подготовке покушения за несколько дней до того, как оно свершилось». Кроме того, де Отклок сам выдал свою заинтересованность в расправе с Хашадом, арестовав сразу же после нее таких соратников Хашада, как Абдаллах Фархат (лидер Старого Дустура и бывший министр «уволенного» де Отклоком кабинета Шеника), Садок Мокаддам (член подпольного политбюро Нового Дустура), Махмуд Мессади (заместитель генерального секретаря ВТСТ), Тайеб Мехири, а также других видных активистов обоих Дустуров. Довольно быстро и в Тунисе, и во Франции эти аресты расценили как попытку генерального резидента предотвратить замену убитого Хашада во главе ВТСТ кем-либо из единомышленников²⁴⁴.

На то, чтобы обезглавить сразу и ВТСТ, и Новый Дустур, было направлено и настойчивое преследование Хеди Шакера, видного деятеля и одного из основателей Нового Дустура, члена политбюро, казначея партии и председателя ее нелегального IV съезда в январе 1952 г. Арестованный вскоре после этого, он был переведен под надзор полиции в марте 1953 г., а через полгода убит, предположительно также террористами «Красной руки». Дабы скомпрометировать погибших от рук террористов тунисских лидеров, «Красная рука» широко распространяла в Тунисе пропагандистские листовки, озаглавленные «Фархат Хашад – американец», тем более что профлидер США Джордж Мини осуждал «жестокое убийство» в Тунисе и требовал международного расследования такой «серьезной угрозы миру». Это было подхвачено заместителем Хашада Махмудом Мессади, направившим в Международную комиссию против концентрационных режимов соответствующее обращение. Единственным последствием этого был арест самого Мессади²⁴⁵.

К январю 1953 г., по сведениям самой генеральной резиденции, в Тунисе были приговорены к смерти 9 человек, к вечной

каторге – 12, 285 – к каторге сроком от 5 до 20 лет, около 2 тыс. – к тюремному заключению от 6 месяцев до 5 лет. Еще около 3 тыс. арестованных ожидали приговора в тюрьмах Туниса, Бардо и других городах. Впрочем, власти признавали, что точной цифры заключенных в «других городах они даже не знали»²⁴⁶. Чтобы лишить тунисцев информации о происходящем в стране, военные власти скупали все поступавшие из Франции газеты (тунисские были просто запрещены), но упустили из виду, что тунисцы слушали по радио ненавистную властям «арабскую пропаганду»²⁴⁷.

Подъем антиколониального движения в Тунисе после гибели Фархата Хашада выразился и в активизации вооруженного сопротивления. В стране, где почти нет гор и весьма редки леса, условия для ведения такой борьбы в целом неблагоприятны. Но все же небольшие сначала немногочисленные партизанские отряды действовали с 22 января 1952 г. и совершили только за первые два месяца 15 нападений на военный транспорт и 16 нападений на прочие военные объекты, разрушив 7 мостов, 122 линии телефонно-телеграфных передач, произвели поджоги и взрывы в казармах и полицейских комиссариатах, уничтожали отдельные группы французских военнослужащих и помогавших им местных коллаборационистов. Генерал Гарбэ, пытаясь подорвать позиции партизан, зачислил все мужское население Туниса в «группы безопасности», возложив на них ответственность (в том числе материальную) за каждый инцидент и каждое разрушение. Однако ему не удалось изолировать партизан и прервать их связь с населением, которое продолжало поддерживать партизан, снабжать их информацией и продовольствием. Нередко тунисцы, особенно крестьяне, сами вступали в ряды партизан.

Постепенно отряды их усиливались, устанавливали связи друг с другом и реорганизовались в Тунисскую армию освобождения (ТАО), в которой было единое командование, введена дисциплина и форма цвета хаки, знаки различия. У них появилось легкое стрелковое оружие, а также радиоаппаратура. Но ТАО оставалась нелегальной организацией, не имевшей связей с политическими партиями. Тем не менее считается, что она испытывала «морально-политическое влияние Нового Дустура»²⁴⁸. Вооруженное сопротивление колонизаторам в Тунисе со временем не только не прекращалось, но, продолжаясь, способствовало активизации патриотов Алжира и Марокко. В отличие от Англии, всюду пытавшейся (в Индии, Малайзии,

Сингапуре, Бирме, Пакистане, Судане, Ираке, на Шри-Ланке и Бахрейне) завершить компромиссом конфликты с колониями, Франция всюду выступала за силовое решение.

В рамках «атлантической солидарности» Франция вела «грязную войну» в Индокитае, на которую тратила в 2 раза больше, чем сама получала от США по «плану Маршалла», хотя именно США были заинтересованы в этой войне²⁴⁹. В то же время, отчаянно цепляясь за свои позиции в Северной Африке (учитывая их давность, географическую близость к Франции и укорененность там европейского, преимущественно французского социума), французы пытались противопоставить друг другу народы Магриба. Но из этого ничего не вышло, о чем свидетельствуют многие примеры из жизни алжирцев в 1952–1954 гг.²⁵⁰

И конечно, на тунисцев, как и на прочих арабов, действовала быстро менявшаяся бурная обстановка в мире после Второй мировой войны: палестинская война 1948–1949 гг., обретение независимости Ливией в 1951 г., июльская революция 1952 г. в Египте, конфликт генеральных резидентов Жюэна и Гийома с султаном в Марокко в 1951–1953 гг., падение диктатуры Шишекли в Сирии в 1954 г., тянувшаяся с 1946 по 1954 г. война во Вьетнаме. Некоторые из этих событий колониалисты во Франции считали непосредственной причиной антифранцузских движений в колониях. В частности, алжирскую революцию 1954–1962 гг. они объясняли «амбициями туземных унтеров, прибывших из Индокитае и считавших войну в Индокитае примером для себя»²⁵¹. У алжирских подпольщиков были специальные люди, «ведавшие связями с тунисскими братьями»²⁵². По данным видного французского магрибиста Роже Ле Турно, партизаны Туниса «время от времени снабжались на алжирской территории»²⁵³. Не вызывает поэтому удивления, что после окончания боев в Тунисе некоторые партизаны (в основном алжирцы по происхождению) вскоре, сохранив оружие, перешли в Алжир, где возобновили борьбу с колониалистами²⁵⁴.

Война в Тунисе, о которой было мало информации во французской прессе, со стороны могла казаться вялотекущей и даже постепенно затухающей. Но это было не так. В ней приняли участие многие ветераны Нового Дустура. Впоследствии были опубликованы сведения о Хасане Бен Абд аль-Азизе, который, объезжая на мотоцикле зоны Сахеля и Кайруана, много сделал для мобилизации и организации бойцов сопротивления и для освобождения из заключения таких будущих героев войны 1952–1954 гг.,

как Салах Бен Фрадж Яхья. Еще известнее стал Ахмед Тлили, член Нового Дустура, учитель и профсоюзный деятель (генсек ВТСТ в 1956–1963 гг.), организовавший партизанское движение из крестьян и шахтеров в районах Гафсы, Габеса, Кассерина и Ле Кефа, а до этого сражавшийся в Палестине в 1948 г. Несмотря на арест Тлили в феврале 1952 г., созданные им отряды продолжали сопротивление вплоть до окончания войны в Тунисе в 1954 г. Не менее активен был один из лидеров дустуровской молодежи Махджуб Бен Али, преследуемый властями с 1945 г. Он совершал нападения на французские войска, арестовывался и приговаривался к смерти, но дважды бежал из заключения и продолжал борьбу в подполье вплоть до конца 1954 г.²⁵⁵

Немалый вклад в это сопротивление внес Хабиб Ашур, опытный профсоюзный лидер, член Нового Дустура с 1936 г. и вице-председатель ВТСТ с 1947 г. Не раз задерживавшийся, высланный под надзор полиции в г. Загуан, он сумел там создать подпольную сеть патриотов, эффективно проводивших акты саботажа. Однако большинство задержанных, включая Х. Ашура, были оправданы. Любопытно, что среди защищавших их адвокатов был будущий премьер-министр Франции Пьер Мендес-Франс. Наряду с вышеназванными стоит упомянуть организатора партизанских групп в городах – Башира Зарг Лайюна, героя-боевика Мухаммеда Джерада, сидевшего в тюрьме с 1947 г. за то, что ударил премьера-коллорабациониста Мустафу Каака, а потом за то, что бросал гранаты во французские броневики. Он получил несколько смертных приговоров, но был помилован в связи с приходом к власти во Франции нового президента Рене Коти. Еще 17 человек, включая двух родственников Джерада, были арестованы и осуждены за участие в «городском терроре». В Бизерте, Гафсе, Габесе, Сфаксе и селениях Сахеля были задержаны и осуждены еще 37 человек.

Необходимо отметить, что многие партизаны или погибли во время нападений на карателей, или скрывались. Позднее стали известны имена еще 27 активистов Нового Дустура, поддерживавших контакт с партизанами, снабжавшими их продовольствием, информацией и направлявшими их действия. Не менее 16 человек, как было потом установлено, занимались с января 1952 г. организацией Тунисской армии освобождения и командовали ее операциями против карателей. По неполным данным, каратели потеряли с 22 января 1949 г. до 31 марта 1953 г. 24 человека убитыми и 26 были ранены. Но к этому стоит добавить

еще 34 инцидента с применением оружия, но без точных сведений о потерях сторон. В этой связи стоит еще раз напомнить о неблагоприятных для ведения партизанской войны условиях преимущественно равнинного и почти безлесного Туниса. И тем не менее 70-тысячная французская армия так и не смогла справиться с ТАО и вообще с вооруженным сопротивлением патриотов, которых поддерживало подавляющее большинство тунисцев. Однако следует признать, что в боях патриоты также несли потери, и были времена, когда ТАО, мужественно продолжавшая борьбу, насчитывала всего несколько сот человек²⁵⁶.

Конечно, в условиях народной войны против колонизаторов не могло быть и речи о каких-либо политических реформах. Тем более о тех, которыми Жан де Отклок просто пытался ввести в заблуждение и тунисцев, и французов. Муниципальные выборы в Тунисе в мае 1953 г. полностью провалились: к урнам явились лишь 3% избирателей. На заседании правительства в Париже президент Франции Венсан Ориоль заявил, что за два года бесконечные аресты, депортации, поощрения «групп самообороны» (т.е. банд колониалистов) создали в Тунисе ситуацию, «из которой нет выхода». Он говорил о необходимости «глубоких социальных реформ» и «смене методов правления», но услышан не был. Разработанный проект заключения с Тунисом нового договора был торпедирован верхушкой колониальных «сеньоров» Туниса, заявивших: «Нам не подходит этот проект. Дать бею возможность назначать тех, кто будет вести переговоры за рамками правительства, регулярно формируемого с нашего согласия (имелось в виду марионеточное правительство Баккуша. – *Р. Л.*), означает обращение к непримиримым противникам протектората!». Главные составители этого заявления – крупнейший латифундист Туниса и видный идеолог колониализма Антуан Колонна и профессиональный колониальный бюрократ Габриэль Пюо – решительно возражали против создания в Тунисе подлинно национального правительства. Сразу же после этого в Тунисе активизировались группы бандитов «Красной руки». Среди убитых ими осенью 1953 г. был и видный член политбюро Нового Дустура Хеди Шакер²⁵⁷.

Через две недели после этого в Тунис прибыл Пьер Вуазар, сменивший генерального резидента Жана де Отклока. Это произошло почти одновременно с переворотом в Марокко, где колонизаторы свергли и выслали из страны законного султана, заменив его своей марионеткой. В Марокко вспыхнуло в ответ

вооруженное сопротивление, на фоне которого французы попытались «умиротворить» Тунис. Вуазар направил еще до своего прибытия весьма лживую телеграмму бею с предложением сотрудничества, затем продолжил свою тактику «улыбок», провозгласив себя «резидентом дружбы и примирения» во имя «счастливого и процветающего Туниса»²⁵⁸. Вуазар выдвинул очередной «проект реформ», который был отвергнут тунисцами. Еще до этого, в октябре 1953 г., было объявлено об отмене предварительной цензуры печати и осадного положения в некоторых районах, об освобождении 22 из 80 лидеров национального движения, брошенных в концлагеря. В то же время патриоты, узнавшие о стремлении Вуазара связаться с руководством Нового Дустура, временно снизили свою боевую активность. 2 марта 1954 г. был сформирован новый состав правительства Туниса из 8 тунисцев и 5 французов во главе с Салахом Мсали²⁵⁹.

4 марта 1954 г. был оглашен «проект реформ» Вуазара – Мсали. Он вызвал лишь недоумение, ибо его целью явно было продемонстрировать якобы стремление властей к переменам, по сути ничего не меняя. Предполагалось создать Тунисское собрание из 45 тунисцев, избравшихся путем двухступенчатых выборов. Но для чего? Для «советов». Ибо избираемые по сложной системе делегаты должны были представлять собой ... совещательный орган, ничего не решавший. Лишь при обсуждении бюджета к Тунисскому собранию присоединялись 19 членов экономических палат (8 тунисцев и 11 французов), а также 42 представителя французов Туниса, избираемых, кстати, путем прямых выборов. Иными словами, как и раньше, бюджет обсуждали 53 тунисца, да еще специально отбираемых (для чего и вводились двухступенчатые выборы) и 53 француза, представлявших не более 6–7% населения страны. Все остальные вопросы оставались по-прежнему в ведении генерального резидента. И хотя тунисцы радовались отъезду из их страны «ужасного Жана» (де Отклока), они быстро поняли, что Вуазар – просто более лицемерный и лучше замаскированный вариант того же «Жана». Бургиба, находясь в заключении, передал через своих друзей заявление на волю, в котором счел «абсурдным считать Тунис менее подготовленным к независимости, чем Вьетнам, Лаос или Камбоджа». В свою очередь, Франсуа Миттеран (тогда – неоднократный министр и глава влиятельного Демократического и социалистического союза сопротивления) обрушился с критикой на политику Парижа: «Разве Тунис и Марокко должны иметь менее свободное

государственное устройство, чем Габон, Уганда, Кения или Судан? Французский Союз может стать реальностью, только предоставляя больше гражданских свобод и прогресса. Если это не так, то миллионы людей будут иначе оценивать свою судьбу»²⁶⁰.

В июне 1954 г. во Франции правительство возглавил Пьер Мендес-Франс, ранее уже высказывавшийся за решение проблем Туниса и Марокко. В своем правительстве он даже учредил пост министра по тунисским и марокканским делам, который доверил Кристиану Фуше. Еще раньше, в марте 1954 г., ненавидимый всеми тунисцами генерал Гарбэ, позорно «прославившийся» своими эксцессами и в других колониях Франции, был заменен на посту главкома войск Франции в Тунисе генералом Пьером Буайе де Латуром, более осторожным и внимательным к тому, что происходило в стране. Он был более компетентен по сравнению с Вуазаром, который даже после полугода пребывания в Тунисе считал, что Новый Дустур – всего лишь «кучка агитаторов, не имеющих влияния на население», а Бургиба будто бы «ни у кого не вызывает симпатии». Однако всеобщий бойкот «реформ» Вуазара, растущая активность партизан в Тунисе, неудачи французов в Индокитае заставили Париж не только отказаться от услуг марионеточного правительства Баккуша, но и сместить не справившегося со своими задачами Вуазара. Министр обороны Франции генерал Кёниг, выдвигая Буайе де Латура в качестве нового генерального резидента, заявил ему: «В настоящих обстоятельствах нам требуется знаток Северной Африки, без которого мы можем потерпеть катастрофу»²⁶¹.

Буайе де Латур был назначен 30 июля 1954 г. А уже 31 июля в Тунис лично прибыл Пьер Мендес-Франс в сопровождении маршала Жюэна (уроженца Алжира, представителя высшей элиты колониальных сеньоров Магриба и высших военных кругов Франции) и Кристиана Фуше. Этот визит явился логичным завершением серии переговоров К. Фуше с руководством Нового Дустура, включая Х. Бургибу, которого (переведенного из заключения в Тунисе во временную резиденцию в департаменте Луара во Франции) держали в курсе событий видные деятели французских социалистов Андре Филипп и Алэн Савари. В ходе этих переговоров было достигнуто соглашение на базе проекта «внутренней автономии» Туниса, выдвинутого Бургибой еще в апреле 1950 г. и отклоненного французским правительством в 1951 г.

Мендес-Франс встретился с беем Сиди Ламином в его резиденции в Карфагене и зачитал ему следующую декларацию:

«Внутренняя автономия тунисского государства признана и провозглашена без какой-либо задней мысли французским правительством... Мы готовы передать тунисским лицам и учреждениям внутреннее осуществление суверенитета». Вследствие этого «может быть образовано новое правительство, которое кроме управления делами Регентства будет уполномочено вести от вашего имени переговоры с французским правительством о конвенциях, имеющих целью определить права обеих сторон». Мендес-Франс, очевидно, не до конца понимая все значение своей декларации, заявил, что Франция «остается в Тунисе», сохраняя право на «оборону Туниса» и «ведение его внешней политики», а тунисская сторона обязывалась «уважать права и интересы» проживавших в Тунисе французов.

Хотя декларация Мендес-Франса еще не была признанием независимости Туниса, она явилась важным шагом на пути к ней. Поэтому самые разные круги тунисского общества оценили ее позитивно. От имени Нового Дустура Хабиб Бургиба, «полуосвобожденный» из заключения (он вышел на волю, но находился во Франции без права въезда в Тунис), заявил: «Независимость остается идеалом тунисского народа, но путь к этому идеалу отныне не будет иметь характера борьбы между тунисским народом и Францией»²⁶². Кстати, за неделю до этого Бургиба довольно ловко сманивировал, сказав в одном из интервью: «У меня нет контактов с партизанами. Я не знаю даже, сколько их. Французы считают, что их две или три тысячи. Они не подчинены моей партии. Все, что я знаю, это то, что они – патриоты, доведенные до отчаяния. Когда к власти придет тунисский кабинет, покушения прекратятся. Кабинет не должен обязательно руководиться моей партией, и я тоже не должен обязательно входить в него»²⁶³.

Таким образом, и Мендес-Франс, и Бургиба стремились создать в Тунисе обстановку примирения, необходимую для начала результативных переговоров. И самое удивительное заключалось в том, что примерно 2,5 тыс. партизан, рассеянных по всей стране мелкими группами по 15–30 человек, разом прекратили боевые действия. Это свидетельствовало об огромном влиянии Нового Дустура и высоком авторитете его харизматичного лидера²⁶⁴.

Глава 9

ВНУТРЕННЯЯ АВТОНОМИЯ, НЕЗАВИСИМОСТЬ, РЕСПУБЛИКА

После признания Францией «внутренней автономии» Туниса и права тунисцев «самим управлять собственными делами» все ждали, в чем же все это выразится конкретно. Тем более что бей Сиди Ламин в обращении к тунисцам 2 августа 1954 г. провозгласил наступление «решающего этапа нашей национальной истории» и воздал хвалу правительству Франции, которое «решило признать вашу политическую зрелость и законность ваших чаяний». Это выразилось в образовании 7 августа «чисто тунисского» кабинета министров во главе с Тахаром Бен Аммаром (1890–1985) богатым землевладельцем, когда-то бывшим руководителем партии Дустур 20-х годов, с 1922 г. стоявшим вне партий. Среди 10 его министров были 4 новодустуровца, 4 независимых, 1 социалист и Буайе де Латур... в качестве министра иностранных дел, поскольку Франция по плану Мендес-Франса сохраняла контроль над обороной и внешней политикой Туниса. Затем начались переговоры между правительствами Франции и Туниса²⁶⁵. При этом политбюро Нового Дустура, активно участвовавшего в переговорах, постоянно заседало в Женеве, так как в Тунисе деятельность партии была запрещена и многие ее деятели, включая Бургибу, все еще не имели доступа в Тунис.

4 сентября 1954 г. в Тунисе начались официальные контакты между делегациями обеих стран, затем продолжились в Париже при закрытых дверях. Они тянулись 9 месяцев с перерывами, ибо у сторон порой были совершенно разные представления о самом характере «внутренней автономии». Наконец, 3 июня 1955 г. Т. Бен Аммар и новый премьер Франции Эдгар Фор подписали 6 конвенций, протоколы и приложенные к ним письма, т.е. весь блок документов, составивших соглашение о «внутренней автономии»²⁶⁶. Новый Дустур, профсоюзы и левые силы страны (ТКП, социалисты и прочие) поддерживали соглашение, в то время

как правые группировки, консерваторы из Старого Дустура и сторонники сидевшего в Каире Салаха Бен Юсуфа отвергли его, выступив за продолжение военных действий, за панарабизм и связи с радикальными панарабистами Египта. Вернувшийся с триумфом на родину 3 июня 1955 г. Бургиба попытался найти общий язык с Бен Юсуфом (все еще занимавшим пост генсека партии). Бен Юсуф прибыл в Тунис 13 сентября 1955 г., но вовсе не для примирения. Он и раньше, будучи министром юстиции в кабинете М. Шеника и представителем Туниса на Бандунгской конференции в апреле 1955 г., выступал против идеи «внутренней автономии», причем изображал ее как явное предательство тех, кто сражался за независимость с оружием в руках. 7 октября 1955 г. он выступил в мечети Аз-Зитуна с большой «поджигательской» речью, в которой еще раз резко осудил соглашение о «внутренней автономии» как якобы «шаг назад по сравнению с договором 1881 г. в Бардо». Исключенный из партии 12 октября, он, тем не менее, продолжил свою кампанию против Бургибы, совершив агитпоездку по стране, в ходе которой происходили столкновения, иногда кровавые. 30 октября Бен Юсуф создал раскольнический Главный секретариат Нового Дустура.

Конфликт обоих лидеров был не просто борьбой за власть. Бургиба воплощал позицию и практику «новых классов и социальных слоев (пролетариата, служащих, учителей)», а за Бен Юсуфом пошла, по несколько спорному мнению Мишеля Камо, «крупные земельные собственники из Всеобщего союза тунисских аграриев» и «категории, связанные со старым способом организации общества: зитунцы, традиционные ремесленники и торговцы медины (рынка) г. Туниса». Камо более, пожалуй, прав, характеризуя Бургибу как «выходца из мелкой буржуазии Сахеля, опиравшегося на прибрежный Тунис..., сельские общины мыса Бон и долины Меджерды», а Бен Юсуфа – как представителя «коммерческой семьи с острова Джербы, использовавшего солидарность ибадитов* Джербы». Но Бен Юсуфа поддерживала также часть внутренних районов Туниса и его южных степей, т.е. старинных очагов традиционных бунтарей Туниса. Выигрышными факторами для Бен Юсуфа были поддержка его из Египта Насером и начало революции в Алжире 1 ноября 1954 г. Бургиба поддерживал революцию в Алжире (несмотря на осуждение «бургибизма» частью алжирских руководителей). Но он считал (и объяснил это посетившей его делегации алжирцев), что Тунис

* Члены одной из сект ислама.

сможет помочь алжирцам политически, дипломатически и стратегически, но не ввязываясь с Францией в открытую войну, результатом которой могла быть лишь гибель молодого тунисского государства и оккупация его французами²⁶⁸.

Во многом, конечно, в пользу Бургибы сыграли его личное обаяние, талант оратора, заслуги перед национально-освободительным движением и мужественное поведение во время всех преследований, которым он подвергался. Очевидно, сыграла некоторую роль и усталость партизан, вынужденных 2,5 года сражаться, а главное – скрываться в очень для них неблагоприятных (в отличие от соседнего гористого Алжира) условиях равнинного Туниса. Характерно, что прекратившие сражаться партизаны почти все были уроженцами степей Юга, где теоретически господствовал Салах Бен Юсуф. На деле же и там выиграл Бургиба.

Некоторые считают, что Бургиба был просто более известен и популярен, чем моложе его на 6 лет соперник. Но все же, скорее всего, стоит, по нашему мнению, обратить внимание на то, что Новый Дустур оказался крепко сколоченной, высокодисциплинированной и по-европейски организованной партией (в чем также велика заслуга Бургибы), во-первых, а во-вторых, Бургиба все время, даже находясь в заключении, не терял контакта с руководящим аппаратом и активом этой партии, что и решило в его пользу спор за лидерство в ней. Не говоря уже о том, что Бургиба, старший годами, оказался более чутким к современности, к модернизации жизни общества, а Бен Юсуф явно отстал от него и выглядел своего рода консерватором, представлявшим «вчерашний день» освободительного движения²⁶⁹.

Салах Бен Юсуф, в отличие от Бургибы, рассчитывал обрести свободу Туниса в рамках арабского единства, на которое в 40-е годы уповал и Бургиба. Но Бургиба, несколько лет общаясь с лидерами ЛАГ, понял, что от них ждать помощи «нереалистично». Кроме того, панарабизм Насера или Бен Беллы он считал «крайностью», чуждой его методам борьбы²⁷⁰. Вместе с тем Бургиба примерно за 30 лет пребывания у руководства национально-освободительной борьбой хорошо изучил ее участников, и особенно их элиту, в среде которой было немало тех, кто использовал свое положение для личного обогащения или карьерного взлета. И он знал, что в решающий момент может остаться один. И никто ему не посочувствует, даже бей Сиди Ламин, «любитель старинных часов и живописи», обычно державшийся, как это ни странно, вне политики. Сам же Бургиба

никогда не стремился уклониться от ответственности и, как мы видели, всегда был в гуще политической жизни, причем в довольно рискованных ситуациях. В частности, он, оказавшись у власти в 1956 г., сразу же начал протестовать против политики Франции в Алжире, хотя это и вызывало ярость «сеньоров» колонизации и в Париже, и в Северной Африке, а также недвусмысленные угрозы французских генералов «расположиться в сапогах в постели Бургибы» и вообще «стереть с лица земли независимость Туниса». Бомбардировка французской авиацией тунисского пограничного селения Сакнет-Сиди-Юсеф в 1958 г. подтверждала готовность ультраколониалистов вернуть Тунис в колониальное состояние²⁷¹.

Тунис строил свою государственную жизнь в 1956–1962 гг. под грохот канонады в соседнем Алжире, под стоны и плач жителей, гибнущих в приграничных селениях, осыпаемых снарядами и бомбами. О каком строительстве, о каком созидании могла идти речь? Кроме того, страна дала пристанище более чем 160 тыс. беженцам из Алжира. А их лагеря (мне довелось их видеть в 1962 г.) были морем сплошного горя: семьи без отцов, дети без матерей, голод, утраты близких... Конечно, все это, безусловно, влияло на обстановку, в которой молодой Тунис расправлял плечи и набирался сил²⁷². И то, что Новый Дустур смог в подобных условиях преодолеть кризис «юсуфизма», было сильным аргументом в пользу партии. Неплохой оратор и организатор, многому научившийся у Бургибы, Бен Юсуф долго вел борьбу за влияние на низовые организации Нового Дустура, произносил яркие речи, привлекал на свою сторону многих активистов, но ... не смог добиться преимущества ни лично над Бургибой, ни над аппаратом поддержавшей Бургибу партии. Неудача постигла его и в попытке привлечь на свою сторону Францию²⁷³.

Не сумев победить политически, Бен Юсуф попытался возродить в Тунисе партизанскую войну с участием проникших в Тунис алжирских повстанцев (тогда еще немногочисленных). Но всего их набралось менее 1 тыс., объединенных в 6 вооруженных групп. Они вели бои против полиции Туниса, а 50 их участников уже были арестованы. Сам Бен Юсуф покинул Тунис 28 января 1956 г. Впоследствии лучший знаток Магриба Ш.-А. Жюльен, констатируя «полный триумф бургибизма» подчеркнул, что Тунис «получил независимость благодаря умелой дипломатии», Марокко – «трем годам борьбы», а Алжир – «через 8 лет сражений с оружием в руках»²⁷⁴. Естественно, что тунисцы

оценили столь значительный успех Бургибы и его партии. И неудивительно поэтому, что их в дальнейшем столь мало интересовала судьба проигравшего Бен Юсуфа. Его смерть в августе 1961 г. во Франкфурте-на-Майне почти не вызвала в Тунисе сколько-нибудь значительной реакции. Хотя, по некоторым сведениям, в Тунисе есть некоторые группы, «преимущественно из интеллигенции», считающие преследования «юсуфистов» «покушением на демократию и свободу». Но они представляют незначительное меньшинство²⁷⁵.

Правление бургибистов началось искоренением «юсуфистов». До этого в стране было отменено военное положение, легализована деятельность партий и профсоюзов, амнистированы политзаключенные. Предоставление 1 марта 1956 г. независимости Марокко создало благоприятную ситуацию для аналогичного шага Франции в сторону Туниса²⁷⁶. Начатые по инициативе Туниса переговоры завершились 20 марта 1956 г. признанием независимости страны. В апреле 1956 г. Бургиба возглавил первое правительство независимого Туниса. Оно отменило все привилегии семьи бей²⁷⁷. В том же году были ликвидированы шариатские суды и введен кодекс гражданского состояния, провозгласивший равноправие мужчины и женщины и запретивший многоженство. В мае 1956 г. были национализированы общественные хабусы (религиозное имущество), через год – все прочие хабусы. Были упразднены куттабы (традиционные религиозные школы). В 1956 г. были национализированы предприятия иностранцев в разных отраслях промышленности и транспорта. В 1958 г. Тунис ввел собственную валюту – динар, в 1959 г. – вышел из таможенного союза с Францией. Был введен госконтроль над собственностью более 200 крупных аграриев и капиталистов, ранее сотрудничавших с колонизаторами. По соглашениям 1957, 1960 и 1963 гг. правительство Туниса выкупило у иностранцев 370 тыс. га земель, а в 1964 г. национализировало еще примерно 470 тыс. га²⁷⁸.

Одновременно Новый Дустур закреплял за собой руководство, по сути дела, всей жизнью тунисского общества. Через профсоюзы ВТСТ, лояльные Бургибе, через реорганизованные им союзы ремесленников и торговцев, ранее стоявшие за Бен Юсуфа, через прочие организации (молодежи, женщин и «независимых») Бургиба очень быстро и умело установил контроль над почти всеми социальными группами и процессами в стране. 25 июля 1957 г. Учредительное собрание Туниса провозгласило

страну республикой. Ее президентом был избран Хабиб Бургиба, тем самым закрепивший свое лидерство и получивший возможность провести давно задуманные им реформы. Политически это было подтверждено огромными полномочиями президента по конституции 1959 г.²⁷⁹

Бургиба, пожалуй, единственный из руководителей молодых арабских государств XX в. имел наиболее благоприятные условия для осуществления им задуманного. Его поддерживала хорошо организованная, дисциплинированная и верная ему партия, пользовавшаяся неоспоримым влиянием в широких массах. Оппозиция ему в лице Салаха Бен Юсуфа оказалась маловлиятельной и была сравнительно легко (хотя и не без жертв и трудностей) устранена. Он почти не сталкивался с противниками на международной арене, являясь «другом» США, находясь в постоянном (хотя и не всегда дружественном) диалоге с Францией и почти не имея противоречий с арабскими и африканскими странами (за исключением временных стычек с Марокко из-за экспорта фосфоритов в Западную Европу). И вместе с тем он был весьма осторожен, не позволяя себе резких движений и заявлений и во внутренней, и во внешней политике. В частности, отвергая идею «неприсоединения», разделявшуюся после Бандунга почти всем афро-азиатским миром, он утверждал, что «нейтралитет и позиция постороннего наблюдателя в отношении западного и восточного блоков абсурдны и неразумны», так как не спасают небольшое государство от войны²⁸⁰. Конечно, это был выбор не в нашу пользу, но для сторонника ориентации на Запад (а Бургиба всегда им был) данный шаг – вполне логичен и даже принципиален.

Это вовсе не значит, что он был закрыт для других идей. Упоминавшейся выше советской делегации во главе с Б. Г. Гафуровым он сказал: «Когда вы ехали ко мне, вы наверняка видели, как много людей у нас сидят в кафе и ничего не делают. Вот их всех надо собрать, организовать и заставить работать!» Я думаю, он понимал, почему так «много людей ничего не делают». И уж он-то бы заставил их всех трудиться, если бы экономика Туниса располагала соответствующими капиталовложениями, технологиями и квалифицированными кадрами. Но нельзя исключить и того, что он уже готовил следующий этап развития страны – этап «дустуровского социализма».

Практически этот этап (или схожий с ним) прошли почти все афро-азиатские страны, желавшие сохранить свою

самостоятельность. Это их желание почти всюду натолкнулось на сопротивление собственной буржуазии, не желавшей инвестировать свои капиталы (к тому же, как правило, небольшие) в дорогостоящие и сомнительные с точки зрения доходности проекты индустриализации и прочего строительства общенационального значения. Поэтому правительства молодых государств вынуждены были делать упор на государственные инвестиции, причем иногда прибегая к национализациям²⁸¹. В Тунисе наиболее ярким выразителем этого поворота к социализму (как нам все указывали, «скандинавского» или «демократического типа») стал популярный деятель профсоюзов Ахмед Бен Салах. Он нередко ссорился с Бургибой, но тот, снимая его с очередной должности, обычно потом назначал на другой пост. Некоторые объясняли эти его назначения поощрением со стороны Бургибы, в это же время противостоявшего внутрипартийной оппозиции во главе с Ахмедом Мстири, выступавшим за построение рыночной экономики²⁸².

Бургиба, особенно после окончания в 1962 г. войны в Алжире, максимально поощрял приток иностранных инвестиций для финансирования в первую очередь государственных строек и расходов на промышленное оборудование. Разные виды помощи, в том числе государственные и частные кредиты в сфере промышленности, быстро выросли в 1962–1964 гг., достигнув постепенно суммы в 35, затем в 40 и, наконец, 50 млн динаров. Это в конце концов составило до половины всех инвестиций, реализованных последовательно в этот период (т.е. 250 млн динаров)²⁸³. Престиж «бургибизма» в первые годы независимости был наиболее высок. Поэтому «техники и бюрократы, вставшие у власти, считали, что с помощью Партии и “Верховного борца” они могут предпринять попытку рационального планового развития». Таковы были «Десятилетние перспективы сельского хозяйства» 1961 г., затем «Перспективы 1962–1971 гг.» и специальный «Предплан», разработанный Ахмедом Бен Салахом²⁸⁴.

Для неисправимого «западника» и в то же время антикоммуниста Бургибы было важно не только установить контроль государства над слабой экономикой Туниса, но и отмежеваться от любых сопоставлений его политики как с марксизмом, так и с исламизмом. Поэтому уже в 1961 г. он подчеркивал, что социалисты всегда «считали себя членами одной семьи», что им не был «присущ индивидуализм», что «никто из них не стремился обогатиться за счет другого», «все действовали на общее

благо» и у них «наемный работник – брат нанимателя». Эта благостная картина, будто бы копировавшая практику социал-демократов Скандинавии, во многом была далека от реальности. Но она служила целям пропаганды идей Бургибы, будучи одновременно критикой и негативной по отношению к «Верховному борцу» позиции коммунистов Туниса, и неприятия нового курса Бургибы исламистами²⁸⁵.

Надо отдать должное Бургибе: он не только старался выглядеть демократом, но и был таковым в ряде случаев. Естественно, основные документы «дустуровского социализма» были разработаны руководством Нового Дустура во главе с Бургибой. Но даже черновой вариант 10-летней перспективы был вынесен на всенародное обсуждение и по итогам этих «совещаний с общественностью» были исправлены некоторые его положения. Причем в дискуссиях на эту тему активно участвовали не только губернаторы (они нередко одновременно были главами парторганизаций своих регионов) и спецуполномоченные Нового Дустура, но также члены профсоюзов (ВТСТ создал для этого особую комиссию), студенты, предприниматели. Последние были наиболее убежденными критиками «социализма» Бургибы, предлагая не кооперацию в деревне (как ВТСТ и Ахмед Бен Салах), а свободную продажу и сдачу в долговременную аренду государственных земель²⁸⁶.

Но именно в это время, на рубеже 1962–1963 гг., Бургиба продемонстрировал всю жесткость, на которую был способен. Новые его идеи, хотя и поддерживались обществом в целом, у многих, как говорил Шакер, «консервативных буржуазных кругов» вызывали недовольство. В декабре 1962 г. был раскрыт заговор «юсуфистов» (лишившихся за полтора года до этого своего вождя и, судя по всему, жаждавших мести), которых поддерживали некоторые ориентировавшиеся на насеровский Египет экстремисты из Старого Дустура, а также часть военных, недовольных вовлечением армии в борьбу за возвращение Бизерты в 1961 г. Военные считали эту борьбу безнадежной, а потери, ими понесенные, неоправданными²⁸⁷. Это обстоятельство, как и смута в профсоюзах, считавших невозможным решение насущных социальных проблем Туниса на путях «свободной экономики», заставили Бургибу прибегнуть к чрезвычайным мерам.

Заговорщики были преданы суду и осуждены. Но при этом репрессии были распространены и на ТКП, осудившую заговор. Сначала были запрещены издания коммунистов, а 8 января

1963 г. – деятельность их партии. Некоторые видные активисты ТКП были арестованы, но вскоре (в 1964 г.) освобождены. Однако сама партия осталась под запретом²⁸⁸. Тут-то и настал момент, когда многие и в Тунисе, и за его пределами стали интересоваться, подобно Жану Ру, «что же будет с Бургибой и бургибизмом после испытания властью»²⁸⁹. Ответ на это, пусть не сразу, но был дан в лучших традициях бургибизма: возникавшие по ходу событий проблемы решались сугубо прагматично, но не в ущерб основной стратегической цели конкретного этапа развития. Бургиба знал, что ТКП абсолютно не причастна к заговору «юсуфистов» и военных, но ему было важно показать, что, преследуя правых, он вовсе не стал левым!

Глава 10

ДУСТУРОВСКИЙ СОЦИАЛИЗМ, ИЛИ «ЭКСПЕРИМЕНТ АХМЕДА БЕН САЛАХА»

Преследуя коммунистов, Бургиба скорее делал благожелательный жест в сторону Запада (чтобы не забыли – «я ваш!»). Основными же и более опасными для него противниками были «юсуфисты», клерикалы (особенно – богословы университета Аз-Зитуна) и стародустуровцы. Они жили прежними лозунгами и представлениями, но еще сохраняли кое-какое влияние, особенно среди отсталой части народа, и могли составить конкуренцию Бургибе. По их представлениям, ничего в стране менять было не надо. Но Бургиба и многие в его окружении видели необходимость назревших перемен, хотя и отрицали классовое расслоение тунисского общества, выступали за его реформирование, за государственное регулирование экономики и внедрение в нее планового начала, т.е. за подчинение частнохозяйственной деятельности интересам государства. Считая частную собственность «злом», они были против ее отмены, допуская лишь ее ограничения²⁹⁰.

Еще одним стимулом для реформ в только что ставшем независимым Тунисе была роль рабочих и служащих, организованных в профсоюзы и существенно влиявших на политическую ситуацию в стране. Речь идет прежде всего о ВТСТ и его давних связях с партией Бургибы. Всеобщий тунисский союз труда являлся самым мощным профсоюзным центром Туниса, практически все время поддерживавшим Новый Дустур и фактически представлявшим собой главную социальную опору партии. Именно с помощью и при активном участии кадров ВТСТ Новый Дустур мог проводить всенародные забастовки, демонстрации и массовые кампании протеста, а также сравнительно легко склонять на свою сторону общественное мнение. В 1955 г., опираясь во многом на ВТСТ, Бургиба смог разгромить «юсуфистов». Поэтому ясно, насколько важен был для новодустуровцев тесный контакт с ВТСТ. Однако уже в конце 1956 г. выявились

острые разногласия между первым национальным правительством Туниса и профсоюзами, которые считали, что после краха режима протектората вполне логично было бы уничтожить привнесенную им в Тунис систему капиталистической эксплуатации. Бургиба стремился всячески гасить этот конфликт, ссоривший его и с национальной буржуазией, чья поддержка ему была нужна, и с иностранным капиталом, чье сочувствие и просто финансовая помощь были для него еще важнее.

Между тем руководство ВТСТ и не думало мешать стачечному движению. К тому же оно не было единым. Генеральным секретарем ВТСТ с 1954 г. был Ахмед Бен Салах, до этого в 1951–1954 гг. работавший в Брюсселе в аппарате Международной конфедерации свободных профсоюзов. Поддержанный на выборах генсека ВТСТ влиятельной федерацией госслужащих Туниса и представителем Американской федерации труда в Европе Ирвином Брауном, он в дальнейшем продолжал наращивать свое влияние, став в 1957 г. госсекретарем (министром) здравоохранения и социальной защиты, а также председателем комиссии парламента по подготовке конституции. Конечно, это усиливало позиции Бен Салаха и вызывало ревность и зависть его соперников – Хабиба Ашура и Ахмеда Тлили. Неведомые аппарату МКСП, они, тем не менее, были хорошо известны в Тунисе, особенно среди докеров, шахтеров и путейцев. Сверх того, оба они подвергались репрессиям властей протектората за участие в организации вооруженной антиколониальной борьбы: Ахмед Тлили был арестован в начале 1952 г. за создание партизанских отрядов и целой сети сбора оружия (впоследствии использованной алжирскими партизанами, действовавшими с территории Туниса). За организацию партизан в регионе Загуана был арестован Хабиб Ашур, неоднократно имевший стычки с полицией протектората и независимого Туниса. Оба они – и Ашур, и Тлили – выступали против Бен Салаха как «чужака», «авантюриста» и чуть ли не марксиста.

В этом соперничестве кланов профсоюзной бюрократии Бургиба долго делал вид, что он «объективен», что у него «нет никаких проблем ни с Хабибом Ашуром, ни с Ахмедом Бен Салахом». На самом деле Бургиба, судя по всему, напуганный «коммунистическими» высказываниями Бен Салаха, в конечном итоге фактически поддержал Х. Ашура и А. Тлили, которые, дабы вырвать руководство профсоюзами из рук Бен Салаха, пошли даже на открытый раскол ВТСТ, создав Тунисский союз труда (ТСТ),

причем члены правительства, внимательно отслеживая предпочтения «Верховного борца», появлялись на митингах и ВТСТ, и ТСТ. В сентябре 1957 г. произошло объединение обоих профцентров под эгидой А. Тлили и его зама Х. Ашура. Но тогда это еще не означало полной опалы А. Бен Салаха, который, покинув ВТСТ в начале 1961 г., возглавил госсекретариат планирования и финансов, а в конце года был кооптирован в состав политбюро (безусловно, с согласия, а может быть, и по инициативе Бургибы). И это было не случайным шагом Бургибы «влево», а его стремлением не оттолкнуть от себя многочисленных сторонников Бен Салаха среди левонастроенной молодежи и интеллигенции Туниса, а главное – среди широких слоев рабочих и служащих, составлявших основную массу членов ВТСТ. Как всегда, Бургиба заботился о своей репутации «слева» и «справа», стараясь не дать обвинить себя в какой-либо «крайности» и даже в «уклоне».

В октябре 1964 г. на VII съезде Нового Дустура партия Бургибы была переименована в Социалистическую дустуровскую партию (СДП) и был подтвержден ее курс на реализацию социалистических идеалов. Главным сторонником и практиком этой политики стал Ахмед Бен Салах, бывший школьный учитель из Суса и профсоюзный активист, после стажировки в аппарате МКСП в Брюсселе добавивший к своим постам министра экономики и планирования должности члена политбюро и заместителя генсека СДП, министра финансов, промышленности, сельского хозяйства и образования. По определению социолога из США Эшфорда, Бен Салах стал «сверхминистром»! И до 1969 г. Бургиба его поддерживал. А ведь Бен Салах еще 17 февраля 1956 г., будучи лидером профсоюзов, заявил: «Завтра мы добьемся национализации всех предприятий, каково бы ни было их значение»²⁹¹. Тогда (да и всегда) это противоречило политике Бургибы. Но настали иные времена, и Бургиба призвал Бен Салаха. Это вовсе не означало, что Бургиба «полевел». Просто за 1961–1962 гг. он испытал модель «либеральной экономики», а теперь перешел к иной модели – государственному планированию, руководству и ориентации хозяйственного развития. Бен Салах, получив широкие полномочия, стал строить «дустуровский социализм» достаточно бурными темпами, проявив себя жестким государственным деятелем. Социальноэкономический облик страны стал меняться благодаря модернизации, планированию и кооперации, особенно – в сельском хозяйстве, а также контролю государства над производством.

«Сверхминистр» строил, с одной стороны, экономику, свободную от «колониальной подчиненности», а с другой — «более устойчивое общество, способное вобрать в себя все материальные и человеческие ресурсы страны», причем «без всякой классовой заинтересованности или “подрывной” революционности», как считалось официально. В результате были созданы национальные общества и компании, бюро и ведомства, ведавшие ключевыми секторами (морскими портами, электричеством, газоснабжением, строительством, водоснабжением, производством сахара, целлюлозы и текстиля, ремеслами, ловлей рыбы и т.д.). Естественно, возникли проблемы финансирования. Все чаще перед Бен Салахом вставали дилеммы: возможно ли одновременно увеличить занятость и поднять производительность труда, уровень жизни и общественные расходы (на администрацию, инфраструктуру, расширявшуюся сеть школ)? Помощь из госбюджета и зарубежных займов была ограниченной. Но на первых порах ее хватало. Кроме того, сказывались наработанный авторитет Бургибы и бургибистов, неплохие результаты их действий в первые годы, быстро сколоченный ими и в основном эффективно действовавший административный аппарат, позволивший продолжить то, что потом в Тунисе назовут «экспериментом Бен Салаха»²⁹².

Это выражалось в попытке создать единый комплекс монополистического характера, который бы занимался всем — производством зерна, рыбной ловлей, вином, маслом, фруктами и овощами, молоком, мясом, фосфатами, текстилем, металлургией, ремеслами, туризмом, вплоть до вопросов потребления и, конечно, импорта-экспорта. «Однако “дустуровский социализм” оставался самобытным, осуждавшим классовую борьбу, ограничившим действия профсоюзов и препятствовавшим любым требованиям трудящихся», — как считали французские социологи Андре Рэймон и Жан Понсе. В то же время он «не мешал частным инвестициям тунисцев или иностранцев в оставшиеся рентабельные секторы экономики: строительство, недвижимость, туризм и особенно гостиничный бизнес»²⁹³.

Несмотря на растущее недовольство в клерикальных и традиционалистских (обычно религиозных) кругах, «эксперимент Бен Салаха» продолжался, причем Бургиба его одобрял, а сам Бен Салах и его сторонники все более активизировали свои усилия по укреплению госсектора в экономике и дальнейшему внедрению в него планового начала. Даже внутри руководства

правлящей партии вслед за Ахмедом Мстири, выступавшим в защиту «свободного рынка», стали раздаваться голоса в защиту парламентаризма и против «личной власти» Бургибы. Но «Верховный борец», уже наученный опытом борьбы с «юсуфизмом», встречал такие выступления довольно жестко. В частности, за речи подобного рода был выведен из политбюро и вообще исключен из СДП Мухаммед Масмуди, занимавший в партии и в кабинете министров видное положение²⁹⁴.

В дальнейшем Бен Салах вынужден был дорого заплатить за свою роль «сверхминистра» 60-х годов и за «уклон влево», периодически пугавшие Бургибу. Его «эксперимент» был жестко раскритикован и до сих пор не получил объективной оценки. Мало кто вспоминает, что именно Бен Салах заложил основы современной национальной экономики, построил крупные предприятия, абсолютно новые для страны секторы машиностроения, электроники, нефтехимии. 70–80% инвестиций осуществляли при этом государственные и смешанные предприятия (с участием национального и иностранного частного капитала). В сельском хозяйстве была начата кооперация с внедрением механизированного производства, кредитных и снабженческо-сбытовых кооперативов. Была полностью кооперирована розничная торговля. Эти реформы сопровождались идеологическим и кадровым обновлением правящей партии. Число ее членов выросло до 381 тыс., т.е. до более 8% всего населения²⁹⁵.

В 1962–1969 гг. велась борьба с безработицей путем создания специальных «трудовых отрядов», разворачивалось жилищное строительство в пользу малообеспеченных семей, была повышена на 26% оплата труда сельских рабочих (ставшая равной для мужчин и женщин), улучшилось медицинское обслуживание населения. Рабочий класс Туниса поддерживал курс Ахмеда Бен Салаха, что выразилось в резком спаде забастовочного движения – с 256 стачек в 1956 г. до всего 7 в 1963 г. Иными словами, рабочий класс, организованный в профсоюзы, безусловно, оценил направленность реформ Бен Салаха, несмотря на то, что при позитивных мерах положение в стране радикально не менялось: безработица, рост цен, низкий уровень жизни сохранялись. Их нельзя было преодолеть в короткий срок²⁹⁶.

К тому же «эксперимент Бен Салаха» проходил в условиях преследования и левых (ТКП), и правых сил (в частности, выступавшего за «свободную экономику» члена политбюро СДП и министра обороны Ахмеда Мстири). Бургиба, либерал

в теории, нередко, особенно после 1956 г., в практической политике был достаточно авторитарен. И хотя Бен Салах, по мнению ТКП, сумел выйти «за рамки мелкобуржуазного реформизма», его реформы проводились путем спускаемых сверху не обсуждаемых директив, которые к тому же не всегда обеспечивались политически, даже материально и технически. Это не должно удивлять, если учесть саботаж реформ со стороны буржуазии, особенно аграрной, связанной с ней бюрократии и зажиточной части крестьянства. Недовольство реформами и методами их проведения доходило до серьезных столкновений (в Мсакене в декабре 1964 г., в Уарденине в январе 1969 г.). Однако Ахмед Бен Салах решил завершить кооперацию (и обобществление) земель в течение 7 месяцев. Ускоренное создание кооперативов еще более обострило ситуацию и кое-где даже сорвало посевную кампанию. В СДП и правящих кругах стал складываться блок противников Бен Салаха²⁹⁷. В него вошли Хеди Нуира – член политбюро СДП и председатель Центрального банка Туниса²⁹⁸, Ахмед Мстири – лидер правых, либералов, бывший член политбюро и министр обороны²⁹⁹, соперники Бен Салаха в руководстве профсоюзов Ахмед Тлили и Хабиб Ашур³⁰⁰.

Эта группа использовала все нараставшее беспокойство Бургибы по поводу высказывавшихся Бен Салахом идей (о коллективном вступлении профсоюзов в Новый Дустур, чего опасались и партийные, и профсоюзные бюрократы, о национализации, которая ставила под вопрос приток инвестиций извне и т.п.). Возможно, еще большее неприятие Бургибы стала вызывать быстро растущая личная популярность Бен Салаха, получившего на выборах нового руководства ВТСТ 1278 из 1599 голосов. Еще меньше это обстоятельство «радовало» соперников Бен Салаха, безнадежно от него отставших (в частности, Х. Ашура, получившего всего 537 голосов). Воспользовавшись отъездом Бен Салаха в Марокко и Италию в декабре 1956 г., его противники сместили его с поста генсека, а находившийся в это время в США Бургиба на пресс-конференции в Нью-Йорке назвал Бен Салаха «коммунистом». Более того, в телеграмме Хабибу Ашуру Бургиба призвал к «конструктивной деятельности», отбросив «преступную теорию классовой борьбы». Явно подстроенное отстранение Бен Салаха вызвало 28 декабря 1956 г. протест профсоюзов в столице. Но Бен Салах, не желавший быть в оппозиции к Бургибе, сам подал в отставку и был заменен Ахмедом Тлили. Восстановив контроль над ВТСТ, Бургиба решил сохранить Бен Салаха

на других постах, последовательно назначив его госсекретарем по делам здравоохранения, социальной защиты, планирования и финансов, осенью 1961 г. кооптировав его в политбюро партии, где он оказался вместе со своим конкурентом А. Тлили³⁰¹.

Этот на первый взгляд неожиданный поворот был вполне в духе «бургибизма», т.е. крайнего выражения прагматизма и тактической гибкости. Бургиба, вопреки мнению некоторых аналитиков, вовсе не «шатался» то «вправо», то «влево». Но он сознательно использовал существовавшие в тунисском обществе тенденции и старался предотвратить доминирование той или иной из них, предпочитая подчинить их и использовать в своих целях. Он понимал, что победой своей партии и завоеванием независимости он во многом обязан поддержавшим его профсоюзам и вообще организованной силе рабочего класса. Но он же раньше других почувствовал, что, завоевав независимость, трудящиеся потребуют улучшения своего социального и экономического положения. Поэтому он поспешил подчинить себе ВТСТ, что выразилось не только в идейно-политическом контроле над профсоюзным центром страны, но и над различными фракциями руководства этого центра. Отстранив Бен Салаха от руководства ВТСТ, он вовсе не хотел полностью уничтожить его влияние в среде рабочих. Наоборот, хотел его сохранить, но противопоставить ему влияние Х. Ашура и А. Тлили, причем сделать так, чтобы из этих трех ни один не стал бы единоличным «рабочим вождем», который мог бы при определенных обстоятельствах превзойти авторитет самого Бургибы и вырвать из-под его воздействия рабочую массу. Дальнейший ход событий подтвердил в основном удивительную политическую дальновидность Бургибы и безошибочность его политической стратегии.

К этому надо добавить, что в 60-е годы Бургиба часто болел (очевидно сказались годы тюрьмы и лишений, да и возраст – ему было в 1969 г. 65 лет). И уже тогда в Тунисе и за рубежом стали думать, кто же его сменит. В числе кандидатов на его место назывался и Бен Салах, тогда – «сверхминистр» с шестью портфелями, практически распоряжавшийся всей экономической и социальной жизнью страны. О степени доверия к нему говорит тот факт, что во время болезни Бургибы его обязанности президента республики де-факто выполняли Бен Салах и Бахи Ладхам (1913–1998 гг., ветеран партии с 1934 г., в 1939–1943 гг. – в концлагере, в 1952–1955 гг. – в эмиграции, с 1955 г. – генсек партии, с 1956 г. – вице-премьер,

с 1957 г. – глава администрации президента и госсекретарь обороны, в 1969–1970 гг. – премьер-министр).

Бургиба умел ценить нужных ему людей. Он, конечно, понимал, что Бен Салах никакой не коммунист, а просто новодуствующий левых взглядов (которых немало было среди учившихся во Франции магрибинцев). И он может пригодиться, если его иметь союзником и вдобавок контролировать. Поскольку этот хорошо образованный и широко известный, в том числе за рубежом, политик и профсоюзный деятель не стал с ним конфликтовать и подчинился его воле, Бургиба решил и дальше использовать его популярность, знания и способности в своих целях. И этот расчет оказался верным. В течение последующих 9–10 лет Бен Салах как министр социальной защиты добился принятия закона о социальном обеспечении и некоторых других (о 8-часовом рабочем дне и оплачиваемом отпуске для некоторых категорий трудящихся, «забытых» тунисским законодательством). Число трудовых конфликтов в стране сократилось с 63 в 1957 г. до 11 в 1960 г., число забастовщиков – с 5,4 до 1,08 тыс., потерянных рабочих дней – с 25160 до 1015. Причем нередко социальное законодательство обновлялось в ходе споров А. Тлили и А. Бен Салаха. Многие думали, что эти споры – результат личной неприязни спорящих. Но в большинстве случаев это было не так. Например, Бен Салах вынужден был «пробивать» непопулярный закон о детских пособиях, который проталкивал Бургиба по чисто финансовым соображениям, ограничивая выплату пособий только на первых четырех детей.

С момента подчинения ВТСТ прямому контролю Бургибы в 1956 г. в решениях профсоюзов появились элементы либеральной демагогии. Например, в 1960 г. в резолюции VIII съезда ВТСТ говорилось следующее: «Нашей конечной целью является человек, и мы рассматриваем диктатуру, даже носящую название “диктатуры пролетариата”, как средство порабощения личности, несовместимое со стремлением человечества к благосостоянию, миру и справедливости»³⁰². Любопытно, что в этой же резолюции говорилось о росте стоимости жизни вследствие замораживания зарплаты. Через год генсек ВТСТ Тлили признал еще большее ухудшение положения трудящихся, но призвал их «помочь правительству в борьбе против некоторых недостатков ... пойдя на необходимые жертвы и строго соблюдая экономию». Одновременно он заметил, что традиционные демонстрации 1-го Мая «ныне стали абсолютно бесполезными». К этому можно было бы

добавить, что они могли стать и опасными поводами для выражения требований рабочих³⁰³.

В этой обстановке Бургибе был нужен Бен Салах, идеологически как бы компенсировавший все нараставшее влияние правых взглядов и их носителей среди правящей элиты и противопоставлявший им последовательную защиту «дустуровского социализма», остававшегося к тому же официальной доктриной партии. В соответствии с разработанными планами число производственных кооперативов в сельском хозяйстве увеличилось в 1962–1967 гг. с 15 до 479, а число кооперативов обслуживания в 1960–1967 гг. с 68 до 324. Общее число кооперативов за эти годы выросло почти в 32 раза, а число членов производственных кооперативов – в 83 раза. В 1967 г. Ахмед Бен Салах заявил, что кооперативами всех видов охвачено 20% тунисцев, при этом только в производственных кооперативах состояло 10% сельского населения страны³⁰⁴.

Экономический оптимизм в оценках положения Туниса, особенно в его сельском хозяйстве, зашкаливал вплоть до уверенности «в скорейшей и полной ликвидации безработицы по всей стране»³⁰⁵. В 1966 г. известный магрибист А. Тиано предсказал значительное сокращение сельской безработицы в Тунисе³⁰⁶. Однако этого не произошло, и теперь уже недовольство трудящихся все ухудшавшимся их положением попытались использовать возглавлявшие тогда ВТСТ Ахмед Тлили и Хабиб Ашур. Однако они забыли, что «дустуровский социализм», согласно концепции Бургибы, «осуждал борьбу классов, ограничивал возможности профсоюзов и выступал против всех их претензий»³⁰⁷. Поэтому Тлили и Ашур были сняты со своих постов и победа на этот раз осталась за Бен Салахом, который смог при поддержке Бургибы продолжать свой курс.

Однако политика реформ и модернизации, связанная с техническими новшествами и большими расходами государственного бюджета, постепенно создавала все новые проблемы социального и политического характера. Госбюджет и его экстраординарные инвестиции непрерывно росли. В 1967 г. встал вопрос об их упорядочении и сокращении. В 1965–1968 гг. расходы государства увеличились со 133 до более 176 млн динаров. На общую сумму инвестиций этого периода (более 500 млн динаров) 61% пришелся на иностранные вложения (дары, помощь, частные и общественные кредиты). При этом выплаты по долгам и процентам иностранным государствам «опасно возросли».

Они представляли в 1967–1968 гг. «более трети внешних заимствований, без которых финансирование тунисской экономики не могло быть гарантировано»³⁰⁸.

В феврале–марте 1969 г. Ахмед Бен Салах призвал вступить в кооперативы наиболее состоятельных сельских хозяев, но они все, особенно крупные и средние собственники, дружно бойкотировали этот призыв. Буржуазия добилась своего, а многие неимущие крестьяне даже участвовали в манифестациях против создания кооперативов, часть которых стали распускать уже в начале 1969 г., а еще больше было формально созданных в 1969 г., но так и не начавших функционировать, ибо у государства уже не было ни кадров, ни средств, ни техники, чтобы наладить производство на последних переданных кооперативам 4,5 млн га. Бен Салах был объявлен единственным виновником всего случившегося, предан суду и заключен в тюрьму. Помимо прочих своих талантов, Бургиба в совершенстве владел искусством валить с больной головы на здоровую и с успехом этим пользовался. Вся операция по репрессированию «сверхминистра», оставшегося верным своей идее, была представлена как «оздоровление» и «исправление» того, кто «исказил» и якобы «предал» свои принципы³⁰⁹.

Бургиба, долгое время одобрявший курс Бен Салаха, колебался и не прислушивался к бесконечным доносам противников «социалистического эксперимента». Уж очень велик был соблазн решить экономические и социальные проблемы страны путем своего рода «кавалерийского наскока», волевого усилия, рожденного неоспоримым авторитетом «Верховного борца», прочным влиянием возглавляемой им правящей партии и мощью организованных в профсоюзы трудящихся масс. Но Бургиба явно недооценил силы отчаянного сопротивления буржуазии, земельной аристократии, феодальных и полуфеодальных элементов, религиозных и вообще традиционно мыслящих групп и организаций, весьма значительного среди средних и низших слоев города. В свою очередь, Бен Салах, тоже не будучи святым, представил Бургибе список 40 «врагов социализма» в руководстве страны, некоторые из которых были арестованы. Но когда Бен Салах 3 августа 1969 г. вручил Бургибе проект закона об эксплуатации сельхозземель только производственными кооперативами, президент заявил, что кооперативная система терпима «лишь до известной степени». С этого момента начался закат

«дустуровского социализма», да и персональной карьеры Бен Салаха: 7 сентября 1969 г. он лишился всех своих постов, кроме министра образования, а 7 ноября лишился и этого поста, и членства в политбюро СДП, а 8 ноября – членства в СДП. 22 сентября был издан декрет о приостановке сельской кооперации. Бургиба поспешил отмежеваться от потерпевшего неудачу фаворита, заявив: «Я ошибся, доверяя Бен Салаху. Я неисправимый гуманист». После этого «гуманист» уехал 17 ноября 1969 г. лечиться во Францию. Его не было в стране полгода. За это время была создана спецкомиссия по расследованию деятельности Бен Салаха, его самого посадили под домашний арест, были распущены почти все кооперативы и принят 12 мая 1970 г. закон о продаже частникам земель из госфонда.

19 мая 1970 г. Бен Салах предстал перед Высшим трибуналом Туниса, где ему предъявили обвинения в государственной измене, злоупотреблении властью, введении в заблуждение президента республики, создании «насильственным путем» кооперативов и ликвидации частного сектора. Все обвинения он отвергал, говорил, что продолжает верить в кооперативное движение. Более того, он, ссылаясь на статистику, указывал, что все годы его руководства экономика Туниса росла, а ему никто не говорил, что он делает что-либо неправильно. 24 мая 1970 г. он был осужден на 10 лет каторжных работ. Премьер-министр Бахи Ладхам заявил в связи с этим, что пора перевернуть в истории Туниса «страницу импровизированного коммунизма» и открыть новую главу «гуманного социализма». Бургиба, вернувшись в страну, реорганизовал правительство, сменив его главу Бахи Ладхама, которого посол Туниса во Франции все время изображал в глазах Бургибы как якобы пособника Бен Салаха. Тогда же были реабилитированы противники Бен Салаха – Хабиб Ашур, вернувшийся к руководству ВТСТ, и Ахмед Мстири, восстановленный в СДП и ее ЦК.

Признав свои ошибки и попросив «прощения у народа», Бургиба, тем не менее, не только не помиловал Бен Салаха (как ожидали многие, помнившие, как Бургиба поддерживал идеи Бен Салаха), но взвалил на него всю ответственность за случившееся, заявив: «Меня обманул человек, прибегнувший ко лжи с дьявольской ловкостью» (каковую обычно приписывали самому Бургибе). Конечно, при этом никто в тунисской элите, судя по всему, не считал Бен Салаха «опасным преступником», так как каторгу он отбывал в не самых худших условиях столичной тюрьмы, откуда его отпускали для ночевки домой.

Неудивительно, что Мухаммед, брат Бен Салаха, бывший подпольщик Нового Дустура, 4 февраля 1973 г. прислал за Ахмедом свою машину, в которой тот, закрывшись женским покрывалом, добрался до границы с Алжиром. Президент Алжира Бумедьен, явно в отместку за бегство из Алжира в Тунис в 1967 г. мятежного полковника Тахара Збири, предоставил Бен Салаху дом и денежное содержание. К всеобщему удивлению, Бургиба, первоначально разгневавшись (или изобразив гнев), не только не потребовал выдачи Бен Салаха, но даже позволил его семье с ним воссоединиться. Бен Салах явно не был этим растроган, назвав режим Бургибы «диктаторским» и «фашистским» и написав в письме Бургибе: «Вы были тем человеком, который посеял беспорядок в стране и исказил ее путь к прогрессу». После этого он создал в 1976 г. оппозиционную партию Движение народного единства (ДНЕ) и стал постоянно сотрудничать с социал-демократами Западной Европы, регулярно встречаясь с Вилли Брандтом (ФРГ), Бруно Крайским (Австрия), Улофом Пальме (Швеция). ДНЕ стала ежемесячно организовывать в Париже в 1976–1981 гг. дискуссии с участием тунисских коммунистов, представителей ультралевых и независимых интеллектуалов Франции, Бельгии, Швейцарии, ФРГ и Туниса. ДНЕ с 1974 г. издавала газету «Юнитэ популер», распространявшуюся в указанных странах. На родину Ахмед Бен Салах вернулся лишь в 1988 г., т.е. после отстранения Бургибы, но вскоре опять уехал. Его жизнь и жизнь его партии отныне была больше связана с тунисской эмиграцией во Франции и с деятельностью Социнтерна. В Тунисе им была издана в 2008 г. книга «За восстановление правды», представлявшая вариант его докторской диссертации, защищенной в Сорбонне в 1976 г. и доказывавшей обоснованность проводившейся им политики³¹⁰.

Глава 11

РЕВАНШ ЛИБЕРАЛОВ И ИХ ПОРАЖЕНИЕ

Тунис – небольшая страна, первые 30 лет независимого существования которой были связаны с личностью, заслугами, ошибками и достижениями Хабиба Бургибы и его окружения. О степени влияния этого окружения на своего вождя и, следовательно, о реальном его вкладе в управление Тунисом мы знаем не так уж много. В отечественной литературе информацию об этом можно найти в основном в работах Н. А. Иванова и М. Ф. Видясовой, но информация эта не очень богата, ибо культ личности Бургибы, сознательно поощрявшийся им самим и его сторонниками, нередко заслонял сотрудников президента, их заслуги и способности, оставляя в тени или замалчивая многое из их достижений. К тому же те или иные члены правящей элиты Туниса, исключенные из ее рядов по разным причинам, подвергались неумолимому забвению.

Ахмед Бен Салах был не единственным, с кем Бургиба вынужден был порвать, дабы успешно продвигаться по своему весьма извилистому и непростому политическому пути. Выше речь уже шла о таких важных для определенных этапов политической карьеры Бургибы людях, как соучредитель и первый председатель Нового Дустура Махмуд Матри и генсек той же партии Салах Бен Юсуф, как сам автор «социалистического эксперимента» Ахмед Бен Салах и проявившие малодушие после ареста в 1938 г. Бахри Гига и Тахар Сфар. Но были и другие «оппоненты с именем», противостоявшие Бургибе. К их числу относился чаще других упоминавшийся в советской прессе д-р Слиман Бен Слиман (1905–1986), представитель «второй волны» лидеров Нового Дустура. Сын торговца из города Загуан, выпускник колледжа Садыкийя и медицинского факультета в Париже, Бен Слиман в 1934–1936 гг. был членом ячейки новодустуровцев в Париже, а по возвращении в Тунис был избран в политбюро партии и участвовал в агитпоездках Бургибы по стране. Отбыв тюремное заключение в 1938–1943 гг. (вместе с Бургибой),

открыл в г. Тунисе офтальмологический кабинет. После выхода представителей Нового Дустура из Тунисского комитета защиты мира возглавил его, за что был исключен из партии в марте 1950 г. С 1960 г. входил также в редколлегия газеты «Трибюн де прогрэ», выражавшей взгляды левой оппозиции. Сам Бен Слиман все более сближался с позицией ТКП. Но в 1962 г. и газета, и сама ТКП были запрещены. С тех пор Бен Слиман работал только в сфере медицины, но сохранял высокий авторитет в кругах левонастроенной молодежи, особенно студентов.

Таков был состав оппонентов Бургибы в руководстве его партии (к ним надо добавить еще видного националиста-аристократа Шадли Хайраллаха, а также Б. Ладхама, Х. Нуиру, Т. Мхири, Р. Дриса), и вся история отношений с ними, обычно начинавшаяся с личной дружбы и даже иногда восхищения Бургибы талантами своих друзей и ближайших коллег, свидетельствовала о том, что для Бургибы в этих отношениях решающим был политический момент. И хотя обычно он стремился сохранить того или иного сотрудника, ценного для партии, он решительно порывал с ним, если не удавалось договориться с оппонентом на его, Бургибы, условиях. Так что не только Бургибе приходилось проявлять в политической борьбе гибкость, ловкость и маневренность, что общеизвестно, но и его близкому окружению постоянно надо было быть во взаимоотношениях со своим шефом не менее «бургибистами», чем сам Бургиба. Судя по всему, это удавалось очень немногим, таким как Хеди Нуира, всегда умевшим найти верный тон в общении с «Верховным борцом» и быть ему полезным в самых разных обстоятельствах. Только этим можно объяснить длительность (10 лет!) пребывания Нуиры на посту «человека № 2» в Тунисе в 1970–1980 гг. Бургиба, становясь с годами все более подозрительным, в дальнейшем не допускал такой ситуации, при которой над ним постоянно нависала угроза его замены всезнающим помощником и фактическим дублером, занимавшим посты премьера (т.е. главы правительства) и генсека (т.е. главы партаппарата). Но принятые Бургибой меры (частые смены человека № 2 и укрепление своей личной власти) оказались, как мы увидим в дальнейшем, недостаточными.

На выборах 2 ноября 1969 г. все депутаты Национального собрания были избраны от СДП. Бургиба, вновь ставший президентом, продолжил свою политику «по всем азимутам», реально означавшую ориентацию на Запад с одновременным использованием членства Туниса в ООН, Лиге арабских стран, организации

«Исламская конференция» и даже в неформально возглавляемом главой Югославии маршалом Броз-Тито Движении неприсоединения (что не мешало Бургибе критиковать это движение). Поддерживая борьбу палестинцев за свои права, Бургиба выступал за прямые переговоры с Израилем, что осуждали все остальные арабские лидеры. Но после июньской войны 1967 г. Тунис заявил о своей солидарности с арабскими государствами, пострадавшими от этой войны. Принимая помощь от СССР, Тунис в то же время в еще более значительных масштабах сотрудничал со странами Запада, прежде всего с Францией, Италией, ФРГ (очень многие торговцы в медине Туниса в 60–70-е годы указывали в визитных карточках адреса своих магазинов в Германии и Франции), но особенно с США, предоставивших Тунису 50% всех полученных им иностранных кредитов³¹¹.

Ставший в 1970 г. премьером Хеди Нуира повернул экономическое развитие Туниса в сторону реприватизации и полной ликвидации «эксперимента Ахмеда Бен Салаха». Попытка Туниса покончить с зависимостью от западного капитала не удалась. Буржуазия и вообще частнособственнические элементы торжествовали. Это сопровождалось, естественно, снижением жизненного уровня трудовых слоев населения. Они беднели, теряли работу, уходили из разоренных деревень в города, пополняя ряды не столько рабочих и служащих (численность которых, наоборот, сокращалась), сколько люмпенов и пауперов. Вместе с тем усиливался госсектор: по закону 1964 г. все земли, принадлежавшие иностранцам, возвращались государству, что было «финальным актом безусловной деколонизации»³¹².

Эту линию политики воплощал курс Ахмеда Бен Салаха. Однако им были недовольны буржуазия и клерикалы, землевладельцы-аристократы, прозападные круги интеллигенции. В то же время отставка Бен Салаха и отказ от его курса породили недовольство в других секторах общества – среди рабочих и служащих, а также в левонастроенных фракциях СДП и профсоюзах, сыгравших, судя по всему, определенную роль в росте забастовочного движения. Бургиба не нашел иного ответа на протесты столь разнomaстной оппозиции, кроме укрепления своей личной власти. Пользуясь (особенно в 60–70-е годы) незыблемостью своего авторитета, он добился в сентябре 1971 г. на IX съезде СДП своего избрания пожизненным председателем партии (с одновременной рекомендацией его на пост пожизненного президента республики). Съезд также исключил

из СДП Ахмеда Мстири, возглавившего «либеральную оппозицию», требовавшую демократизации жизни общества и реальной (а не формальной) выборности руководства СДП. В 1977 г. Бургиба был избран пожизненным президентом республики, а Мстири стал послом в СССР³¹³.

Таким образом, менее чем за 20 лет независимого существования Тунис пережил этап формальной демократии, примерно десятилетие «дустуровского социализма» и последующее время централизованного режима личной власти. Посол Франции в Тунисе Ж. Горс считал режим Бургибы «тоталитарным» уже в 1957 г., приписывая его творцу «мошенничество, болезненное тщеславие, беспокойность» и даже «фашистские тенденции», что нам кажется несправедливым заимствованием из лексикона ненавидевших Бургибу европейских колониалистов типа де Отклока, а также реакционных клерикалов и «юсуфистов». Но Горс ценил в Бургибе его привязанность к Западу, благодаря которой «Магриб остается по большей части относительно изолированным от Арабского Востока». Более верной представляется характеристика Бургибы левым журналистом Роже Стефаном, считавшим, что «тунисский режим – гибрид», «добродушная диктатура», при которой «глава государства управляет один, без консультаций с ним никакой министр не осмелится принять решение. Все происходит так, словно президент Бургиба держит все министерские портфели, а министры являются не более чем заведующими отделами единого министерства». Тунис долго жил «без какого-либо определения прав человека и обязанностей гражданина». Цензуры не было, но газеты часто попадали под арест. В партии шли свободные дискуссии, но во время конфликтов с Францией «никто не смеет отстаивать иную политику, нежели ту, которую проводит президент республики»³¹⁴.

Не вызывало поэтому удивления, что Национальное собрание Туниса, связанное партийной дисциплиной (членами СДП были обычно или большинство депутатов, или они все), с самого начала фактически выполняло функции скорее консультативные, нежели законодательные, каковые реально выполнялись политбюро СДП, а еще чаще – самим президентом и узким кругом его советников и доверенных лиц³¹⁵. Все вступавшие в личный контакт с Бургибой после его прихода к власти отзывались о нем неоднозначно и, как правило, довольно противоречиво. В частности, президент де Голль после первой встречи с Бургибой (знаменитого «диалога глухих» в Рамбуйе весной 1961 г.)

писал, что перед ним был «боец, политик и государственный муж, размаху и честолюбию которого тесно в рамках его страны». Поэтому он встает «в оппозицию к Франции, с которой связан своими сентиментальными чувствами и культурой, ... опрокинул бейтский режим, ... хотя верил в ценность постоянного и традиционного». «Родись он немного севернее, – резюмировал де Голль, – Бургиба мог бы стать мэром Марселя»³¹⁶.

Стараясь не ссориться ни с Францией, ни с США, Бургиба одновременно заботился, особенно первое время, о позиции Туниса в Магрибе. Его раздражали алжирские лидеры своей непримиримостью и изоляцией в их среде Фархата Аббаса – единственного «алжирского Бургибы». Но, понимая значение борьбы алжирцев, Бургиба ее поддерживал. А вот с Марокко его отношения не сложились ввиду отказа Марокко признать независимость Мавритании и разрыва им в 1960 г. на 4 года отношений с Тунисом, признавшим Мавританию. Что же касается Алжира, то Бургиба не только приютил у себя весь штаб алжирских повстанцев и 2/3 их Армии национального освобождения, но и принял самое живейшее участие в судьбе вождей алжирской революции, оказавшихся в плену у французов, особенно Ахмеда Бен Беллы³¹⁷.

Для Бургибы была характерна нестандартная для арабских политиков позиция по очень многим вопросам. Например, выступая в 1965 г. в г. Иерихон (Западный берег реки Иордан) перед многочисленными палестинскими беженцами, он не льстил им (чем занимались тогда почти все вожди арабов), не успокаивал их и не кормил несбыточными обещаниями, а прямо ставил перед ними наиболее интересовавший их вопрос в самой жесткой форме, предупреждая, что они «могут ждать чуда лишь от самих себя». Собственно, через 2 года это и произошло, хотя палестинцы все время ждали помощи от прочих арабов. Но жизнь брала свое: в 1974 г. Ясир Арафат от имени Палестинского движения сопротивления (ПДС) признал «разумность» совета Бургибы³¹⁸.

Не стандартна была позиция Туниса времен Бургибы и по некоторым вопросам советско-арабских отношений. Несмотря на периодические выпады тунисской прессы и отдельных политических деятелей Туниса против политики СССР, особенно на Ближнем Востоке и в регионе Средиземноморья, тунисцы, явно не забывая поддержку Советским Союзом их борьбы за независимость, старались не доводить те или иные разногласия до серьезных осложнений, стремясь сохранить отношения

с СССР на уровне взаимоуважения и взаимопонимания. Таков был преобладающий тон нередких встреч советских послов с руководителями Туниса, а также – итогов взаимных визитов лидеров СССР и Туниса, например визита в Тунис по приглашению Х. Бургибы главы правительства СССР А. Н. Косыгина 15–17 мая 1975 г., визита в СССР 4–12 апреля 1977 г. премьер-министра Туниса Хеди Нуиры. Обе страны нередко обменивались делегациями экономических и культурных экспертов, визитами кораблей, причем советские корабли заходили на военно-морскую базу Бизерты, что было разрешено далеко не всем³¹⁹.

В 70-е годы наметились изменения и во внутривнутриполитической жизни Туниса. Сторонники А. Мстири в 1974 г. образовали свою партию Движение демократов-социалистов (ДДС), которое стало как бы правым крылом СДП, так же как ДНЕ – левым. Но к ним вскоре присоединился и совершенно инородный в идеологическом плане фактор – движение исламистов. Некоторые исследователи считают, что Бургиба, переборщив со своей ориентацией на «западную культуру и западные модели развития», спровоцировал ответную реакцию исламистов³²⁰. Но это, очевидно, одна из причин. Другой, более важной причиной стал общий подъем исламизма во второй половине XX в. практически на всех территориях распространения ислама. Конкретно в Тунисе их организация образовалась в 1970 г. вследствие инициативы школьного учителя Рашида аль-Ганнуши и двух студентов – будущего адвоката Абд аль-Фаттаха Муру и выходца из семьи богословов филолога Ахмеда ан-Нейфера³²¹.

Исламизм, или политический ислам, возник в Египте в конце 20-х годов, когда образованная там Хасаном аль-Банной Ассоциация братьев-мусульман выдвинула идею «исламского государства», конституцией которого должен быть Коран. В последующие десятилетия исламизм, распространяясь по миру, усваивал ранее чуждые ему идеи социальной революции, политизации общества и отказа во имя ислама «от родины, семьи, закона и обычая». неизбежно воспринимая структуру, традиции и менталитет народов, его усвоивших, он постепенно превратился в экстремистскую идеологию отрицания и разрушения современного мира. Ибо для них это был мир социальной несправедливости, национального неравенства экономического угнетения и беспощадной эксплуатации Востока, в значительной мере мусульманского, Западом, преимущественно христианским (формально) и часто атеистическим (на практике). Вся первая половина XX в. была заполнена борьбой

стран Востока (прежде всего мусульманского) против западных угнетателей. Но, добившись ценой огромных жертв и усилий юридического признания своей национальной независимости, страны Востока не избавились от уз экономической, технологической, военной и политической зависимости. А для них это имело громадное, подчас решающее значение, так как большая часть населения этих стран постепенно стала составлять обездоленные массы безработных, «лишних людей», превратившихся в люмпенов и пауперов бывших рабочих, уволенных служащих, разоренных крестьян, обедневших интеллигентов. Среди них крайне велика доля «новых бедняков». И все они, столкнувшись с нищетой и бедностью уже в условиях независимости, невольно стали прислушиваться к призывам проповедников исламизма, убеждавших их в том, что только господство ислама во всем мире, только строгое следование Корану и шариату, а не заимствованным у Запада законам принесет мусульманам достойную жизнь. Социумы стран ислама, весь XX в. революционизируемые восстаниями, мятежами, мировыми войнами и нежеланием метрополий Запада идти на уступки, копили внутри себя чудовищный заряд всех видов социальной, национальной и религиозной ненависти, который взорвался в последней четверти минувшего столетия, что явилось, судя по всему, полной неожиданностью для жителей Запада³²².

В Тунисе политический ислам возник несколько позже, чем в соседних арабских странах. Причин тут несколько: географическая близость страны к Италии и Франции, давние историко-культурные связи с этими государствами (а также – с Мальтой, Испанией и Грецией), наличие в Тунисе сплоченных общин французов, итальянцев, корсиканцев, мальтийцев и других европейцев (включая русских), распространенность среди тунисских мусульман лиц с франкоязычным образованием. Возможно, поэтому Бургиба в 1972 г., т.е. в пору своего всевластия, явно недооценив опасность группы аль-Ганнуши, почти не обратил на нее внимания, хотя А. Муру именно тогда выступил против «безбожного», по его мнению, общества, а членство в правящей партии объявил «вероотступничеством». Бургиба ограничился лишь исключением религиозных бунтарей из Ассоциации сохранения Корана, но оставил в их руках журнал «Аль-Маариф» («Знание»)³²³.

Между тем социальная обстановка в стране, как и ее экономическое положение, именно в 70-е годы стали медленно, но неотвратимо меняться. Заслуги «Верховного борца» постепенно забывались (такие, как самый либеральный в арабских странах

кодекс о браке и семье, ликвидация неграмотности, создание новых отраслей национальной индустрии в результате «эксперимента Бен Салаха», хотя они и в 70-е годы во многом определяли жизнь Туниса). Удельный вес населения, находившегося ниже черты бедности, сократился с 27% в 1965 г. до 13% в 1980 г. Все это поддерживалось проводимой Хеди Нуирой политикой «инфитаха», повторявшей во многом экономическую стратегию Египта, да и большинства арабских стран того времени, а именно – открытость внешним рынкам, ставку на частные инвестиции (прежде всего – иностранного капитала) и интенсификацию внешней торговли³²⁴. В сельском хозяйстве был сделан упор на «рентабельные» хозяйства (в отличие от «убыточных» кооперативов). Но для их укрепления только в 1969–1970 гг. пришлось предоставить частным хозяйствам до 15–20 млн динаров в рамках краткосрочных и среднесрочных займов (на покупку тракторов и других сельхозмашин, запчастей к ним). В ноябре 1969 г. премьер Ладхам заявил, что только восстановление государственных предприятий в промышленности потребует не менее 50 млн динаров. Прибыльными оставались лишь туризм и гостиничный бизнес. Удар по экономике страны нанесло также катастрофическое наводнение 1969 г.³²⁵

В 1972–1981 гг. Тунис делал ставку на доходы от добычи нефти и фосфоритов (40% внешних поступлений), туризма (17%) и переводов тунисских грантов из Европы (7%). В результате, по мнению Мишеля Камо, «стала развиваться прибыльная экономика, основанная на регулировании государственных финансов и расширении частного сектора». Однако всё это привело к небывалому экономическому кризису 80-х годов, вызванному падением цен на нефть и фосфориты, сокращением денежных переводов из-за рубежа (вследствие экономических трудностей Запада) и доходов от туризма. Рост ВВП на душу населения, составлявший 6,3% в 1971–1975 гг. и 3,6% в 1976–1981 гг., снизился до 0,5% в 1982–1985 гг. В свою очередь, демографический рост привел к превышению роста потребления в 1972–1981 гг. (8,2% в год) над ростом ВВП (7,1%), как и к превышению роста импорта (на 12,5% в год) над экспортом (на 7,5%)³²⁶.

Экономические сдвиги привели к социальным переменам: к концу 80-х годов на 20% наиболее богатых тунисцев приходилось примерно 50% расходов всех жителей страны, а на 20% самых бедных – всего 5,6%³²⁷. Это способствовало увеличению социальной напряженности в обществе и создавало почву для политических и религиозных смут, возникновения новых

и активизации ранее существовавших политических группировок типа Группы социалистических действий – ГСД (в основном новоэкстремистов из числа обучавшихся во Франции студентов), «регионального руководства партии Баас» (имевшей филиалы почти во всех арабских странах). Бургиба, всегда охотно ополчавшийся против конкурентов слева (из опасений утратить свои позиции среди рабочих, студентов, крестьян и т.п.), принялся преследовать «леваков», а заодно и не имевшую к ним отношения ТКП. В определенной степени он потерял контакт с профсоюзами (порвав с Бен Салахом, а затем и с А. Тили и Х. Ашуром) и студенчеством (преследуя их левых лидеров во время беспорядков в январе 1965 г., декабре 1966 г., июне 1967 г. и марте 1968 г.)³²⁸.

Социополитическая напряженность в стране выражалась в основном в деятельности левых группировок, среди которых наиболее заметна была ГСД, издававшая с 1963 г. во Франции журнал «Перспективы», тайно ввозившийся в Тунис и переставший выходить в 1970 г. За два года до этого ГСД, к этому времени тоже называвшаяся «Перспективы», была раскрыта, а ее члены арестованы. Но ослабленные преследованиями «марксисты нового поколения» не только продолжили критику властей, но и активизировали свою полемику с усиливавшимися в стране исламистами, численность и влияние которых вроде бы незаметно, но неуклонно росли³²⁹.

В самой правящей партии все громче заявляли о себе «либералы» во главе с Ахмедом Мстири. На некоторое время они даже стали доминировать в СДП, перетянув на свою сторону многие низовые организации. «Либералы» всегда требовали соблюдения принципа выборности на всех уровнях. А Бургиба считал, что после избрания членов ЦК СДП состав ее политбюро должен определять он лично. Споры об этом возобновились в октябре 1971 г. в ходе подготовки VIII съезда СДП, а потом и на самом съезде, который, кстати говоря, был создан после семилетнего (!) перерыва и в городе Монастир, т.е. на родине Бургибы, что само по себе должно было настроить делегатов съезда на продолжение ставшего привычным восхваления Бургибы и культа его личности. Вторым поводом для разногласий стал вопрос о замещении главы государства в случае вакантности его должности. Бургиба настаивал на том, чтобы этот вопрос решал премьер-министр, т.е. Хеди Нуира, которого он видел своим преемником уже в середине 30-х годов. Но «либералы» предлагали учредить выборную должность

вице-президента, который и сможет легитимно заменить президента в любой момент. Вдобавок они считали, что вице-президент будет председателем Национального собрания. Бургиба отверг оба предложения «либералов», уехал лечиться в очередной раз во Францию, распустив предварительно политбюро, заменив его Высшей парткомиссией, а вернувшись через полгода, объявил, что те, кто увлекся вопросом о смене власти, «поторопились». Ему было уже 68 лет, он все время болел (14 марта 1967 г. перенес инфаркт, от которого с трудом и медленно оправлялся) и вопрос о власти для него был, судя по всему, чрезвычайно болезненным³³⁰.

Тем не менее Бургиба старался сохранять в своих руках рычаги влияния, и ему это удавалось. На VIII съезде СДП в октябре 1971 г. он был единодушно переизбран председателем партии, а еще через 3 года занял этот пост пожизненно. Делегатам съезда он обещал, что его «заменит сначала Хеди Нуира, следом Ахмед Мстири, Мухаммед Масмуди и так дальше. И уж потом придет черед молодых»³³¹. Но это звучало не очень правдоподобно, учитывая принадлежность А. Мстири и М. Масмуди к наиболее видным оппозиционерам. Тем более что при выборах в ЦК СДП Мстири получил на 151 голос больше, чем Нуира. Когда делегаты съезда уже разъехались, Мстири ранее уже вышедший из правительства, потребовал покончить с практикой назначений и придерживаться рекомендаций съезда по обязательной выборности всех органов партии снизу доверху. Через день по указанию Бургибы он был исключен из состава ЦК, а еще через 3 месяца – из рядов СДП, хотя и сохранил членство в парламенте. Бургиба оставался верен себе, стараясь даже в гневе не впадать в «крайности». Тем не менее октябрь 1971 г. явился началом политического кризиса, выразившегося наиболее ярко в разрыве отношений пожизненного президента Тунисской Республики и председателя СДП со своими давними и наиболее известными соратниками. Этот этап в истории Туниса М. Ф. Видясова довольно точно назвала «сумерки эпохи правления Бургибы»³³².

Хотя об этом времени написано много в Тунисе и за его пределами, в том числе самим Бургибой и его противниками, как представляется, почти все авторы, как исследователи, так и мемуаристы, слишком сузили свой взгляд на эпоху, сводя его к вопросу «Кто после Бургибы?». Конечно, этот сюжет активно дебатировался в верхах СДП после 1967 г., т.е. после инфаркта Бургибы и нарастания борьбы внутри СДП по поводу социальной ориентации развития Туниса. Он не мог не волновать тунисцев, тем более

в условиях соперничества «либерализма» и «этатизма», да еще в рамках режима все укрепляющейся личной власти весьма популярного и умеющего управлять лидера. Поэтому кроме вопроса «Кто после Бургибы?» важен был и другой – «Сколько времени еще будет править Бургиба?». Судя по всему, никто не ожидал, что он в «сумерках своего правления» продержится 20 лет, а мог бы, если бы это зависело от него, продержаться еще дольше. Он был создан для государственной деятельности и, занимаясь ею, очевидно, легче преодолевал свои недуги.

В 1972 г. начался новый период экономического развития, который Хеди Нуира, премьер-министр в 1970–1980 гг., назвал временем «быстрого роста». Но этот рост касался прежде всего чисто финансовых операций, торгового обмена и производства полуфабрикатов. Госсектор, охватывавший 1/4 несельскохозяйственных наемных работников и выплачивавший более 1/3 всей заработной платы в стране, доминировал и по объему инвестиций, и по масштабу операций на внешнем рынке. Частный сектор рос в основном в сфере туризма и некоторых производств (текстильной, механической, деревообрабатывающей промышленности). Приватизация во многом была следствием вмешательства государства с целью стимулирования экспорта и расширения занятости. В Тунисе, как во многих арабских государствах, правительство было «покровителем» частной инициативы, а также субсидировало почти всё – инвестиции, экспорт, наемный труд, заработную плату, различные формы социальных выплат и дотаций капиталу. Оно также поддерживало цены на продовольственные товары первой необходимости. Усилиями государства, по мнению Мишеля Камо, «был создан новый привилегированный класс предпринимателей»³³³.

Однако этот класс в Тунисе всегда был слаб и без поддержки государства практически не имел никаких шансов при конкуренции с иностранным капиталом. Поэтому экономическая политика СДП «основывалась на принципах смешанной экономики, оптимальном сочетании трех секторов хозяйства – государственного, кооперативного и частного». Значительную роль играла помощь извне: Тунис был на 7-м месте среди государств третьего мира по сумме кредитов и субсидий на душу населения, поступавших из промышленно развитых стран³³⁴. В 1972–1976 гг. темпы роста ВВП достигли 8% в год. В смешанных предприятиях выросла доля национальных инвесторов. К 1987 г. в частном секторе создавалось уже 75% ВВП, концентрировалось до 2/3 основного фонда

заработной платы. Вместе с тем госсектор, сильно выросший, был нерентабелен, хотя на его долю приходилось 25% ВВП, 10% занятых, 1/3 фонда заработной платы и 3/4 экспорта. Правительство выдало госсектору в 1970–1982 гг. кредитов на 126,3 млн динаров. Но это не сделало его более эффективным. Тогда основные усилия были направлены на приватизацию. Предполагалось ее распространить на 400 госпредприятий. Помимо всего прочего, «приватизация госпредприятий стала также необходимым условием для получения международной помощи»³³⁵.

Но полностью все отдать слабому частному сектору было нельзя. Поэтому в стране и после 1970 г. продолжались споры: приверженцы либерализма считали, что права частных собственников ущемлялись, а сторонники кооперативного сектора возмущались засильем частников, а также тем, что кооперативное движение в деревне происходит без перераспределения земель в пользу крестьянства. Но вскоре эти споры заглохли сами собой ввиду постепенного исчезновения (распада, роспуска, самоликвидации) большинства кооперативов. И это фактически стало приговором крестьянству Туниса.

Ибо в 1961–1962 гг. в тунисской деревне насчитывалось 326 тыс. частных хозяйств, из которых 235 тыс. семей (до 40% всего сельского населения) земли не имели и экономически существовали за счет занятости в третичном секторе (т.е. преимущественно – в сферах торговли, ремесел и прочих неаграрных занятий), а также – поисков работы по найму (которую далеко не все находили, довольствуясь сезонными или поденными занятиями). Постоянных рабочих в сельском хозяйстве Туниса было около 70 тыс. Большинство остальных, оставшихся неустroенными, записывались в «лагеря по борьбе с отсталостью», где что-то строили, чинили, ремонтировали и существовали на заработок, фактически имевший «характер пособия по безработице». Кооперативное движение пусть не полностью, но все же могло решить проблемы всех этих неимущих. Однако богатая верхушка, которой принадлежали 5 тыс. крупных хозяйств на 1/3 всех обрабатываемых земель, были против кооперативов. И она в конце концов победила³³⁶.

Разумеется, в создании кооперативов в Тунисе было допущено немало ошибок и промахов, ибо проблемой занимались люди, не имевшие никакого опыта в этом деле. Тем не менее, судя по всему, лишь кооперация и техническая модернизация, проводившиеся Бен Салахом, могли хоть в какой-то степени улучшить ситуацию в тунисской деревне. Но реализовать это не удалось

как вследствие сопротивления деревенских (да и городских!) богатеев, так и ввиду противодействия внешних сил, от которых зависел Тунис в экономическом, финансовом и технологическом отношении. Конечно, была тут и доля вины Бен Салаха и других реформаторов, не ожидавших, очевидно, столь сильного сопротивления крестьян (и не только зажиточных!), духовенства и прочих ретроградов, сохранивших влияние в стране.

Обострение социальной борьбы усилило и борьбу политическую. Бургиба начал после VIII съезда активно устранять из правящей верхушки представителей течения либералов. На следующем IX съезде СДП (12–14 сентября 1974 г.), вопреки формальной демократизации, проведенной на VIII съезде, действовала навязанная делегатам система выборов, благодаря которой в состав политбюро вошли 14 министров, преданных Бургибе и, естественно, назначенных им. Это не мешало ему говорить об «опасности единовластия». Но реально он, по словам когда-то близкого к нему Бежи Каида ас-Себси, «предпочел ... восстановить те методы и практику, которые сам же осудил». На съезде Хеди Нуира, лучше других понимавший Бургибу, популярно объяснил ас-Себси и ему подобным суть проблемы: «Наша политическая система – это в основном сочленение партии, создательницы идеологии власти и организатора масс, и государства, инструмента организованной власти... Руководитель партии и нации должен быть, естественно, главой государства»³³⁷.

Иными словами, Бургиба еще продолжал пользоваться хорошо усвоенной им с детства «либеральной» фразеологией, но на практике все больше становился, как и большинство правителей молодых государств Востока, фактически диктатором. Однако многие его сторонники, в том числе во Франции, объясняли его меняющуюся буквально на глазах политику трудностями Туниса и необходимостью их преодолеть. В частности, безработицей 500 тыс. тунисцев, тысячами сирот по всей стране, срочностью решения бесчисленных проблем веривших Бургибе «служащих, рабочих, крестьян, торговцев, ветеранов и молодых кадров». Многие левые во Франции все еще видели в Бургибе не всевластного (и пожизненного!) правителя, а много страдавшего революционного борца, достойно прошедшего тяжелый путь 20-летней борьбы и сумевшего соединить обычную для «националистических партий интеллектуальную буржуазную элиту с крестьянами и бедуинами, с наиболее неимущей пролетарской и плебейской массой»³³⁸. Тем более что приватизация во многом

была результатом вмешательства государства с целью поощрения экспорта и создания рабочих мест. «В Тунисе, – писал Мишель Камо в 1989 г., – как и в ряде арабских стран, государство выступило в роли покровителя № 1 частной инициативы»³³⁹.

Но если буржуазии, а также среднему и зажиточному крестьянству эта роль государства была по сердцу, то рабочие, служащие, тем более беднейшие слои города и деревни были отнюдь не в восторге от этих «сумерек эпохи правления» Бургибы, что видно и по поведению профсоюзов, и по наблюдениям социологов. Стаечное движение, почти прекратившееся во время «эксперимента Бен Салаха», вновь возродилось: 24 трудовых конфликта в 1971 г., 114 (с потерей 36496 рабочих часов) – в 1974 г., 377 (с утратой 594573 часов) – в 1975 г. При этом бастовали рабочие и частных, и государственных предприятий, мукомолы и обувщики, текстильщики и транспортники, учителя и таксисты³⁴⁰.

В ходе роста социальной напряженности и преследования в основном либеральной и левой оппозиции как бы незаметно усилились исламисты. О причинах их усиления споры идут до сих пор. Есть мнение, что Бургиба, слишком опасаясь усиления левых, в том числе сторонников Бен Салаха в СДП, просто проморгал взлет исламизма. Но еще более распространена манера обвинять в этом Мухаммеда Мзали³⁴¹. Несмотря на близость к Бургибе (земляческую, родственную и политическую), Мзали, по мнению испанских политологов, в какой-то мере разделял взгляды исламских фундаменталистов в области культуры. Сам он это отрицал. Однако, занимая в 70-е годы пост министра образования, очень настойчиво и результативно проводил курс полной арабизации, т.е. перевода на арабский язык всего процесса обучения в школах и университетах, уверяя при этом, что он «всего лишь» исправляет ошибки своего предшественника, явно переборщившего с ориентацией на западные стандарты³⁴². Став премьер-министром в 1980–1986 гг., Мзали, естественно, продолжил свою политику, что способствовало расширению и укреплению позиций исламистов не только в школах и университетах, но и в мечетях, некоторых звеньях госаппарата, среди средних и низших слоев города. Однако власти мало беспокоились об этом, всецело увлеченные борьбой с левыми. Более того, появившиеся еще в 1978 г. в журнале исламистов «Аль-Маарифа» статьи против марксизма (ранее журнал интересовали лишь вопросы религии и этики) скорее обрадовали, чем встревожили власти³⁴³.

Дело в том, что после незначительных мелких выступлений на местах 26 января 1978 г. произошел «Черный четверг» — объявленная профсоюзами общенациональная забастовка (с требованием повышения минимума заработной платы) впервые за 22 года независимого существования Туниса была потоплена в крови: полиция и воинские части, разогнавшие с редкой беспощадностью и забастовщиков, и примкнувших к ним, убили до 300 и ранили около 1 тыс. человек, что потрясло всю страну, хотя сразу же пошли разговоры о «затесавшихся» в толпу провокаторах, «темных элементах» и «буянах-исламистах»³⁴⁴. Профсоюзы отмежевались от мятежников. Характерно, что организовал расправу с демонстрантами впервые возникший на политической сцене Туниса директор Службы госбезопасности (и будущий президент Туниса!) полковник Зин аль-Абидин Бен Али, тогда образцово выполнивший задание премьер-министра и за это получивший чин генерала³⁴⁵.

Правительство, еще до «Черного четверга» вступившее в конфликт с ВТСТ, арестовало многих участников мятежа и руководство профсоюзов, заявивших о непричастности к событиям. Однако Бургиба, судя по всему, отдавал себе отчет в глубоких причинах случившегося. Поэтому вскоре после кровавого января 1978 г. были освобождены лидер ВТСТ Хабиб Ашур и некоторые другие арестованные. Бургиба сохранил контроль над СДП и ВТСТ, но вынужден был считаться с тем, что помимо СДП в стране существуют и другие партии — ДНЕ Бен Салаха, подвергавшееся преследованиям, но отстаивавшее «социальный прогресс и социализм», Движение демократов-социалистов (ДДС) А. Мстири, юридически оформившееся в 1983 г., но в виде фракции либералов СДП существовавшее давно и даже послужившее в 1976 г. основой для создания Тунисской лиги прав человека. Глава лиги Х. Шамари стал вице-председателем Международной федерации лиг защиты прав человека. Правительство пыталось использовать это для создания «своего положительного имиджа за рубежом»³⁴⁶. Даже бронзовея, Бургиба пытался сохранить ставший для него привычным образ «западного либерала» и «отца всех тунисцев».

Однако жизнь оставляла ему все меньше возможностей для этого. В июле 1979 г. был изменен закон о выборах в Национальное собрание и муниципалитеты (на каждое место могли теперь претендовать два кандидата). Премьер Нуира в своем докладе на X съезде СДП высказался против многопартийной системы (мол, «чем многочисленнее и сильнее партии, тем слабее государство»).

Поэтому на выборах в ноябре 1979 г. ТКП, ДДС, ПНЕ (отколовшаяся от ДНЕ сторонница «демократического социалистического общества») выборы бойкотировали³⁴⁷. В 1980 г. в г. Гафса (центре горнорудной промышленности Туниса) произошло серьезное столкновение с применением оружия между тунисцами и ливийцами. Ливийский лидер Каддафи, считавший себя продолжателем дела Насера, умершего в 1970 г., по слухам, добился от властей Туниса согласия на реализацию идеи политического единства арабского мира. Но Каддафи, понимая эту идею буквально, стал добиваться полного слияния Ливии и Туниса, в чем ему было отказано. Это и явилось причиной инцидента, в котором обе стороны винили друг друга. Тунис больше пострадал от этого, так как Каддафи в 1985 г. выслал из Ливии десятки тысяч тунисских трудовых мигрантов, приехавших на заработки. В Тунисе кое-кто был склонен во всем обвинять Бургибу (дескать, «не предусмотрел», «не просчитал последствий»), но, судя по всему, Каддафи со своими странностями и претензиями был виноват не меньше.

На чрезвычайном XI съезде СДП в апреле 1980 г. Бургиба все же признал наконец политическое многообразие тунисского общества, закономерность возникшей вследствие этого в стране многопартийности и неизбежность межпартийного диалога. В июле 1981 г. была официально разрешена деятельность ТКП, в ноябре 1983 г. легализованы ДДС и ДНЕ-П (отколовшаяся от ДНЕ). С середины 80-х годов Тунис пережил кризис в экономике, вызванный падением мировых цен на нефть, снижением валютных поступлений в казну, ростом внешней задолженности, вызванной увеличением помощи извне. Пытаясь найти выход из положения, правительство по рекомендации МВФ сильно урезало субсидии на хлеб, чем вызвало рост цен на него более чем вдвое. Это вызвало взрыв «хлебных бунтов» по всей стране, объявление в конце декабря 1982 г. чрезвычайного положения и применение военной силы против бунтовавших. В столкновениях погибли 70 и были ранены 100 человек. Повышение цен на хлеб было срочно отменено³⁴⁸.

Обострением ситуации в стране воспользовались исламисты. К этому времени они уже имели свою основанную 6 июня 1981 г. организацию – Движение исламского направления (ДИН), несколько органов прессы (журналы «Аль-Маариф», «Аль-Муджтамаа» и «Аль-Хабиб»), а также лидера Рашида аль-Ганнуши³⁴⁹. Изгнание тунисских мигрантов из Ливии и все ухудшавшаяся социальная обстановка (17% безработных в начале 80-х годов) совпали с отставкой заболевшего Нуиры, что лишало Бургибу верного

помощника. Сменивший Нуиру Мзали не отличался ни твердостью характера, ни политическим опытом Нуиры и тем более уровнем его взаимопонимания с президентом, который к тому же произвел очередной поворот в своей политике, объявив на XI съезде СДП, что в стране наступает «новая эра – эра плюрализма». Проходивший одновременно (9–10 апреля 1981 г.) 2-й съезд исламистов провозгласил официально реорганизацию их группы в ДИН. При этом аль-Ганнуши подчеркнул, что ДИН будет содействовать «расцвету новой эры “открытости” и демократии».

Но Бургиба исламистов опасался больше, чем коммунистов. За два месяца до легализации ДИН он фактически разрешил деятельность ТКП (формально – в июле 1984 г.), которая смогла провести свой VIII съезд и избрать нового первого секретаря ЦК, Мухаммеда Хармея, которого принял Бургиба. Бургибе нечего было бояться крайне малочисленной ТКП, состоявшей в основном из профессоров и научных работников. А вот исламисты буквально в те же дни устроили студенческие волнения с захватом декана факультета. Эта, по словам аль-Ганнуши, «глупая затея» дорого им стоила: 170 активистов ДИН были арестованы 18 июля 1981 г., из них 16 человек, включая аль-Ганнуши и Абд аль-Фаттаху Муру, были приговорены к 11 годам тюрьмы, остальные – к 10, 8, 6 годам и т.д.³⁵⁰ Это событие вызвало сочувствие к исламистам, петиции и протесты в их защиту способствовали росту их влияния; численность их актива возросла с 700–900 человек в 1971 и 1987 гг. и до 10 тыс. в 1988–1991 гг. И хотя отрицательных данных об их участии в «хлебных бунтах» 1982–1983 гг. нет, многие свидетельства, в том числе членов ДИН, прямо указывают на их причастность к организации этих выступлений.

К началу 80-х годов исламисты были уже достаточно влиятельны не только среди студенчества, но и среди ранее сплошь «предустуровской» городской интеллигенции, торговцев, ремесленников, безработных. Они глубоко проникли в молодежную среду, что доказывается большим числом девушек в их рядах: Тунис был чуть ли не единственной страной в арабском мире, юридически ликвидировавшей дискриминацию женщин (что не исключало случаев такой дискриминации на практике). С 1957 г. они уже участвовали в выборах. Популярность ДИН особенно быстро росла среди учащейся молодежи: в 80-е годы до 30% студентов Туниса были приверженцами исламизма³⁵¹. Премьер Мзали объяснял это преобладанием среди студентов-медиков, естественников и будущих инженеров, выходцев из семей

с низкими доходами. Но исламисты имели, как оказалось, некоторое влияние и среди военных, и в службе безопасности. В январе 1983 г. в армии Туниса были раскрыты нелегальные ячейки запрещенной во всех странах Партии исламского освобождения (ПИО), распространившей свою деятельность вплоть до Китая и Поволжья. Они были репрессированы. В ходе дальнейших исследований за связь с исламистами были в 1991 г. арестованы более 100 служащих сил безопасности³⁵².

Однако исламисты, завоевывая все более широкую поддержку тунисцев, стали проявлять больше терпимости к властям и даже некоторое стремление к компромиссу с ними. В опубликованной в 1980 г. работе «Вестернизация и неумолимая диктатура» Р. Ганнуши осудил и капитализм, и социализм, высказавшись за «демократизацию», понимаемую им как «новая цивилизационная модель», возникшая на основе «нашей мусульманской религии и достижений нашего века»³⁵³. Исламизм в Тунисе поэтому считался как бы «миролюбивым» и «умеренным» по сравнению со своими вариантами в Египте, Алжире, Палестине, Сирии³⁵⁴. К тому же к началу 80-х в стране как бы стало налаживаться экономическое и социальное положение: благодаря росту цен на нефть и фосфориты, а также доходов от туризма и переводов эмигрантов (в основном трудившихся во Франции, Италии, Швейцарии, Бельгии), что составляло в общей сложности 64% всех доходов. Имело место и повышение рентабельности национального хозяйства Туниса и укрепление как позиций госсектора, так и частного сектора³⁵⁵.

Но все это продлилось недолго. В конце 80-х годов стали сказываться последствия ливийско-тунисского конфликта 1985 г. (с высылкой тунисских трудовых мигрантов) и перемен международной экономической конъюнктуры – очередным снижением цен на нефть, колебанием курса доллара, снижением поступлений от туризма и переводов от значительно уменьшившихся по численности эмигрантов. Рост ВВП снизился с 6%, зафиксированных наметками VI плана развития Туниса, до 2,5%. Безработица почти не сократилась, составив к концу 80-х годов 14% работоспособного населения (по официальным явно заниженным данным). Дефицит платежного баланса составил 8,5% ВВП против ожидавшихся 6,6% (проценты по государственному долгу составили в 1986 г. 8,7% по сравнению с 38% в 1981 г.)³⁵⁶.

Столь резкое ухудшение положения вынудило Бургибу заменить М. Мзали на посту премьера Рашидом Сфаром, объявить

о девальвации на 10% тунисского динара и принять под давлением Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития программу «структурного совершенствования», подобную той, что была принята в Марокко в 1983 г. и в Египте в 1987 г.³⁵⁷ Эту программу выдвинул еще в 1986 г. Рашид Сфар, занимавший до этого 3 года пост министра экономики. Однако Сфар недолго пробыл премьером и вообще «человеком № 2» в Тунисе – с 5 июля 1986 г. по 7 октября 1987 г. Судя по всему, его назначение было в целом случайным. До него занимавший этот пост Мзали был выдвинут на него второй женой Бургибы Василией из клана Бен Аммар (1912–1999), которая с 1956 г. активно вмешивалась в кадровую политику Бургибы и вообще стремилась к общественной деятельности (в частности, в 1962 г. сменила Радио Хаддад на посту главы Национального союза тунисских женщин). Президент, перенесший три инфаркта, все больше попадал в зависимость от Василии и прочих лиц из своего окружения, особенно после женитьбы на Василе в 1962 г.

Развод с Василией в 1986 г. и ее отъезд в США ослабил позиции Мзали, который попытался их укрепить сближением с исламистами, что вызвало подозрения Бургибы, отстранившего Мзали, которого народная молва считала к тому же ответственным за экономические просчеты правительства. Опасаясь ареста, Мзали бежал за границу, окончательно себя скомпрометировав. Назначив на его место Рашида Сфара как грамотного экономиста, Бургиба, судя по всему, в условиях тревожной и нестабильной обстановки, порожденной социальными трудностями и все нараставшим влиянием исламистов, был склонен больше доверять генералу Зин аль-Абидину Бен Али, который так «отличился» во время «Черного четверга» 26 января 1978 г. Поэтому генерал в апреле 1986 г. был отозван с должности посла в Варшаве и возвращен в Тунис, возглавив МВД и службу безопасности. Бургиба, больной и почти не выходящий из своего дворца, очевидно, рассчитывал, что генерал справится и с непрекращавшимися выступлениями исламистов, и с еще более шумными студенческими волнениями. Еще раньше, в марте 1986 г., Тунис разорвал дипломатические отношения с Ираном, обвинив посольство Ирана в «поощрении анархии и мятежа на религиозной почве»³⁵⁸. Столь резкая реакция на обычную пропаганду Ираном основ «хомейнизма» объяснялась прежде всего ситуацией в Тунисе, нагнетавшейся исламистами.

Глава 12

«РЕВОЛЮЦИЯ ЖАСМИНОВ»

Накалившаяся обстановка в Тунисе, бессилие ранее всемогущего «Верховного борца», студенческие волнения и происки исламистов побудили Бургибу заменить Р. Сфара генералом Зин аль-Абидином Бен Али, занявшим тот самый опасный для президента пост «человека № 2», одновременно главы правительства и генсека правящей партии. К тому же ситуация просто требовала «человека сильной руки», который мог бы спасти тунисский режим от гибели. Уже в январе 1986 г. Бен Али подавил забастовку нескольких тысяч студентов, а летом того же года арестовал группу исламистов, нападавших на банки и занимавшихся хищениями оружия. 24 арестованных участника группы в июле 1986 г. заявили, что вели «исламский джихад», дабы установить в Тунисе «власть шариата». В ходе мартовских выступлений студентов в 1987 г. арестовали 53 человека, из которых 7 были осуждены на смерть, остальные – на каторжные работы. В это же время шли (в 1986–1987 гг.) «параллельные» процессы, в ходе которых были осуждены до 1,5 тыс. человек. Лидер Движения исламского направления (ДИН) Ганнуши эмигрировал в Алжир, а потом – в Англию. ДИН без него слилось с другими группами в партию «Ан-Нахда» («Возрождение»), – но уже в 1989 г.³⁵⁹

По сведениям прессы США, ДИН представляло будто бы «самую серьезную опасность режиму Х. Бургибы с момента его прихода к власти»³⁶⁰. Думается все же, что подобная опасность не столько существовала, сколько воображалась самим Бургибой и вообще правящей элитой страны, особенно после разоблачения в Тунисе ячеек ПИО. Так или иначе, но генерал Бен Али, получив сигнал о подготавливаемом исламистами заговоре, 4 ноября 1987 г. обрушился на заговорщиков с репрессиями. Эта мера была представлена как якобы «спасение» Туниса от участи «исламской республики»³⁶¹. Но ее затмила происшедшая через три дня другая операция Бен Али, потрясшая весь Тунис и получившая название «революции жасминов».

7 ноября 1987 г., в субботу, в 6 часов утра тунисцы, едва проснувшись, были буквально ошеломлены заявлением Бен Али по радио, в котором генерал, воздавая должное «нашему вождю» и «первому президенту», четко провозгласил, что «национальный долг диктует нам сегодня, учитывая преклонный возраст Бургибы и состояние его здоровья, объявить со ссылкой на медицинское заключение, что он абсолютно не в состоянии отправлять президентские обязанности». Исходя из этого, Бен Али «возлагал на себя обязанности Президента Республики и Главнокомандующего вооруженными силами»³⁶². Эта декларация Бен Али, написанная им, по слухам, под диктовку министра социальных дел Хеди Баккуша, стала называться «Декларацией 7 ноября»³⁶³. Неудивительно, что в тот же день было создано новое правительство Туниса во главе с Хеди Баккушем... Среди новых лиц в нем фигурировал Хабиб Аммар, получивший военное образование во Франции вместе с Бен Али. Возглавляя с 1985 г. Национальную гвардию, он активно поддержал переворот, окружив дворец президента в Карфагене своими бойцами.

Сам же Бургиба хотя и был удивлен внезапным переворотом, но будто бы сказал: «Я знал, что он (Бен Али. – *Р. Л.*) сделает что-то в этом роде». Насколько известно, Бургиба не протестовал и не пытался сопротивляться отстранению от власти, спокойно покинул президентский дворец в Карфагене и поселился в своем родном городе Монастир, где прожил еще около 12 лет. Возможно, он просто устал от своих болезней, возраста (84 года) и постоянного напряжения, связанного с осуществлением власти, неизбежными при этом интригами и отсутствием сотрудников, к которым он привык, но которых сам же отстранял, репрессировал или вынудил эмигрировать.

Дальнейший ход событий показал, что Бен Али прочно контролировал положение в стране, в которой не существовало угрозы «исламистского переворота», «гражданской войны», «гибели демократии» и т.п. Если и были какие-то причины для «революции жасминов», то это действительно состояние здоровья Бургибы (кстати, засвидетельствованное врачами заочно и постфактум), а также личные амбиции генерала Бен Али. Впрочем, исламисты утверждали, что они якобы сыграли свою роль в подготовке переворота, «подтолкнули» его. Однако осведомленный обо всем за годы работы в органах безопасности и внутренних дел Бен Али уже в декабре 1987 г. освободил 608 арестованных исламистов³⁶⁴. Он явно не поступил бы так, если бы Тунису

действительно грозила участь «исламской республики» и он был стоял «на пороге гражданской войны». Бен Али использовал эти обвинения против исламистов, но – не более того³⁶⁵.

Генерал решил пересмотреть конституцию и расширить гражданские свободы. Была разрешена пресса оппозиции (за исключением электронных СМИ). В свою очередь, делегат ДИН в Париже позитивно оценил приход Бен Али к власти. До апреля 1989 г. ДИН, переименованное в «Ан-Нахду», пыталось сотрудничать с властями. 2 апреля 1989 г. «Ан-Нахда» набрала на парламентских выборах 14% голосов по всей стране (в крупных городах – до 25%), но легализации так и не добилась. С этого момента отношения с властями опять резко обострились³⁶⁶. В свою очередь, власти Туниса, сменив хозяина Карфагенского дворца (т.е. президента), сменили и название правящей партии: с 27 февраля 1988 г. СДП стала называться Демократическое конституционное объединение (ДКО). Это сопровождалось ростом рядов партии: с 700 тыс. в 1983 г. до 2 млн в 2005 г., а может быть, и больше³⁶⁷. Бен Али предпринял «перестройку», которую тунисцы одно время называли «зинестройкой» (от Зин аль-Абидин Бен Али). Наиболее заметным ее аспектом стало освобождение не только исламистов, но и вообще большинства заключенных, в том числе известного лидера ДДС Ахмеда Мстири, бывшего генсека ВТСТ Хабиба Ашура, лидера исламистов Рашида аль-Ганнуши³⁶⁸.

Бен Али попытался придать Тунису более «мусульманский» характер, начав объявлять по радио часы молитв, возвратив Аз-Зитуне былой статус мусульманского автономного университета и т.п. В то же время было твердо обещано сохранить в неприкосновенности Закон о личном статусе, гарантировавший светский характер общественной жизни страны. В мае 1988 г. был принят закон о политических партиях, в котором им возбранялось ориентироваться на «религию, язык, расово-этническую, половую или региональную принадлежность», а также запрещались фанатизм, призывы к насилию и разжиганию ненависти между гражданами. Закон требовал «уважать и защищать права человека, закрепленные конституцией и международными конвенциями»³⁶⁹.

Однако исламисты не мирились со своим второстепенным положением. После отъезда Рашида аль-Ганнуши в эмиграцию сменивший его Садок Шуру действовал довольно неуклюже и фактически погубил партию «Ан-Нахда». Она была разгромлена в мае 1991 г. 300 ее членов были арестованы. Из них 277

были осуждены военными трибуналами, некоторые – пожизненно³⁷⁰. За связь с заговорщиками были арестованы до 100 сотрудников спецслужб³⁷¹. Любопытно, что в это же время аль-Ганнуши, добравшийся до Лос-Анджелеса, демонстрировал чудеса гибкости, призывая мусульман США воспринимать культуру американской нации, ее язык и духовное наследие³⁷².

Ситуация в Тунисе складывалась непростая. Бен Али довольно быстро установил, что большинство исламистов действительно «умеренные» и не причастны ни к терактам, ни к планам переворота. Поэтому он перестал беспокоиться по их поводу. К тому же Тунис был достаточно крепко привязан к Франции экономически и политически, а также в военном и социокультурном плане. Все общественные движения Туниса всегда так или иначе находились под воздействием Франции. Страна более других арабских соседей была (во многом благодаря 50-летней деятельности Бургибы) буквально пропитана духом европейской светскости, рационализма и здорового скепсиса, именуемого французами *l'esprit cartésien* («картезианским духом»). Более того, молодежь (т.е. около 40% населения), мирившаяся с культом личности харизматичного и чуть ли не обожествляемого Бургибы, вовсе не желала терпеть авторитарные замашки генерала, не обладавшего ни харизмой, ни даже личным обаянием. Поэтому генералу было необходимо расколоть молодежь на исламистов и антиисламистов. Что и было успешно выполнено с помощью вышколенного госаппарата, аппарата ДКО, полиции и спецслужб. Низкую оплату труда и низкий уровень жизни большинства тунисцев, прежде всего 17–20% безработных, старались заглушить напоминаниями о высоком уровне и даже качестве образования в Тунисе, равноправии в этой стране женщин и их роли в жизни общества, знании тунисцами французского языка, работе в Европе не менее 1 млн тунисцев (помимо традиционных для мигрантов тяжелых работ, тунисцы во Франции монополизировали торговлю продовольствием)³⁷³.

Вместе с тем Бен Али инспирировал подписание представителями разных партий Национального пакта – небольшого документа, в котором речь шла о «государстве всех тунисцев», «аутентичном» культурном наследии. Было ясно, что Бен Али выступает за многопартийность. Но в сочетании с единоначалием, т.е. предпочитает демократический фасад любого строя, подкрепленный твердой основой авторитарного режима. Так, в Тунисе совместно работали либеральные традиции политической культуры Франции и полуказарменная практика военной

диктатуры. Вместе с тем Бен Али сумел создать, по выражению М. Ф. Видясовой, из себя «образ кудесника тунисской весны», ибо не упускал случая обязать политические партии уважать и защищать «права человека», закрепленные конституцией. В этом же духе перестраивалась система судопроизводства и предварительного следствия. Некоторую роль играло и ежегодное посещение Туниса миллионами американцев и европейцев – туристов, бизнесменов, преподавателей и др.³⁷⁴

Однако Тунис жил не в безвоздушном пространстве. Взлет исламизма по всему Востоку, от Марокко до Юго-Восточной Азии, породила еще исламская революция 1978–1979 гг. в Иране. Ее влияние объективно усилила война Советской армии против исламистов Афганистана. А в социополитическом развитии мира ислама происходило тогда (и происходит сейчас) много общего: 1) «демографический взрыв», ведущий к неконтролируемому росту неимущих низов города и деревни до 30–40% активного населения³⁷⁵; 2) дальнейшее обнищание этих слоев ввиду их низкой квалификации, нехватки капиталов и рабочих мест; 3) перерастание бюрократии стран ислама в бюрократическо-паразитическую буржуазию на основе чудовищной коррупции; 4) рождаемая всеми этими факторами социальная сверхнапряженность, обостренная общим повышением грамотности и уровня гражданского самосознания, а также информированности населения. Стоит учесть и возросшую роль женщин в арабском обществе, прежде всего в странах Магриба и Египте, что проявляется в семье, в системе образования и общественной жизни.

В Тунисе положение было не самым тяжелым. 17% безработицы – не самые высокие цифры. Однако весьма устойчива была тенденция роста безработицы среди квалифицированной молодежи Туниса, постепенно дошедшая до 42%. А наряду с падением прямых инвестиций на 30% это создавало совершенно нетерпимое положение³⁷⁶. Очевидно, генерал Бен Али не отдавал себе отчета в том, какова была реальная ситуация в стране. Свергнув своего весьма популярного (при всех своих недостатках) предшественника, Бен Али не обладал ни его талантами, ни его харизмой. При внешней либеральности он фактически превратил Тунис в полицейское государство, в котором ни партии, ни пресса, ни духовенство, при Бургибе все же игравшие какую-то, пусть ограниченную, роль, на деле утратили всякое значение. Бен Али подавил исламистов после 1989 г., но ввиду жесткости его диктатуры, опиравшейся на привычные ему силовые структуры, это лишь сыграло исламистам

на руку. В стране с самым высоким среди арабов уровнем образования, с очень высокой долей учившихся во Франции студентов и там же воспитанных научно-технических и профсоюзных кадров, с обилием выпускников всемирно известных вузов, не имевших работы, годами копилось недовольство, не находившее выхода ни в СМИ, контролировавшихся властями, ни в иной публичной сфере³⁷⁷. Тунисцы многое прощали Бургибе, но не генералу Бен Али. Ведь в стране просто не было ни практики, ни традиций, ни почвы для военной диктатуры.

Все эти обстоятельства сыграли значительную роль в последующих событиях «арабской политической весны» – весьма противоречивого периода в истории практически всех арабских стран. Эта «весна» началась, как писали у нас многие востоковеды, «революцией образованной молодежи», а закончилась по-разному: либо крахом прежнего режима (как в Ливии), либо сменившимися последовательно друг друга двумя государственными переворотами (как в Египте), либо предшествовавшей им всем иностранной оккупацией (как в Ираке). Четвертый вариант, проводившийся по иракско-египетской схеме, предполагал свержение правящего режима партии Баас в Сирии, но споткнулся на жестком отпоре, который был дан сирийской армией силам внешнего и внутреннего терроризма, выступившим под знаменами ультраисламизма и возрождения халифата. Поскольку мобилизация сил клерикальной реакции достигла высокой степени и получила военно-финансовую поддержку империалистско-колониалистских сил, действовавших скрыто, Сирия воспользовалась эффективной помощью дружественной ей Российской Федерации. Это внесло перелом в ход борьбы и поставило под сомнение уже праздновавшуюся исламскими экстремистами победу.

Тунис называли в 2012 г. «первой ласточкой арабской весны». Да, именно в Тунисе массовые волнения молодежи 17 декабря 2010 г. – 14 января 2011 г. открыли путь к переменам, произошедшим в странах Арабского Востока. При этом и для многих тунисцев, и для значительной части международной общественности падение власти Бен Али явилось полной неожиданностью. Дело было в росте безработицы образованной молодежи, среди некоторых категорий которой она достигала 24,5% (у инженеров), 40% (у физиков и математиков), 43% (у гуманитариев) и 47% (у экономистов, юристов и менеджеров). Ко второй половине 2010 г. общая доля безработных среди выпускников высшей школы достигла 33%³⁷⁸. Но в некоторых районах, например в шахтерском районе

Гафса, уровень безработицы достиг 20,4% (при среднем по стране 13,8%), а среди местной молодежи – 56,9%³⁷⁹. И как раз этот район стал центром массовых забастовок. Десятки их участников были арестованы, 4 – убиты полицией. Но это была лишь прелюдия к событиям 17 декабря 2010 г., когда женщина-полицейский ударила зеленщика Мухаммеда Буазизи. Поскольку жалобе зеленщика не дали хода, этот вспыльчивый 26-летний юноша облил себя бензином и сгорел. Хотя толком ни один свидетель не мог подтвердить, что дело было именно так, смерть Буазизи, по словам М. Ф. Видясовой, «разожгла пламень тунисской революции, а сам он стал ее символом»³⁸⁰. Более того, Европарламент, несмотря на отсутствие твердых доказательств «народной версии» произошедшего, номинировал посмертно Буазизи на Сахаровскую премию, которая и была ему присуждена в декабре 2011 г.

Недовольство, копившееся в Тунисе годами, внешне никак не проявлялось, ибо все СМИ были в распоряжении Бен Али. Но через Интернет, СМИ Франции и Италии, традиционно имевшие хождение в Тунисе (включая радио и телевидение), тунисцы все знали и о фальсификациях выборов (в том числе пять раз «избиравшегося» Бен Али), и о махинациях окружения генерала, особенно клана его жены Лейлы Трабелси, почти все 33 члена которого оказались виртуозными хищниками – расхитителями государственной казны, а в ряде случаев – элементарными ворами, способными угнать чужую яхту или заняться примитивным рэккетом, каковым не брезговал и сам Бен Али. Поскольку он страдал от онкологического заболевания и много времени уделял лечению, в том числе за границей, всем распоряжалась Лейла Бен Али, превратившая Тунис в «цветник» коррупции³⁸¹.

Естественно, разложение захватило и госаппарат, и саму партию ДКО, что и объясняет частично их пассивность при начавшихся в январе 2011 г. демонстрациях молодежи, возмущенной и политической, и личным поведением Бен Али и его окружения. Молодежь не просто не хотела больше мириться с безработицей, коррупцией и насаждаемой Бен Али полицейщиной. Через СМИ и многочисленных европейцев, работавших в Тунисе, они знали о «другой» жизни на северном побережье Средиземного моря, грезили о ней, мечтая «жить как на Западе». Эти настроения всячески поддерживались и подогревались извне. Тунис, тысячами нитей традиционно связанный с Францией, Италией, США, буквально «просвечивался» насквозь западными спецслужбами, которые были полностью информированы о внутренней жизни

и настроениях тунисцев. У них не было претензий к Бен Али. Вернее, их отношение к нему можно уложить в известное изречение Теодора Рузвельта: «Он, конечно, сукин сын, но это наш сукин сын». Однако с началом массовых выступлений в Тунисе западным державам стало ясно, что Бен Али слишком непопулярен и связывать себя с ним не стоит. Поэтому они фактически «сдали» Бен Али, заняв «нейтральную» позицию. То же самое сделали армия и госаппарат Туниса, что вызывало удивление, если учесть, что большинство чиновников и офицеров Туниса учились на Западе. Более того, есть данные, что «западные друзья» активно вмешивались в ход событий в Тунисе и даже направляли демонстрации студентов через Интернет и социальные сети. Все это не оставляло Бен Али выбора. 14 января 2011 г. он бежал вместе со своим окружением и немногими сторонниками в Саудовскую Аравию³⁸².

Это был своего рода первый опыт организации свержения сравнительно жизнеспособного режима в арабском мире путем подогревания внутреннего недовольства и провоцирования антиправительственного выступления извне. С этой целью американским бизнесменом Соросом был создан институт «Открытое общество на Ближнем Востоке и в Северной Африке», взявший на содержание самые разные группы оппозиции. В Тунисе он финансировал радиостанцию «Клима» («Слово»), специально воздействовавшую на настроения молодежи. По сведениям газет Швеции, в Тунисе применялись те же методы, которые ранее применялись в Сербии, Индии, ЮАР и были обобщены в книге американца Джина Шарпа «От диктатуры к демократии», рассматривавшей 198 способов якобы «ненасильственных действий»³⁸³.

Совершенный в Тунисе переворот потом послужил образцом для последующих, что облегчалось значительным сходством ситуации в разных арабских странах. Поэтому тунисский переворот заслуживает особого внимания и тщательного изучения. К тому же довольно быстро выяснилось, что студенты и вообще молодежь, сыгравшие роль своего рода общедемократического авангарда общенародного недовольства, действовали во многом стихийно и эмоционально. Не будучи едины ни идеологически, ни организационно, они, добившись свержения Бен Али, просто не знали, что дальше делать. И поэтому на политическую авансцену Туниса стали постепенно выходить исламисты (впоследствии то же самое повторилось и в других странах, принявших участие в «арабской политической весне»). Во время выступлений молодежи исламисты старались держаться в тени

и не выдать своих намерений заранее, предпочитая не рекламировать себя как «заслуженных» борцов с режимом за последние 30–40 лет, чем они похвалялись позже. Вместо этого они старались, пользуясь своим авторитетом у простых «людей с улицы», осторожно подталкивать их на поддержку демонстраций молодежи. А эта молодежь постепенно утрачивала свой порыв и уступала место осторожно и по возможности малозаметно выходявшим из подполья исламистам. В Тунисе это было проще, чем в других арабских странах, так как лидер исламистов этой страны Рашид аль-Ганнуши, вернувшийся на родину после свержения Бен Али, выступал, в отличие от большинства своих единомышленников, за «демократию и права человека» и за «современное исламское общество, которое могло бы черпать до дна всё ценное из западной культуры, не теряясь в ней»³⁸⁴. Поэтому роль исламистов в Тунисе, особенно в годы «арабской политической весны», заслуживает отдельного рассмотрения.

Глава 13

ИСЛАМИЗМ В ТУНИСЕ

Исламизм, или политический ислам, в Тунисе зародился гораздо позже, чем в других арабских странах – в 1970 г. Это нашло выражение в образовании «трехчленки» – группы Р. аль-Ганнуши, А. Муру и Х. ан-Нейфера, – которая долго ограничивалась пропагандой в печати и вела, по сути дела, деятельность полуподпольного характера. До сих пор идут споры: кто больше повлиял на исламистов Туниса – «братья-мусульмане» Египта или свои же марксисты (!). Поводом для этого послужило пристальное внимание исламистов к «организационной стороне» деятельности марксистов, а также, возможно, заимствование у них проявление социального недовольства, все более ширившегося в стране и распространявшегося на университетские круги. По мере роста безработицы среди обладателей университетских дипломов росло и влияние среди них исламистов, оказавшихся искуснее прочих в антиправительственной риторике³⁸⁵.

Как ни странно, но быстрому росту влияния исламистов в Тунисе мешала их нескрываемая ненависть к Бургибе, который при всех своих промахах и ошибках все же пользовался в 60–70-е годы несомненным авторитетом у тунисцев. Поэтому дежурные проклятия в его адрес поначалу вообще не вызывали в народе никакого сочувствия. За спиной у исламистов, к тому же малочисленных и ничем еще не прославившихся, ничего не было. Поэтому выдержать сравнения с Бургибой они не могли, даже тысячу раз объявив его «источником социальных язв и пороков»³⁸⁶. В январе 1980 г. в район Гафсы была заброшена группа боевиков из Ливии, в которую входили и тунисские перебежчики. Этот инцидент послужил поводом для разрыва отношений с Ливией и высылки из этой тогда процветающей страны более 50 тыс. тунисских мигрантов, что негативно сказалось на экономике Туниса³⁸⁷. Но это же стало одной из причин назначения на пост премьер-министра Мухаммеда Мзали вместо заболевшего Хеди Нуиры. Изменение ситуации (происламские симпатии Мзали,

легализация ТКП, которую Бургиба решил «уравновесить» легализацией исламистов, как и его желание восстановить свободу политических партий) привело к росту влияния исламистов только в среде студентов до 30% их общей численности³⁸⁸.

С началом «революции жасминов» отношения исламистов и власти в Тунисе вступили в новый этап своего рода взаимной терпимости: Бен Али нуждался хотя бы во временной поддержке любой политической силы, исламистам тоже нужна была хотя бы краткая передышка в направленных против них нескончаемых репрессиях. Следует учесть также фактор раскола исламистов Туниса на действительно «умеренных» (сторонников аль-Ганнуши) и экстремистов-боевиков. И если первые упор делали на идейную борьбу с режимом и были менее многочисленны, но более образованны, то вторые были связаны с ультратеррористическими организациями алжирских боевиков Вооруженная исламская группа (ВИГ) и Салафитская группа проповеди и джихада (СГПД). Обе группы, созданные в 90-х годах ветеранами войны в Афганистане, вошли в возникшую в 2006 г. «Аль-Каиду исламского Магриба», получившую вооружение, финансы, технику и «специалистов» (в основном подрывников) от центрального руководства «Аль-Каиды»³⁸⁹. Основную их часть составляли алжирцы, но в 2006 г. из них сформировалась и тунисская группа, назвавшая себя «Джунд Асад ибн Фурат»³⁹⁰. С декабря 2006 г. эта группа неоднократно завязывала бои с вооруженными силами Туниса, убив при этом 14 человек, включая 2 офицеров. Захваченные 30 участников группы были преданы суду 8–21 февраля 2008 г. Из них 2 были приговорены к смерти, 8 – осуждены пожизненно, остальные – на разные сроки тюремного заключения. Как выяснилось, это было не единственное выступление тунисских исламских экстремистов. 11 апреля 2002 г. ими был совершен теракт на острове Джерба, стоивший жизни 21 тунисцу³⁹¹.

Все это не способствовало росту популярности исламистов в стране столь миролюбивой (относительно, разумеется). Поэтому Бен Али, пришедший к власти, размахивая флагом демократизации и защиты прав человека, был благожелательно встречен общественным мнением. Однако светская оппозиция, скомпрометировавшая себя во многом негибким «антибургибизмом», на состоявшихся 2 апреля 1989 г. выборах потерпела поражение, набрав всего 3,76% голосов, в то время как список «независимых», под видом которых выступили исламисты, собрал 14% голосов, а в ряде районов даже 30–32%³⁹². Но исламисты, как и гражданская оппозиция,

не представляли проблемы для Бен Али. Во-первых, они давно враждовали друг с другом. Во-вторых, и те и другие не были уверены в поддержке народа и стремились скорее договориться с Бен Али (как раньше с Бургибой), нежели свергнуть его (к чему они вообще-то призывали, но скорее для того, чтобы сделать его сговорчивей). Исламисты особенно усердствовали в этом направлении. Рашид аль-Ганнуши в августе 1988 г. даже заявил, что его партия поддерживает изданный Бен Али 3 мая 1988 г. закон, запрещающий создание партий на религиозной основе и использование в политике методов насилия. Лидер исламистов выступил, наряду с этим, за уважение конституции страны и даже за Кодекс гражданского состояния, защищавший права женщин. После освобождения из тюрьмы нескольких сот исламистов осенью 1988 г. аль-Ганнуши торжественно провозгласил, что с «эрой несправедливости» в Тунисе покончено³⁹³.

Однако после этого между исламистами и давно их преследовавшим Бен Али вновь наступило охлаждение. Оно было вызвано общим ухудшением обстановки в Магрибе вследствие успехов Исламского фронта спасения на муниципальных выборах в Алжире весной 1990 г. и на парламентских выборах в декабре 1991 г., а также вследствие выявления в Тунисе агентуры Партии исламского освобождения. Свою роль сыграл и очередной отказ властей легализовать «Ан-Нахду». В конце правления Бургибы и в начале диктатуры Бен Али исламисты пользовались возмущавшей поддержкой все более нищавших средних слоев населения. В 1981 г. среди арестованных лидеров ДИН насчитывалось 75% школьных преподавателей и студентов и около 25% мелких служащих. А среди осужденных в 1987 г. членов «Ан-Нахды» были 15 преподавателей, 7 инженеров, 7 административных служащих, 5 студентов, 3 торговца, 3 врача, 2 техника, 2 ремесленника, 1 медицинский лаборант, 1 земледелец, 1 национальный гвардеец, 3 безработных и 26 человек неопределенной профессии³⁹⁴. Они представляли уже более широкий спектр социального влияния. Поэтому не вызывает удивления беспокойство американской прессы по поводу роста влияния исламистов в Тунисе³⁹⁵.

Бен Али, явно напуганный гражданской войной 1992–2002 гг., развязанной исламистами в соседнем Алжире, ужесточил свою политику в отношении «Ан-Нахды». Удары, нанесенные им по исламистам в 1990–1992 гг., практически покончили с ними, по мнению А. И. Куприна, на территории Туниса³⁹⁶. В некоторой степени этому содействовали сами исламисты, наиболее радикальная часть

которых отказывалась от компромисса с властями и стремилась навязать свою линию умеренной фракции, возглавляемой Р. аль-Ганнуши и А. Муру³⁹⁷. Это их объективно ослабило. К тому же Бен Али удалось реализовать некоторые государственные программы и несколько повысить уровень жизни тунисцев³⁹⁸. Однако при этом в стране сохранялся сравнительно высокий уровень безработицы (14%), наблюдалась миграция разоренных крестьян в города на фоне обогащения крупных землевладельцев. Все это питало недовольство тунисцев, особенно молодежи, не желавшей мириться с коррупцией госаппарата, невозможностью добиться каких-либо своих целей демократическими методами, которые вообще стали уходить в прошлое. В результате уже в феврале 2000 г. в стране прошли антиправительственные выступления студентов и безработной молодежи. Они длились 3 дня и впервые с 1984 г. приняли массовый характер³⁹⁹.

Это было неизбежно, так как, разгромив исламистов, Бен Али принялся громить и светскую оппозицию, все более сбрасывая маску «генерала-народолюбца» и демонстрируя крайне неблагоприятную физиономию откровенного диктатора. Это был один из его (но не единственный!) промах: ему не только не было нужды давить светскую оппозицию, но это было для него даже опасно, так как объективно он должен был бы опираться на нее в борьбе против исламизма, за светский характер власти, за ориентацию на западные ценности, в том числе на западную модель развития экономики⁴⁰⁰.

Но Бен Али оказался в большей мере «генералом», чем политиком, способным играть роль скорее полицейской дубинки, чем социально-политического стратега. Он был на месте, выполняя приказы Бургибы по наведению порядка, арестам, репрессиям и т.п. Но, оказавшись сам на месте Бургибы, он был не на высоте положения, хотя, как известно, периодически посещал смещенного «Верховного борца» и советовался с ним⁴⁰¹. Впрочем, возможно, дело обстояло сложнее, ибо, придя к власти, Бен Али поначалу вроде бы проявил и понимание всей неоднозначности, положения в стране, и намерение сотрудничать с оппозицией. Но после смерти Бургибы главной советчицей Бен Али, как известно, была его жена Лейла, постепенно ставшая воплощением чудовишной коррупции тунисской бюрократии. Ее влияние и на президента, и на весь чиновничий аппарат страны носило крайне негативный, разлагающий и деморализующий характер. Рост коррупции в Тунисе, особенно после 2002 г., стал вызывать у зарубежных инвесторов беспокойство. В 2009 г. Тунис,

по данным специализированных иностранных агентств, превосходил по уровню коррупции Катар, ОАЭ, Оман, Бахрейн, Иорданию и Саудовскую Аравию, занимая 65-е место (среди 150 государств мира) по степени коррумпированности⁴⁰². Характерно, что Тунис постепенно превращался даже не в диктатуру Бен Али (по болезни часто не занимавшегося делами), а в нечто вроде «совместного владения» клана Бен Али. Пережив своих родственников и самых богатых и влиятельных людей страны, Лейла Бен Али активно занималась ее управлением. В Тунисе открыто говорили, что после ухода Бен Али с поста президента Лейла выдвинет на его место кого-либо из своего клана Трабелси.

В связи с этим мне представляется далеко не законченным разговор о «туниском опыте модернизации» и «политическом наследии Хабиба Бургибы», который был начат еще М. Ф. Видясовой и Н. А. Ивановым, в работах которых справедливо указывалось на сложности модернизации Туниса при Бургибе и одновременно на те или иные повороты политики «Великого борца», стремившегося быть одновременно и модернизатором, и хранителем давних традиций Туниса, и западным «просветителем», и защитником духовной идентичности Туниса, включавшей в себя не только ислам, но также арабский язык и историческое наследие страны, восходящее к временам Карфагена и Рима⁴⁰³.

А историческое наследие Туниса и особенно его политические обычаи отвергали возможность законного прихода женщины к власти, хотя Бургиба много сделал для того, чтобы такая возможность появилась. При Бургибе женщины занимали самые разные посты, вплоть до депутатов и министров. И нельзя исключить, что именно в Тунисе женщина могла бы занять пост президента. Но эта женщина не могла быть представителем скомпрометированного клана Трабелси, всеми в Тунисе ненавидимого и презируемого, поддерживаемого лишь железной рукой Бен Али да алчностью подкупленных Лейлой высших бюрократов. После бегства из Туниса Бен Али и его ближайшего окружения, в том числе представителей клана Трабелси, вопрос этот был снят с повестки дня самой жизнью.

Однако после бегства Бен Али к власти в Тунисе стали выдвигаться исламисты, воспользовавшиеся, с одной стороны, разложением и деморализацией госаппарата Туниса и верхушки Демократического конституционного объединения, а с другой – неплохой подготовкой к обретению власти исламистской партией «Ан-Нахда», с которой вовсе не «было покончено», как считали

одно время и у нас, и на Западе, слишком положившись на эффективность спецслужб Бен Али. До выборов временным президентом стал практически ничего не значивший Фуад Мебазаа, а три переходных правительства, в январе–ноябре 2011 г., возглавлял Мухаммед аль-Ганнуши, в феврале 2011 г. ушедший на пенсию, а с 7 марта того же года – давний соратник Бургибы 85-летний адвокат Бежи Каид ас-Севси, пытавшийся оживить светский либерализм в Тунисе. Но лидер партии «Ан-Нахда» Рашид аль-Ганнуши, трезво учитывая настроения тунисцев, еще на ее съезде в Лондоне в 2001 г. заявлял о стремлении к «демократизации» и провозглашал: «Ислам плюс демократия – вот наилучшее сочетание... как для Туниса, так и для других мусульманских стран»⁴⁰⁴.

Поэтому, выйдя из подполья после переходного периода в январе–ноябре 2011 г., «Ан-Нахда» активно включилась в кампанию по выборам в Национальное учредительное собрание и завоевала 23 октября 2011 г. 41% голосов и 89 из 217 мест депутатов. Совместно с двумя светскими партиями Демократическим фронтом за труд и свободу (ДФТС) и Конгрессом за Республику (КЗР), завоевавшими соответственно 20 и 29 депутатских мест, «Ан-Нахда» сформировала в конце декабря 2011 г. правительство во главе с генсеком партии Хамади Джебали⁴⁰⁵. Спикером Национального учредительного собрания стал генсек ДФТС Мустафа Бен Джаафар⁴⁰⁶, а обязанности президента были возложены на основателя партии Конгресс за Республику Монсефа Марзуки⁴⁰⁷.

Успех «Ан-Нахды», которой вообще-то предрекали завоевание не менее 40% мест, был примечателен еще и тем, что исламисты сумели обрести 9 депутатских мандатов среди впервые голосовавшей тунисской диаспоры во Франции, Италии, Германии и других странах Европы⁴⁰⁸. А здесь речь шла прежде всего о молодежи, в том числе получившей европейское образование и испытавшей влияние западной культуры. Очевидно, что в определенной мере партия сумела повлиять на весь тунисский электорат своей программой, опубликованной в сентябре 2011 г. В ней, в отличие от программных документов исламистов других стран, признавались «цивилизационная отсталость» Туниса от «западных наций», необходимость направить все силы на развитие «современных наук и технологий», на совершенствование управления. Наряду с признанием ислама «высшим источником, который вобрал в себя весь человеческий опыт», подчеркивалось особое значение «арабского языка и арабской словесности». «Лучшей гарантией демократии» провозглашался «республиканский строй», который гарантировал

«обеспечение достойной жизни, в том числе занятости, медицинского обслуживания, образования, уважения принципов, связанных с правами человека, исключая дискриминацию по половому признаку, цвету кожи, идеологическим соображениям или имущественному цензу. Этот строй подтверждает права женщины в обществе на образование, труд и участие в общественной жизни»⁴⁰⁹.

Казалось бы, программа почти не содержит сугубо исламских тезисов и должна была бы скорее успокоить, нежели беспокоить светски мыслящую часть населения. Однако уже в феврале 2011 г., т.е. почти за год до выборов в Тунисе, в Италии насчитали 5 тыс. беженцев из Туниса, не ждавших от выдвижения исламистов на первый план ничего хорошего⁴¹⁰. А победа исламистов на выборах вызвала в самом Тунисе демонстрацию протеста под лозунгами: «Мы не хотим на 14 веков назад! Уж лучше светский режим Бен Али!» После этого Юсра Хриги (дочь Рашида аль-Ганнуши) поспешила заявить, что «специфично исламское в партии лишь то, что она опирается на мусульманские ценности свободы и справедливости». А вскоре руководство «Ан-Нахды» согласилось на коалицию со светскими левоцентристами и центристами, и вообще на уважение «национального консенсуса»⁴¹¹. Есть также данные, что уступчивость аль-Ганнуши и его партии объяснялась их соперничеством с радикальными экстремистами (салафитами), считавшими приверженцев аль-Ганнуши «отступниками». При этом салафиты пользовались поддержкой Катара, одновременно громившего Ливию и вмешивавшегося в уже начавшиеся неурядицы в Сирии⁴¹².

С самого начала событий в Тунисе в 2010–2011 гг. они были восприняты частью востоковедов нашей страны (да и за ее рубежами) как «движение нового типа – революция образованной молодежи»⁴¹³. Однако довольно быстро выяснилось, что это движение было скорее стихийным и эмоциональным, а на своем исходе – попавшим под влияние извне. В частности, ныне признано довольно серьезное влияние на арабскую «образованную молодежь», явившуюся авангардом выступлений 2010–2011 гг., западных кругов, даже направлявших через Интернет и по социальным сетям выступления молодежи. Тем более что тунисскую молодежь, значительная часть которой училась во Франции и испытала в той или иной мере воздействие чрезвычайно влиятельных во Франции левых сил, можно довольно легко увлечь лозунгами «за свободу и демократию». А в Тунисе к концу правления Бен Али остро ощущалась нехватка не только свободы и демократии, но и элементарного доверия к погрязшим в коррупции властям.

В этом плане концепция бунта возмущенной казарменным деспотизмом Бен Али молодежи вполне понятна и обоснованна. Но я бы не сводил к ней анализ происходившего в Тунисе в 2010–2011 гг. и в дальнейшем. И не исключал бы влияния внешнего фактора, уже достаточно подробно рассмотренного и, как мне представляется, доказанного⁴¹⁴. В литературе 2013–2014 гг., в том числе отвергающей воздействие извне на события в Тунисе, я нашел дополнительные факты в пользу моей точки зрения. В частности, речь идет о широко известном египетском социологе и политологе Самире Амине, считающем произошедшее в Тунисе реализацией «проекта Соединенных Штатов и Европы», а Катар – тем, кто выступил «главным спонсором здешней революции» (а ее поджигателем – телеканал «Аль-Джазира»). Наконец, визит в Тунис эмира Катара на празднование 14 января 2012 г. (т.е. к первой годовщине событий в Тунисе), очевидно, тоже говорит о многом, тем более если учесть поддержку им тунисских салафитов⁴¹⁵.

Надо принять во внимание и идейно-политический климат, установившийся в Тунисе после свержения Бен Али. О нем впервые было сказано 1 марта 2011 г. бывшим активистом левого движения «Перспективы» Жильбером Наккашем, отметившим, что у гражданского общества в Тунисе «нет руководства» и поэтому у тунисцев могут «украсть» их революцию. В июне того же года профессор-политолог Хамади Редиси признал, что в Тунисе стало небезопасно придерживаться светских взглядов и что Тунисская ассоциация за продвижение светской культуры де-факто заморозила свою деятельность⁴¹⁶. Об этом же свидетельствовала легализация в августе 2012 г. Партии исламского освобождения, возникшей в Тунисе как небольшая группа в 1963 г., но никогда не получавшей разрешения на свою деятельность⁴¹⁷.

Надо отдать должное исламистам: в отличие от их собратьев в Египте, они в Тунисе вели себя «скромно», т.е. мудро и осторожно, с учетом настроений широких слоев населения. В частности, председатель «Ан-Нахды» Рашид аль-Ганнуши, не претендуя на какой-либо государственный пост, даже не стал выдвигать свою кандидатуру в парламент и предпочел роль чисто духовного «вождя революции», в качестве какового он очень активно выступал публично, ездил за границу, всячески проповедуя деятельность своей партии как «умеренно-исламистской». Это обстоятельство, как и общая обстановка в Тунисе, не способствовали успехам светских партий, которые не смогли сплотиться перед общей угрозой и потерпели неудачу на выборах 23 октября 2011 г. Демократическая

прогрессивная партия (ДПП) Майи Джриби получила всего 16 мест в парламенте⁴¹⁸. Единственный блок левых – (ДМП) Демократический модернистский полюс (созданный в апреле 2011 г. по призыву движения «Таждид», т.е. «Обновление») – завоевал всего 5 мест депутатов. Еще меньше (3 места) получила Тунисская коммунистическая партия рабочих (ТКПР)⁴¹⁹. Еще 5 мест получила Партия инициативы Камеля Моржана (бывшего министра Бен Али, которому было запрещено баллотироваться в депутаты), 4 места – «Тунисские перспективы» (молодежная группировка во главе с гражданином США). Конкурентом «Ан-Нахды» выступила в общем-то идейно близкая ей «Народная петиция за свободу, справедливость и развитие», созданная лондонским бизнесменом (со смешанным англо-тунисским гражданством) Мухаммедом аль-Хашми Хамди, когда-то (в 1978–1992 гг.) бывшим в Тунисе лидером студентов-исламистов. Поссорившийся с аль-Ганнуши и оставшийся поэтому в Англии аль-Хашми Хамди в парламент не баллотировался, но его «Народная петиция» все же завоевала в парламенте 26 мест⁴²⁰.

Таким образом, в Национальном учредительном собрании оказались из 217 депутатов 115 исламистов, что объяснялось умелой их тактикой, длительными их преследованиями и при Бургибе, и при Бен Али, что вызвало сочувствие определенной части народа, и ухудшением социально-экономического состояния страны, улучшить которое обещали исламисты. Важным, хотя и не решающим, моментом сложившейся в Тунисе ситуации явилось также в 2010–2011 гг. резкое возрастание числа политических партий – с 9 до более 100, из которых 81, участвуя в предвыборной борьбе, не столько ориентировала, сколько запутывала избирателей, чему способствовало сходство большинства их абстрактных лозунгов (все – сплошь за «свободу и демократию»), исчезновение привычного для всех ДКО (распущенного по решению суда 9 марта 2011 г.) и неподготовленность большинства тунисцев к буквально «обрушившейся» на них многопартийности. Поэтому на выборы и пришли всего 55% имевших право голоса и при этом сумевших разобраться в лозунгах соперничавших партий. Разумеется, среди них наиболее простым, понятным и привлекательным был лозунг, выдвинутый аль-Ганнуши: «Ислам плюс демократия – вот наилучшее сочетание»⁴²¹.

Однако среди исламистов немало было и тех, кто хотел бы превратить Тунис в подлинно клерикальное государство. Например, премьер-министр Х. Джебали 15 ноября 2011 г. заявил: «Мы стоим на пороге исторического момента, возможно, шестого Халифата»⁴²².

Но он этим лишь вызвал возмущение сторонников светского строя. Борьба клерикалов и светских либералов в конце концов завершилась 26 марта 2012 г. сохранением 1-й статьи конституции (принятой еще в 1956 г.), в которой говорилось о суверенности Туниса, его религии – исламе, а также о его арабском языке. Исламисты требовали особо подчеркнуть исламский характер Туниса и прежде всего значение шариата как основного источника законодательства страны. Но в конечном итоге возобладало мнение Рашида аль-Ганнуши и близкого к нему министра юстиции Бхири: упоминать шариат нет нужды, так как законодательство Туниса «в целом не противоречит мусульманскому праву». На самом деле точка зрения Ганнуши – Бхири определялась во многом позицией светских партий КЗР и ДФТС, не желавших менять 1-ю статью конституции⁴²³. Поэтому споры между партиями весьма непрочной правящей коалиции продолжались. В частности, президент Монсеф Марзуки 24 августа 2012 г. сравнил «Ан-Нахду» с распущенным ДКО, вызвав (вернее, продолжив) конфликт с «нахдистами», а 1 декабря того же года он же объявил правительство Хамади Джебали не пользующимся доверием страны, вследствие этого застрывшей «на перепутье между провалом и возрождением»⁴²⁴.

Хамади Джебали подал в отставку 19 февраля 2013 г., как пишут М. Ф. Видясова и Т. И. Гасанбекова, «из-за разногласий в ареопаге ан-Нахды». Но, возможно, к этим разногласиям следовало бы присоединить также постоянное давление на исламистов со стороны светских партий, особенно КЗР и ДФТС, партнеров «Ан-Нахды» по правящей коалиции (так называемой Тройке). Да и высказывание Монсефа Марзуки в адрес кабинета Джебали тоже, очевидно, что-то значило при всей незначительности влияния Марзуки в тунисской элите 2010–2014 гг. Тем более отставка Джебали не означала серьезного изменения политики Туниса. Сменивший Джебали Али аль-Арайид был, как и его предшественник, ветераном «Ан-Нахды», а еще раньше – ДИН, и так же, как и многие исламисты, подвергался длительному тюремному заключению⁴²⁵.

Как видим, политическая ситуация в Тунисе была весьма неустойчивой. И исламисты, вроде бы победившие на выборах в октябре 2011 г. и сумевшие привлечь на свою сторону светские партии КЗР и ДФТС, вовсе не были хозяевами положения. Совсем не случайно их вождь аль-Ганнуши не занял после октября 2011 г. никакого поста в правительстве и даже в госаппарате Туниса, а в предвыборной программе «Ан-Нахды» («Голубой книге», считавшейся чуть ли не главной причиной их успеха)

не было традиционного зачина «Во имя Аллаха милостивого, милосердного». Вместо этих слов стояли другие – «За свободный, справедливый и развивающийся Тунис». Подобным образом могла озаглавить свою предвыборную программу любая светская партия Туниса, конкурировавшая с «Ан-Нахдой».

В тексте самой программы главное, что указывает на ее приверженность исламу, стал следующий тезис: «Ислам является высшим источником, который вобрал в себя весь человеческий опыт, доказавший свою действенность»⁴²⁶. Но далее речь идет о «свободе и независимости», «расцвете и прогрессе» Туниса, «ценности человеческой личности», «справедливости и уважении человека». Абзац об «укреплении творческих основ модернизации» предшествует абзацу о «почитании исламского учения», за которым следует абзац о приверженности «модели гражданского государства, которое заботится об общих интересах, защищает социальный мир, действует во имя экономического роста, стремится к укреплению общих и личных свобод, уважает основы демократии и равенства всех граждан в их правах и обязанностях». Стоит также обратить внимание на «уважение к труду как основе человеческого достоинства», на то, что «Ан-Нахда» «поддерживает творчество, инициативу, поощряет новаторов и изобретателей, стремится к возрождению добродетельных традиций и ценностей в сфере социальных отношений, правдивости, искренности, прозрачности, честности... и законности в деле извлечения прибыли». Вместе с тем «Ан-Нахда» выступает «за создание свободной социально ориентированной экономики, которая будет строиться на взаимодействии трех основных секторов: частного, государственного и кооперативного». При этом государство должно контролировать «социальное равновесие, регулируя движение на рынке, поощряя инициативу, творчество, честную конкуренцию и законное обогащение, проявляя при этом уважение к частной собственности и ее защищая». Далее высоко оценивались «роль молодежи» и «защита завоеваний женщины», охрана «устоев семьи», забота о «неимущих слоях»⁴²⁷.

Можно согласиться с М. Ф. Видясовой и Т. И. Гасанбековой, что победа «Ан-Нахды» на выборах в октябре 2011 г. в известной мере была обеспечена «соблазнами “Голубой книги”»⁴²⁸. Однако население Туниса было достаточно высоко политизировано (особенно в 20–80-е годы, т.е. в эпоху Бургибы, много сделавшего для политического просвещения и воспитания масс через агитацию новодустровцев, профсоюзов, молодежных, женских и других общественных организаций) и не дало себя провести⁴²⁹. Недовольство Бургибой

и Бен Али вовсе не толкнуло светски ориентированную часть тунисцев в объятия исламистов. Весь 2012 г. был заполнен ожесточенными спорами клерикалов и либералов по поводу последовательно сменявших друг друга других трех проектов новой конституции (главным образом по поводу объявления или необъявления ислама государственной религией, а шариата основным источником законодательства). Споры шли и о характере будущей республики, какой ей быть – президентской или парламентской, или «смешанной» (парламентско-президентской). Год завершился волнениями в ряде городов страны, где жители были доведены до крайности экономическими трудностями «революции свободы и достоинства» (как стали называть в Тунисе официально свержение Бен Али). При этом при столкновениях были ранены десятки человек⁴³⁰.

В результате 2012 г. стал временем более четкого размежевания политико-идеологических сил в стране. Исламисты по-прежнему стремились навязать тунисцам шариат и вслед за этим режим «теократии» (хотя официально его не упоминали). А их противники выступали за демократию (впрочем, формально исламисты – тоже), модернизацию и светский характер государства. Исламисты, делая ставку на постепенное завоевание власти (да и большинства голосов), ориентировались на довольно ненадежный блок с КЗР и ДФТС. Либералы, стремясь подорвать их позиции, в январе 2012 г. попытались создать контрблок из Демократической прогрессивной партии Майи Джриби, Республиканской партии и партии «Тунисские перспективы». Из этого ничего не вышло, однако вскоре, уже 11 февраля того же года, либеральный блок все же возник в составе первоначально приглашенных в него партий, а также Демократического модернистского полюса, партии «Ирада» («Воля») и Народной партии, фактически – последовательницы идей Гамаль Абдель Насера, которого она часто цитировала и «арабским социализмом», которым вдохновлялась. 9 апреля 2012 г. внутри этого блока ДПП и «Тунисские перспективы» слились с Республиканской партией. ДПП в ней доминировала: из 17 членов исполкома новой партии 10 были членами ДПП, а генсеком ее стала Майя Джриби. Значение этого события было ослаблено отколом от ДПП группировки «Демократический альянс»⁴³¹.

В свою очередь, ветеран «бургибизма» 85-летний Бежи Каид ас-Севси основал течение «Народное собрание идейного наследия Хабиба Бургибы» и провел в г. Монастир в марте 2012 г. встречу представителей некоторых мелких групп, образованных ветеранами официально распущенного ДКО, которые заявили о готовности

сплотиться на базе «бургибизма, реформаторства, толерантности и умеренности». Каид ас-Себси планировал объединить всю светскую оппозицию Туниса в рядах создаваемой им массовой партии «Призыв Туниса». Она была официально разрешена 6 июля 2012 г. В ее оргкомитет, кроме председателя Каида ас-Себси, вошли также левые синдикалисты и даже бывшие коммунисты. В сентябре 2012 г. был создан исполком «Призыва Туниса» из 39 человек. Генсеком партии стал профсоюзный активист Тайеб Баккуш, ответственным за внешние связи – бывший член ультралевой группы «Перспективы» Мохсен Марзук, ответственным за внутрипартийный регламент – бывший коммунист Буджамаа Ремили. Но наличие лиц с левой и даже ультралевой репутацией не определило лицо «Призыва Туниса». Характер партии формировал Каид ас-Себси, которого прозвали «вторым Бургибой». За это одни его восхваляли, а другие осуждали. В составе исполкома были и другие «бывшие левые» со сложной политической биографией. Как это обычно бывает в эпоху кризисов и переворотов (а Тунис именно такую эпоху переживает на рубеже XX–XXI вв.), люди нередко меняют свои взгляды и убеждения. В частности, в исполком «Призыва Туниса» вошел профессор экономики Махмуд Бен Рамдан, когда-то входивший и в руководство «Амнести Интернэйшенел», и в марксистское движение «Ат-Таждид» (бывшую компартию Туниса). Из этого движения Бен Рамдан вышел после того, как на его основе образовалась весной 2012 г. партия-коалиция Демократический и социальный путь, включившая в себя также такие левые (очевидно, для Бен Рамдана «слишком левые») объединения, как Демократический модернистский полюс и Тунисская партия труда (политическая ветвь знаменитого профцентра ВТСТ)⁴³².

В целом, однако, «Призыв Туниса» вовсе не был таким уж «левым». В него вступали прежде всего экс-члены ДКО (чей приход Каид ас-Себси особенно приветствовал) и перебежчики из других партий (КЗР, «Народная петиция»). Левые вступали в «Призыв», в основном опасаясь усиления исламистов. Но, наряду с «Призывом», возникали и действительно левые объединения, например образованная 20 октября 2012 г. Партия тунисских трудящихся (ПТТ), в которую вошли нелегальная Коммунистическая партия тунисских рабочих (КПТР), насчитывавшая, по разным данным, от 500 до 50 (!) членов в 1990–2000 гг., Объединенная партия патриотов-демократов (ОППД), в идеологии совмещавшая марксизм с панарабизмом, и еще ряд мелких групп. ПТТ и ОППД стали инициаторами формирования нового блока – Народного фронта⁴³³.

Глава 14

НАЧАЛО ХХІ ВЕКА В ТУНИСЕ И МЕТАМОРФОЗЫ «АРАБСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЕСНЫ»

Социально-политический кризис, переживаемый Тунисом на рубеже XX–XXI вв., рожден не только специфическими проблемами этой страны. Тунис всегда был связан со странами Магриба, Европы и Ближнего Востока, а также, в более широком аспекте, с миром ислама и арабской культуры. И естественно, все происходившее у арабов и мусульман в первую очередь, а также у европейцев (особенно – в зоне Средиземноморья) так или иначе влияло на Тунис. Более того, тунисцы сами шли в авангарде революционных событий, получивших название (далеко не заслуженное) «арабской политической весны».

Нам не так много известно об этой «весне». В основном она, по определению исследователя Гумера Исаева, – «серия антиправительственных выступлений и гражданских междоусобиц», начатых в 2010 г. и продолжающихся и ныне под флагом борьбы «за свободу и демократию», но уже в 2011–2012 гг. вставших совсем под другие знамена – исламизма, или политического ислама. Именно поэтому «арабская весна» стала переживать «ненастья», менявшие ее первоначальные цели и социополитическую направленность⁴³⁴. Особенно резко эта смена вех проявилась в Египте и Тунисе, где безработица поразила до 50% образованной молодежи, которая не могла найти себе места в жизни и применить свои знания. К этому добавилось ухудшение положения малосостоятельных слоев общества вследствие повышения цен на продовольствие транснациональными корпорациями⁴³⁵. Все это было использовано исламистами, создавшими партии и вооруженные отряды. Часть этих отрядов была переброшена из Египта в соседние страны, прежде всего в Сирию, но также в Ливию и Тунис. Но в самом Египте кипела борьба более 60 партий, крайне осложнившая положение опиравшегося на исламистов президента Мурси. Несмотря на финансовую помощь стран Залива,

исламисты (к тому же расколовшиеся на непримиримых салафитов и их противников) не смогли справиться с экономическими трудностями Египта и вынуждены были уступить место армии, традиционно игравшей с 1952 г. ведущую роль в политической жизни Египта. Президент Мурси (а вместе с ним и исламисты) был отстранен от власти в июле 2013 г. В мае 2014 г. страну возглавил командовавший армией фельдмаршал Абд аль-Фаттах ас-Сиси. В свою очередь, созданное противниками исламистов в Египте движение «Тамарруд» («Возмущение») начало содействовать организации групп аналогичной ориентации в Тунисе, Ливии и Сирии, где борьба с исламистами была в полном разгаре⁴³⁶.

Наряду с Египтом источником исламистской опасности для Туниса перестали быть Судан и Алжир. В Судане наиболее авторитетный (и получивший образование в университетах Европы) идеолог исламизма Хасан ат-Тураби практически утратил значительную часть своего влияния после разрыва с военным командованием страны и многолетнего пребывания в тюрьме⁴³⁷. Тем более дееспособность исламистов Судана уменьшилась после раскола страны на Юг, Север и, судя по всему, Запад (Дарфур). Что касается Алжира, то он, пережив две разрушительно-опустошительные войны 1954–1962 гг. и 1992–2002 гг. (последняя дата условна), получил, по выражению арабиста Б. В. Долгова, своего рода «прививку» от «исламистской бациллы», тем более что первая война стоила стране потери жизней 1,5 млн человек (по алжирским данным), а вторая – более 200 тыс. К тому же президент Бутефлика, правящий страной с 1999 г., проводил исключительно эффективную политику повышения минимальной заработной платы, строительства жилья (до 500 тыс. единиц), борьбы с безработицей, улучшения социальных условий жизни путем совершенствования системы снабжения населения природным газом, электроэнергией и питьевой водой (это – давняя проблема страны), расширения сети школ и профессиональной подготовки, либерализации СМИ и деятельности политических партий. Регулярно проводимые парламентские выборы дают большинство двум правительственным партиям – Фронту национального освобождения (ФНО) и Национально-демократическому объединению (НДО), – а также заметное представительство и партиям оппозиции, среди которых три партии умеренных исламистов, участвующих в выборах с 2002 г. Курс президента Бутефлики был одобрен народом, в частности, когда президент был избран 83,3% голосов в 2012 г. на четвертый срок до 2019 г.⁴³⁸

Было ясно, что исламисты Туниса не могли получить сколько-нибудь серьезной (а в некоторых случаях вообще какой-либо) поддержки из Египта, Алжира и Судана. Тем не менее их продолжали вдохновлять успехи исламских экстремистов в Ираке и Сирии. США, вторгшись в Ирак в 2003 г., уничтожили там национальное государство, спровоцировав политико-социальный хаос в стране с выходом на сцену различных исламистских группировок и резким обострением как межнациональных (между арабами, курдами, ассирийцами, турками и др.), так и межконфессиональных (между суннитами, шиитами, христианами, езидами и прочими) противоречий. Еще более тяжелые последствия имел разгром Ливии, где место уничтоженного интервентами США и их союзниками государства заняли два правительства и около 7 политических направлений, вступивших друг с другом в ожесточенную борьбу за власть и идеологическое доминирование, но также за территорию и месторождения нефти. Положение в Ливии настолько плачевно, что часть ливийцев даже стала выступать (при всей нелюбви к оккупантам, уничтожившим процветающую экономику страны и умертвившим более 50 тыс. ливийцев) за ввод в Ливию войск НАТО для возвращения в страну «порядка и спокойствия»⁴³⁹. Подобные просьбы вполне в интересах США, жаждущих «перестроить» Ближний Восток по-своему, только не знающих, как это сделать, да и не очень понимающих, что надо сделать. Одно лишь ясно – США довольны исчезновением Ливии в качестве военнотехнического партнера России и очень хотели бы так же поступить с Сирией и Алжиром, что лишило бы Россию и политико-стратегических позиций на Ближнем Востоке, и примерно четверти доходов, учитывая масштабы наших связей с Алжиром и Сирией⁴⁴⁰.

Постепенно «политическая весна» в арабском мире, разрекламированная как «возрождение демократии» и «революция достоинства», почти всюду превратилась в широкомасштабную гражданскую войну со множеством участников и не всегда ясными целями, но с довольно четким профилем противостояния светских и религиозных сил. Впрочем, во многих случаях аспект межрелигиозного противоборства выходит на первый план, прежде всего суннитско-шиитского (в Ливане, Ираке, меньше – в Сирии и Йемене), а также – противостояния межнационального (арабо-курдского в Ираке, турецко-курдского в Ираке и Сирии, арабо-турецкого там же). Обострению, осложнению и раздуванию всех конфликтов и противоречий этой войны очень способствовали и способствуют США, цель которых – «отсечь Китай

от углеводородов, ... а также выкинуть Россию из Средиземноморья»⁴⁴¹. Эти планы до недавнего времени пользовались поддержкой нефтедобывающих монархий Залива, заинтересованных и в устранении светских республиканских режимов как политических конкурентов, и в контроле над территориями Ближнего Востока, через которые проходят нефтепроводы, и в идеологическом доминировании над населением этих территорий, какового они лишились во второй половине XX в., т.е. в «эпоху Насера», начатую египетской революцией 1952 г.

Собственно, «арабская политическая весна» и явилась попыткой обратить историю вспять, вернув арабский мир на 50–60 лет назад, в чем оказались заинтересованы и США, и государства Залива. Не вызывает поэтому удивления быстрый рост хорошо организованных и вооруженных исламистов. Возникшая на рубеже 2-го и 3-го тысячелетия «Аль-Каида», порожденная в основном помощью (финансовой и всякой иной) стран Залива исламским экстремистам, участвовавшим в советско-афганской войне 1979–1989 гг., породила в дальнейшем ИГИЛ (Исламское государство Ирака и Леванта), по-арабски ДАИШ («Дауля Арабийя ли Ирак ва Шам», т.е. «Арабское государство Ирака и Великой Сирии»). ИГИЛ возникло в основном после захвата Ирака войсками США в 2003 г., прежде всего – на базе распущенных американцами армии и госаппарата Саддама Хусейна, а также подпольных кадров его партии Баас. У ИГИЛ – много опор. Помимо тех, которые были у «Аль-Каиды», хоть и сохранившейся, но ослабевшей, ИГИЛ сразу же стало питаться нелегальной торговлей нефтью, ограблением банков, угоном автомобилей, вымогательством. Его основа быстро (как и во времена афганской войны) обросла «добровольцами», многие из которых просто наемники. В 2014 г. их было всего до 80 тыс. человек. Но все решают 10–20 тыс. профессиональных военных в их среде. По разным данным, бюджет ИГИЛ – до 35 млн долл. в год. Но, по другим сведениям, этот бюджет – до 4 млн долл. в день (!), а регулярная оплата боевика – 200 долларов в месяц (+ «премии»). Их вооружение равно вооружению 3 дивизий средней армии Запада и состоит из снайперских винтовок, минометов, противотанковых орудий, тяжелых пулеметов, гранатометов, танков и вездеходов. Благодаря этому, а также наличию военных профессионалов ИГИЛ в 2014 г. контролировало треть Ирака и четверть Сирии (всего – 90 тыс. кв. км). Рассылаемые ИГИЛ эмиссары создавали по всему Ближнему Востоку и на севере Африки «спящие ячейки» с тысячами сторонников⁴⁴².

Разумеется, эти успехи «Аль-Каиды» и ИГИЛ, как и других организаций исламистов от Марокко до Йемена, не могли не подбодрить их единомышленников в Тунисе. Но в Тунисе был все-таки иной социально-политический климат, более близкий к алжирскому и испытывавший большее влияние политической культуры, да и общей культуры Франции, что сказывалось даже на позиции «Ан-Нахды». Однако, по мере эволюции обстановки на Ближнем Востоке и осознания левыми и просто светскими силами Туниса реального положения в стране, взгляды и настроения сторон менялись. «Ан-Нахда», судя по всему, имела основания опасаться Народного фронта, который возглавили адвокат Шукри Белаид и Мухаммед Брахими, специалист по менеджменту и бухгалтерскому учету, бывший лидером Объединенной партии патриотов-демократов. Очевидно, их деятельность (особенно выступления на митингах и демонстрациях) вызвала опасения «Ан-Нахды», ибо вскоре оба лидера Народного фронта были убиты. Убийцы не были обнаружены, однако общественное мнение (разумеется, светское) единодушно обвинило во всем «Ан-Нахду». Во-первых, потому что Народный фронт объединил действительно левые организации, считавшие необходимым бороться против клерикальной реакции. А во-вторых, потому что в Тунисе после бегства Бен Али возникла сеть «Национальных лиг в защиту революции», о которой многие тунисцы открыто говорили, что это вооруженное подполье есть не что иное, как «второе дно Ан-Нахды». Еще в феврале 2012 г. светская оппозиция при поддержке председателя Национального учредительного собрания Мустафы Бен Джаафара требовала роспуска «Национальных лиг», но нахдисты сумели провалить и это, и последующие требования о роспуске лиг. В результате 6 февраля 2013 г. был убит Шукри Белаид. Это убийство не было раскрыто, что явно поощрило убийц: 25 июля 2013 г. был убит Мухаммед Брахими, причем из того же оружия, что и Шукри Белаид (это доказала экспертиза). Похороны Ш. Белаида на кладбище Джелляз превратились в массовую демонстрацию протеста, объединившую, кстати, верующих и неверующих. А через день после убийства М. Брахими девять партий создали Фронт национального спасения (ФНС), вскоре расширивший свои ряды за счет либеральных и левых группировок⁴⁴³.

Но исламисты тоже не дремали. Созданная салафитами организация «Ансар аш-шариа» («Поборники шариата») требовала не только объявить шариат основным источником законодательства, но и «единственной правовой системой страны». Правительство под

давлением исламистов легализовало 11 мая 2013 г. просалафитский Фронт реформы, а за 3 месяца до этого – ретроградную Ассоциацию бдительности и исправления (ранее называвшуюся «Комитетом призыва к добродетели и пресечению греха»). Салафиты регулярно провоцировали конфликты с властями, заменяя национальные флаги Туниса своими черными знаменами, требуя ввести шариат и т.п. В их акциях принимали также участие Фронт реформы, запрещенная ПИО, группа «Вафа» («Верность»). При этом власти вели себя непоследовательно. Запретив «Ансар аш-шариа» и арестовав их лидера Абу Йаза (ранее уже осужденного за убийство лидера афганских моджахедов Ахмада Шаха Масуда), правительство «проглядело» в 2012 г. съезд «Ансар аш-шариа» в Кайруане, проходивший без всякой конспирации, но запретило его в 2013 г., что вызвало массовые драки салафитов с полицией под крики «Аллах акбар! Мы хотим исламское государство!»⁴⁴⁴.

В подобной обстановке постоянного нагнетания напряженности Национальное учредительное собрание приступило к обсуждению проектов конституции в январе 2014 г., хотя радикальные исламисты неустанно требовали «вести в Тунисе шариат, а не возиться с конституцией». Но дело затягивалось: правительственные партии («Тройка», включая «Ан-Нахду») формально высказывались за «национальный диалог», т.е. компромисс со светской оппозицией, но на деле все время оттягивали решение вопроса. Этим пользовались экстремисты, в частности ПИО, созывавшая митинги и демонстрации под лозунгом «Народу нужен Халифат, а не национальный диалог». Весь этот период колебаний, оттяжек и споров сопровождался развалом некоторых партий-скоропелок, прежде всего КЗР, генсек которой Абд ар-Рауф Айади фактически дезертировал из нее, увел за собой 9 депутатов (из 20) и создал вместе с ними партию «Вафа» сугубо исламистской и ксенофобской направленности. Осенью 2013 г. эта партия выступила за сотрудничество с «Ансар аш-шариа», которая еще в мае 2013 г. была запрещена правительством, а еще через 3 месяца – объявлена террористической. Фактически раскололась и «Ан-Нахда», часть руководства которой обвинила другую часть в «предательстве» революции, каковым было сочтено согласие на «национальный диалог». При этом обе фракции отвергали попытки аль-Ганнуши примирить их, а один из основателей партии Абд аль-Фаттах Муру в декабре 2013 г. заявил, что «Ан-Нахде» надо «отказаться от роли правящей партии»⁴⁴⁵.

После 23-дневного обсуждения в Национальном учредительном собрании в январе 2014 г. четвертый проект конституции был

утвержден 200 голосами из 222. Эта конституция считается наиболее демократичной в арабских странах, что способствовало некоторому успокоению умов. Однако и после этого продолжались споры по статье 6-й, объявлявшей государство и защитником религии, и гарантом свободы совести, а также запрещавшей «такфир», т.е. осуждение за «немусульманское поведение и одевание». Еще в декабре 2013 г. депутаты утвердили на посту главы «беспартийного» (как подразумевалось, переходного и компромиссного по своему составу) правительства Махди Джумаа⁴⁴⁶. Состав этого правительства формировался полтора месяца и тоже вызывал нарекания, так как в нем оказался непопулярный министр внутренних дел Лутфи Дждду (бывший следователь и генеральный прокурор области Кассерин, где он скомпрометировал себя неудовлетворительным расследованием дел о гибели в 2011 г. «шахидов революции»). Кроме того, в кабинете Джумаа было мало женщин, а тунисцы со времен Бургибы привыкли к тому, что присутствие женщин не просто украшает правительство, а является конкретным проявлением их равноправия, а также важным достижением социальной модернизации и прогресса. Тем не менее состав правительства был одобрен, хотя отношение к нему в народе было неоднозначным, прежде всего из-за разноречивых мнений о Дждду и подчиненной ему полиции: часть тунисцев относилась к ней отрицательно, другая – позитивно, ибо одобряла ее борьбу с террором экстремистов. Но были и те, кто считал ее усилия неэффективными⁴⁴⁷.

Сторонников этой последней точки зрения можно понять. Именно в самые напряженные месяцы жизни страны, с декабря 2013 г. по июнь 2014 г., салафиты из «Ансар аш-Шариа» сумели совершить террористические акты. По некоторым данным, при этом объединили свои усилия тунисская и ливийская секции «Ансар аш-Шариа». По другим сведениям, все они, как и прочие экстремисты, связанные с «Аль-Каидой» и действующие в высокогорном районе Кассерин, влились в состав более мощной и обладающей важными международными связями организации «Аль-Каида исламского Магриба» (АКИМ)⁴⁴⁸.

АКИМ возникла в 2006 г. как филиал «Аль-Каиды». Главной ее целью сначала была подготовка на военно-тренировочных базах исламистов в Сахаре и странах Магриба, затем – отправка их в Европу и на Ближний Восток, а после «стажировки» там обычно следовало (если «стажировка» прошла благополучно, что было скорее исключением из правила) возвращение на родину и проведение планируемых «Аль-Каидой» операций и ... воспитание

кадров боевиков для террора в Тропической Африке. Постепенно группировки исламистов из разных стран Магриба сближались, пополнялись (за счет, к сожалению, постоянно растущих численно сельских и городских низов) и совершенствовали свои методы борьбы, изучая боевой опыт тех, кто участвовал в гражданской войне в Алжире, в боевых действиях в Афганистане и Ираке, а с 2011 г. – в Сирии и Ливии. «А в дополнение к этому, – пишет исследователь Д. А. Нечитайло, – следует отметить, что интересы “Аль-Каиды” находятся как в Европе, так и в Магрибе – ведь это одна борьба за планетарное господство»⁴⁴⁹. Данное замечание 2011 г. еще более актуально ныне, в 2015–2017 гг., учитывая небывалый наплыв беженцев из стран Африки и Ближнего Востока в Западную Европу. Король Иордании Абдаллах II определил борьбу с исламизмом в качестве «третьей мировой войны», в которой участвуют «мусульмане, христиане и люди, исповедующие другие религии»⁴⁵⁰. И конечно, Тунис, хотя и старался держаться в стороне от межарабских распрей, не может не реагировать на всё происходящее в регионе Средиземноморья, чрезвычайно важным в геополитическом и военно-стратегическом отношении не только для арабов, но и для всего мира⁴⁵¹.

Но ряд особенностей Туниса ослабили воздействие на него «арабской политической весны». Это определяется отсутствием в стране традиций политического насилия и предпочтением массовых организованных действий в рамках партий и профсоюзов, безусловным влиянием политической культуры Франции и закреплением этого влияния благодаря более чем 60-летнему лидерству Хабиба Бургибы, большого поклонника всего французского, весьма сильной вестернизации буржуазии, интеллигенции и вообще всех образованных людей Туниса. Поэтому, хотя при свержении власти Бен Али в Тунисе погибло до 66 человек, это не вызвало дальнейшую эскалацию насилия, а призывы к нему главаря АКИМ не нашли отклика у тунисцев. Ранее упоминавшийся эпизод 2006–2007 гг. с группой террористов «Джунд Асад ибн Фурат» стал, в сущности, единственным примером попытки тунисских салафитов развернуть самостоятельно террористическую деятельность. Этот эпизод (с 14 жертвами) и предшествовавший ему эпизод 2002 г., также связанный с «Аль-Каидой» и стоивший жизни 21 человека на острове Джерба, по сути, исчерпывают список терактов исламских экстремистов в Тунисе⁴⁵².

Эта нелюбовь тунисцев к насилию и нежелание его применять в политической борьбе наряду с позитивным отношением

к «осторожному реформизму» (в котором всегда Бургибу обвиняли его противники) во многом определяла политический менталитет тунисцев в течение последнего столетия. Это очень мешало сторонникам крайних мер (не важно, «справа» или «слева») увлечь за собой сколько-нибудь значительную часть населения Туниса⁴⁵³. Но это вовсе не означало, что обстановка в Тунисе становилась спокойней. Митинги и демонстрации в основном под исламистскими лозунгами продолжались, как и борьба за «исламизацию» дебатирваемой в Национальном учредительном собрании конституции, в том числе уже после одобрения депутатами окончательного (четвертого по счету) текста Основного закона. Особенно усердствовали в этом деле исламисты из партий Фронт реформы, ПИО и «Вафа», а также «Ансар аш-шариа». Активисты последней, вопреки официальному запрету их деятельности, продолжали действовать и, находясь в подполье, даже избрали себе нового «эмира» – бывшего офицера спецслужб, ранее боровшегося с террористами. Разумеется, рано или поздно это должно было привести к выходу террористов, преследуемых очень избирательно или вообще не преследуемых, на политическую арену Туниса. К тому же с территории Ливии и (меньше) Алжира в страну вторгались банды террористов, спасавшиеся от преследований в своих государствах. Они довольно быстро находили контакт с исламистами Туниса, среди которых «Ан-Нахда», расколотая соперничеством разных фракций и лидеров, уже не была главной силой. Наиболее резко против светских тенденций в Тунисе выступал тогда Тунисский фронт исламских организаций, от имени которого 33 шейха и улема издали фетву, направленную против 6-й статьи конституции, касающейся свободы совести. В свою очередь, светские силы требовали роспуска «Национальных лиг защиты революции»⁴⁵⁴.

Идейно-политический хаос в стране выразился и в том, что в январе 2014 г. до 35% тунисцев высказали сожаление о временах Бен Али. Это обстоятельство, наряду с непрекращавшейся активизацией исламистов и усилением антиправительственных настроений среди левых и ультралевых (что выразилось в стычках крестьян и рабочих с полицией), побудило светские силы действовать. Они понимали, что иначе могут проиграть предстоящие новые выборы. Так, по опросам октября 2013 г., за «Призыв Туниса» готовы были голосовать 21,4% потенциальных избирателей, за «Ан-Нахду» 15,7%, за Народный фронт 6%. Учитывая, что всего в стране тогда было 185 партий, разобраться в которых у большинства электората просто не было возможности, спасти противников исламизма могло только

их единство. Оно, судя по всему, и было достигнуто на встрече занятого формированием правительства Махди Джумаа и лидера «Призыва Туниса» 87-летнего Бежи Каида ас-Себси. Содержание их переговоров осталось неизвестным, но, судя по последующему ходу событий, соглашение было достигнуто⁴⁵⁵.

Из опубликованного коммюнике заседания руководства «Призыва Туниса» ясно, что эта крупнейшая светская партия решила оказать поддержку правительству Джумаа при условии оздоровления им экономики, обеспечения внутренней безопасности, роспуска «Национальных лиг в защиту революции», нейтрализации влияния мечетей и расследования политических убийств, так и оставшихся не раскрытыми. «Призыв Туниса» в 2013 г. рассматривался многими как «хрупкая федерация» синдикалистов, левых и бывших членов ДКО и, подобно другим партиям, переживавший борьбу разных течений, постепенно выходил на доминирующие позиции, взяв на себя нелегкую задачу объединения всех антиэкстремистских сил страны. Под его влияние (и в какой-то мере руководство) попали ФНС и даже Республиканская партия, ревниво заботившаяся о своей независимости, а также Народный фронт как часть ФНС. Их руководителями, а также лидерами партии «Демократический и социальный путь» (образованной из экс-компартии «Таждид» и мелких левых партий) еще 29 января 2012 г. было подписано соглашение о создании блока «Союз за Тунис». Он явно создавался в предвидении новых выборов – и парламентских, и президентских. Уже в 2013 г. эксперты так оценивали шансы лидеров блока на пост президента страны: Бежи Каид ас-Себси – 19% голосов избирателей, действующий президент Монсеф Марзуки – 3%, экс-премьер (недавно покинувший пост генсека «Ан-Нахды») Хамади Джебали – 2,7%, другой экс-премьер Али аль-Арайид – 2%⁴⁵⁶.

Последние два претендента представляли исламистов, отнюдь не лидировавших в борьбе за электорат. Но более интересно, что на втором месте в этой борьбе фигурировал выдвинутый Народным фронтом Хамма Хаммами, основанный в 1986 г. Тунисскую коммунистическую партию рабочих (ТКПР) и с тех пор находившийся то в подполье, то в заключении, то в эмиграции. В конце концов ТКПР была переименована в 2012 г. в Партию тунисских трудящихся, а Хаммами стал ее генеральным секретарем. В 2013 г. его рейтинг как кандидата в президенты был равен 4%⁴⁵⁷. И лишь позади всех вышеперечисленных претендентов с намного более низкими рейтингами фигурировали такие известные деятели, как вождь «Ан-Нахды» Рашид аль-Ганнуши, лидер Республиканской

партии Неджиб Шебби, председатель Национального учредительного собрания и Тунисской лиги прав человека, а также партии ДФТС Мустафа Бен Джаафар, профсоюзный босс Тайеб Баккуш. Короче говоря, бурно кипевшая политическая жизнь Туниса вытала на авансцену многих деятелей. Но хотелось бы обратить внимание на то, что среди обладателей низкого рейтинга не было ничего общего, кроме связи с прошлым: почти все они, независимо от их политической ориентации, вошли в «политический класс» Туниса в периоды правления Бургибы и Бен Али. Народ уже не ждал от них важных решений, отвечавших новой обстановке. Исключением были только Каид ас-Севси (ввиду его твердой позиции против исламского экстремизма и симпатий к нему многочисленных в стране бургибистов) и Хамма Хаммами (как рабоче-крестьянский вожак, многое претерпевший при предыдущих режимах).

В 2014 г., по мере приближения выборов, политическая борьба в Тунисе не утихала. Махди Джумаа решил начать свою деятельность с чистки госаппарата от «неудачных» кадров управленцев. 28 февраля 2014 г. он заменил сразу две трети губернаторов провинций, сохранив на своих постах лишь шесть «политически нейтральных». Это было фактически выполнением требований оппозиции убрать из администрации функционеров, связанных с «Ан-Нахдой». Однако их в разных звеньях госаппарата было до 6,5 тыс. и, очевидно, избавиться от них быстро вряд ли удалось бы. К тому же террористы как отечественные, так и прибывшие извне не успокаивались, создавая тайники контрабандного оружия, совершая поджоги и подрывы зданий, распространяя листовки с угрозами⁴⁵⁸.

Не выполнив одно из условий поддержки его кабинета «Призывом Туниса» (обеспечить внутреннюю безопасность), Махди Джумаа не смог обеспечить и выполнение другого условия – оздоровления экономики. Еще 8 марта 2014 г. Джумаа фактически отказался от решения проблемы занятости, подчеркнув сложность ситуации в экономике, каковая грозила катастрофой, и призвал соотечественников подписываться на внутренний заем для пополнения госказны и сокращения дефицита бюджета⁴⁵⁹.

На состоявшихся в октябре 2014 г. выборах победила партия «Голос Туниса», объединившая к этому времени самый широкий блок светских сил от левых до правоцентристов и функционеров госаппарата Бургибы и Бен Али. По предварительным данным, «Голос Туниса», возглавляемый Бежи Каидом ас-Севси, получил в парламенте 80 мест, а «Ан-Нахда» – 67. Любопытно,

что исламисты сразу же признали, что у них второй результат, т.е. они не претендуют на доминирование в Ассамблее народных представителей⁴⁶⁰. Среди комментариев прессы по этому поводу хотелось бы подчеркнуть высказывание Гумера Исаева, по мнению которого, «Ан-Нахда» как бы «мягко самоустранилась» и на деле стала «частью системной оппозиции», что предпочтительнее, чем положение «братьев-мусульман» в Египте, которые в результате их неудачного противоборства за власть с армией оказались вообще вне системы⁴⁶¹.

Впрочем, Г. Исаев указывает, что, с одной стороны, «братья-мусульмане» в своем «полуподпольном и оппозиционном состоянии» при Садате и Мубараке хорошо себя чувствовали и развивались, хотя в глазах своих светских противников они оставались «замаскированными джихадистами», а в глазах своих соперников-салафитов «лицемерами и конформистами». В какой-то мере это напоминает и положение «Ан-Нахды» в Тунисе, пытающейся выглядеть «прилично» на фоне фанатиков-салафитов, что ей никак не помогает в противоборстве со светскими силами. В Египте примерно половина населения не разделяет идеалов «братьев-мусульман». В Тунисе долю приверженцев исламизма определить трудно, но она явно меньше, чем в Египте. Однако не вопрос религиозности населения является главным в обеих странах, а степень решенности или нерешенности социальных проблем. Экономика властно диктует населению всех арабских стран ту или иную линию поведения. Но, конечно, на политическую обстановку влияют и будут влиять идеологические течения, в том числе распространенные в соседних с Тунисом странах⁴⁶². К тому же в самом Тунисе руководство «Ан-Нахды», даже проводя внешне «законопослушную» политику, не отказывалось (особенно во время пребывания в правительстве министров-исламистов) от создания коранических школ и молодежных исламистских лагерей. Открывались телеканалы и создавались радиопередачи, цель которых состояла в пропаганде идей исламизма. Иными словами, в Тунисе еще ничего не решено, и борьба продолжается⁴⁶³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Camau M. La Tunisie. Paris, 1989. P. 5–7.
- ² La Tunisie en marche. Tunis, 1975. P. 17.
- ³ Ibid. P. 210; Попов В. В. Близкий Тунис. М., 2005. С. 3.
- ⁴ La Tunisie en marche. P. 211–212.
- ⁵ Ibid. P. 182; Попов В. В. Указ. соч. С. 3.
- ⁶ Согласно Ибн Халдуну, «берберы до двенадцати раз отрекались, прежде чем подлинная религия (ислам. – *Р. Л.*) укоренилась среди них» (Camau M. Op. cit. P. 16). Но они ее принимали в основном не в ортодоксальной форме, а в виде суфизма – мистического учения, поддерживающего культ местных «святых» (марабутов), своего рода посредников между верующими и Аллахом. В первой половине XX в. в Тунисе было 19 религиозных братств суфиев, в которые входили до 300 тыс. человек (Тунис (справочник). М., 1989. С. 3).
- ⁷ Camau M. Op. cit. P. 16.
- ⁸ Тунис (справочник). М., 1978. С. 28.
- ⁹ «В настоящее время по-берберски говорят лишь некоторые джербинцы – население о-ва Джербы – и жители двух или трех труднодоступных деревушек на юге Туниса» (Там же. С. 26). Их доля не превышает 2% (Tunisia. A Country. Study. Washington, 1970. P. 70).
- ¹⁰ Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Тунис – Алжир – Марокко. М., 1961. Т. 2. С. 306–310.
- ¹¹ Подробнее см.: Ланда Р. Г. Судьба морисков. М., 2013. С. 243–283.
- ¹² Монтгомери Уотт У., Какиа П. Мусульманская Испания. М., 1968.
- ¹³ Ле Турно Р. Новые ориентации берберов Северной Африки. Мусульманский мир. 950–1150 гг. М., 1981. С. 159.
- ¹⁴ Там же. С. 157–183; Леви-Провансаль Э. Арабская культура в Испании. М., 1967. С. 12–25; Ланда Р. Г. В стране Аль-Андалус через тысячу лет. М., 1993. С. 94–180.
- ¹⁵ Слово «мориск» (мориско) – уменьшительное от «мавр» (моро), по-испански означающее буквально «маленький мавр», но реально воспринимавшееся как «бывший мавр», «бывший мусульманин», якобы ставший испанцем-католиком. В подавляющем большинстве случаев это было не так, ибо мориски упорно отстаивали свою социокультурную самобытность, что и привело к их изгнанию из Испании в 1609–1614 гг.
- ¹⁶ Lapeyre H. Géographie de L'Espagne Morisque. P., 1959. P. 56–63, 130, 191–197, 203–205. Некоторые авторы, явно преувеличивая, считают, что морисков к моменту изгнания было 500–900 тыс. чел. (Lea H. The Moriscos of Spain. Their conversion and expulsion. New York, 1968. P. 359–360; Dominguez Ortiz A., Vincent B. Historia de los moriscos. Vida y tragedia de una minoria. Madrid, 1978. P. 83). Очевидно, они имеют

в виду изначальное число морисков в Испании сразу по завершении Реконкисты. Но известно, что в течение XVI в. численность морисков стремительно сокращалась за счет постоянной эмиграции, принудительной высылки, бегства в Африку под угрозой смерти и гибели многих морисков при попытках сопротивления репрессиям. Кроме того, очень многие погибли во время самой процедуры изгнания: на них нападали шайки католических фанатиков по дороге на корабли, многие погибли в столкновениях с войсками и специально присланной из Италии «гражданской гвардией» испанских колонистов, еще больше – были убиты матросами перевозивших их кораблей с целью ограбления. Часть их погибла уже по прибытии в Африку, брошенная без пищи и крова на милость полудиких кочевников, не признававших в морисках мусульман ни по языку (они все говорили на смеси арабского с испанским), ни по внешнему виду. Многие, столкнувшись с такой неожиданной враждебностью, постарались скорее покинуть Магриб и перебраться в Каир, деревни Сирии и Палестины (где их долго не принимали за своих, называя «спано»), в Стамбул и Салоники. В результате всех этих приключений в Северной Африке оказались всего 130 тыс. из 270 тыс. морисков, покинувших Испанию (Julien Ch.-A. Histoire de l'Afrique du Nord. P., 1966. T. 2. P. 264; Latham J. D. From Muslim Spain to Barbary. London, 1986. P. 406; Martinez F. Les morisques expulsés – «Morisques, Méditerranée et Manuscrits aljamiado». Zaghoun, 2003. P. 165–166).

¹⁷ Latham J. D. Contribution à l'étude de l'emigration andalouse et à sa place dans l'histoire de la Tunisie – «Etudes sur les moriscos Andalous en Tunisie». Madrid-Tunis, 1973. P. 26–28; Gafsi A. Monuments andalous en Tunisie. Tunis, 1993.

¹⁸ Saadaoui A. Testour du XVII-e du XIX-e siècles. Tunis, 1996; Zbiss S. M. Quelques sites andalous en Tunisie – «Awraq». Madrid, 1978. T. 1. P. 55–58.

¹⁹ Ланда Р. Г. Загуан – город морисков (Азия и Африка сегодня. 1995. № 11. С. 48–50; Он же. Загуан (Восток. 1996. № 2. С. 149–151); Frayssinhes S. Aragon y Tunez en parenteseo arquitectonico. Las aportaciones moriscos – «Melanges Louis Cardaillac». T. 1. P. 293–302.

²⁰ В XVI–XVIII вв. Тунис грабили пираты Англии, Голландии, Флоренции, Венеции, Пизы, Ливорно, Неаполя, Сицилии, Мальты и даже папского Рима (Bono S. I corsari berbareschi. Torino, 1964. P. 164; Valensi L. Le Maghreb avant la prise d'Alger. P., 1960. P. 62).

²¹ Bachrouch T. Formation barbaresque et pouvoir à Tunis au XVII-e siècle. Tunis, 1977. P. 59, 63; Etudes sur les moriscos andalous. P. 125–127; Djelloul N. Les fortifications côtières ottomanes de la Regence de Tunis (XVI–XIX siècles). Zaghoun, 1995. T. I. P. 14–35.

²² Temimi A. Las influencias de los moriscos andalusiés en la sociedad magribina (el ejemplo de Tunez («Huellas literarias e impactos de los moriscos en Tunez y en America Latina – Actas del XI-e congreso de estudios moriscos. Tunis, 2005. P. 212–225.

²³ Islam: storia e civiltà. Roma, anno VII. 1988. № 2. P. 115–132. К характеристикам Темими и Крести можно добавить обобщение известного французского магрибиста Жака Берка: «После падения Кордовы мусульманская Испания отступила на север Африки. Беженцы со своей техникой и капиталами последовательными волнами разместились от Рабата до Туниса... Они принесли с собой много нового в деле выращивания фруктов, строительства жилья и мануфактурного производства» (Berque J. *Le Maghreb entre deux guerres*. P., 1969. P. 144).

²⁴ Ланда Р. Г. Мориски в Магрибе. Вопросы истории. 1997. № 3. С. 58; Djelloul N. Op. cit. P. 166–217, 343, 345; Chater K. *Le fait andalou dans la Tunisie du XIX-me siècle // Religions, Identité et Sources Documentaires sur les Morisques Andalous*. Tunis, 1984. T. 1. P. 165–162.

²⁵ Latham J. D. *From Muslim Spain to Barbary*. P. 32–40; Zbiss S. M. Op. cit. P. 57; *Les Cahiers de Tunisie*. Tunis, 1970. XVIII. P. 149–169.

²⁶ *Etudes sur les moriscos Andalous...* P. 265–270.

²⁷ Camau M. Op. cit. P. 26.

²⁸ Жюльен Ш.-А. Указ. соч. С. 355–3564 Tunisia. A country study... P. 24–26.

²⁹ Жюльен Ш.-А. Указ. соч. С. 357–358; Тунис (справочник). С. 65–66; *La Tunisie en marche*. P. 41–42.

³⁰ Жюльен Ш.-А. Указ. соч. С. 359; Ланда Р. Г. История арабских стран. М., 2005. С. 128–130.

³¹ Ланда Р. Г. Указ. соч. С. 131; Тунис (справочник). С. 67.

³² Tunisia. A country study... P. 26–27.

³³ Ibid. P. 27; *La Tunisie en marche*. P. 42–43.

³⁴ Тунис (справочник). С. 68–69; Ланда Р. Г. История арабских стран. С. 166–167; Tunisia. A country study... P. 28–30.

³⁵ Camau M. Op. cit. P. 39–41.

³⁶ Ibid. P. 41–42; *La Tunisie en marche*. P. 42–43; Tunisia. A country study... P. 29–32.

³⁷ Ланда Р. Г. История... С. 167–168; Tunisia. A country study... P. 31–32.

³⁸ Таких столкновений в 1871–1881 гг. было 2365. Но именно стычка с племенем кумиров 1881 г. послужила поводом для оккупации Туниса.

³⁹ Camau M. Op. cit. P. 42–43; *La Tunisie en marche*. P. 43; Tunisia. A country study... P. 32–33.

⁴⁰ Тунис (справочник). С. 71; Tunisia. A country study... P. 33.

⁴¹ По мнению экспертов Американского университета в Вашингтоне в 1970 г., режим протектората пошел Тунису будто бы на пользу, «преуспев там, где тунисские реформаторы не сумели модернизировать управление, и дав Тунису правительство, способное эффективно собирать налоги, обеспечить торжество законов, применяемых по всей

стране, и стимулировать рост структур современного экономического и социального обеспечения. Финансовые дела строго контролировались, и постепенно Тунис достиг финансовой стабильности и даже процветания. Под руководством французов были построены железные дороги, больницы, школы и санитарные учреждения. Инвестиции корпораций Франции создали современный аграрный сектор, специализирующийся на производстве оливок и винограда... Стали разрабатываться тунисские запасы фосфатов». Эксперты лишь потом пояснили, для кого и с какой целью это все делалось, подчеркнув, что все это осуществлялось, дабы «охранять французские инвестиции в Тунисе» и доходы «кучки французских компаний и крупных землевладельцев» (Tunisia. A country study... P. 33–34).

⁴² Ibid. P. 33–35.

⁴³ Ibid. P. 35–37.

⁴⁴ Чихачев П. А. Испания, Алжир, Тунис. М., 1975. С. 230–231; Tunisia. A country study... P. 38.

⁴⁵ История Востока. М., 2006. Т. V. С. 208.

⁴⁶ Там же. С. 208–209; Видясова М. Ф. Джихад без войны. М., 2005. Т. 1. Кн. 1. С. 313–315; Soumille P. Européens de Tunisie et questions religieuses (1892–1901). Étude d'une opinion publique. Paris, 1975. P. 5–12; Tunisia. A country study... P. 38.

⁴⁷ Soumille P. Op. cit. P. 35.

⁴⁸ Ibid. P. 35–39.

⁴⁹ Ibid. P. 42–45.

⁵⁰ Ibid. P. 49–52.

⁵¹ Ling D. L. Tunisia. From Protectorate to Republic. Bloomington – London, 1967. P. 36.

⁵² Tunisia. A country study... P. 39.

⁵³ Ibid. P. 39–40; История Востока, 2006. Т. V. С. 209.

⁵⁴ Тунис (справочник). С. 72–75; Ling D. L. Op. cit. P. 106.

⁵⁵ История Востока. 2006. Т. V. С. 209; Tunisia. A country study... P. 39–40; Ling D. L. Op. cit. P. 105–109.

⁵⁶ Тунис (справочник). С. 74; Tunisia. A country study... P. 40; Tunisie en marche. P. 44.

⁵⁷ Тунис (справочник). С. 73; Ling D. L. Op. cit. P. 115.

⁵⁸ Иванов Н. А. Кризис французского протектората в Тунисе (1918–1939 гг.). М., 1971. С. 41.

⁵⁹ Там же. С. 39–40; Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 81; История Востока, 2006. Т. V. С. 209–210; Tunisia. A country study... P. 40.

⁶⁰ Tunesien und Algerien. Ein protest gegen französische Gewaltherrschaft. Berlin, 1916. S. 5, 7, 21–30.

⁶¹ Лишь в 1915 г. младотунисцам удалось поднять на юге Туниса

восстание, во главе которого оказались братья Али и аль-Хадж Саид аль-Латифы. Но в июне 1916 г. оно потерпело поражение. Лишь небольшая часть повстанцев, отступив на территорию Ливии, вплоть до 1918 г. нападала на французские посты на тунисско-ливийской границе (См.: Тунис (справочник). С. 74).

⁶² Ageron Ch.-R. *Les Algériens musulmans et la France* (1871–1919). P., 1968. P. 1177–1182.

⁶³ *La Tunisie en marche*. P. 45.

⁶⁴ *Tunisia. A country study...* P. 40.

⁶⁵ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 34–36; Тунис (справочник). С. 75.

⁶⁶ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 36–38.

⁶⁷ Там же. С. 87–88; Camau M. *Op. cit.* P. 44.

⁶⁸ *Annuaire statistique de la Tunisie*. Tunis, 1948. P. 62.

⁶⁹ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 91; *Annuaire statistique de la Tunisie*. Tunis, 1947. P. 96.

⁷⁰ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 92; Bourguiba H. *La Tunisie et la France. Vingt-cinq ans de lutte pour une coopération libre*. P., 1954. P. 154; *Tunisia. A country study...* P. 34–38.

⁷¹ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 93; Тунис (справочник). С. 72.

⁷² Ling D. L. *Op. cit.* P. 102–103.

⁷³ *Ibid.* P. 103, 252. Среди преследуемых было немало европейцев, обычно доминировавших среди коммунистов и социалистов. Имело значение также преобладание среди европейцев Туниса итальянцев – 85 тыс. из 143 тыс. европейцев в 1921 г., 91 тыс. из 195 тыс. в 1931 г. С учетом «неофранцузов» их было еще больше (Agulhon M. Nouschi A., Schor R. *La France de 1914 à 1940*. Tours, 1993. P. 189–190).

⁷⁴ Жак Берк в своих мемуарах отмечает «некоторое влияние на местных жителей Туниса», оказываемое в 20-е годы лидерами коммунистов Лузоном и Финидори (руководителем профсоюзов) (См.: Berque J. *Le Maghreb entre deux guerres*. P. 386). Не меньшее беспокойство вызывало у «сеньоров» колонизации участие тунисцев в деятельности Межколониального союза, особенно создававшейся им в 1923–1926 гг. федерации магрибинских рабочих (меньше – мелких торговцев и учащих в во Франции), названной впоследствии «Североафриканская Звезда», среди руководителей которой были и тунисцы Али аль-Джазири и Шадли Хайраллах. Одно время Ш. Хайраллаху было доверено даже руководство «Звездой» как либеральному демократу, «официально искавшему союза с коммунистами» на основе «критики соглашательства буржуазии с империализмом» [*Revue algérienne des sciences juridiques, économiques et politiques* (далее – RASJEP). Alger. 1972. 4/ P. 930–931, 942].

⁷⁵ Ben Miled, Ahmed. Mhamed Ali. *La naissance du mouvement ouvrier tunisien*. Tunis, 1984. P. 22–23.

⁷⁶ Spielmann V. Critiques et commentaires de l'étude du problème de l'entente et de la coopération des races. Alger, 1923. P. 21.

⁷⁷ Abbas F. La nuit coloniale. Paris, 1962. P. 74–75, 225–227.

⁷⁸ Afrique française. 1927. № 5. P. 196.

⁷⁹ Kraiem, Mustapha. Le Fascisme et les Italiens de Tunisie (1918–1939). Tunis, 1987. P. 10–12.

⁸⁰ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 95.

⁸¹ Там же. С. 95–96; Ling D. L. Op. cit. P. 104.

⁸² Soumille P. Op. cit. P. 178–187.

⁸³ Ling D. L. Op. cit. P. 104; Tunisia. A country study... P. 43–44.

⁸⁴ История Востока. 2006. Т. V. С. 211–212.

⁸⁵ Переехав в Италию, К. Кардинале вынуждена была заново учить классический итальянский язык, ибо гораздо лучше знала французский, более распространенный среди европейцев Туниса.

⁸⁶ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 96–98; Danan V. M. La vie politique à Alger de 1940 à 1944. P., 1963. P. 78; Ling D. L. Op. cit. P. 104.

⁸⁷ Kraiem, Mustapha. Op. cit. P. 17–21.

⁸⁸ Ibid. P. 24, 32–33. Неравенство было даже среди колонистов: 2380 итальянцев в 1937 г. владели 70 тыс. га земель, в то время как 2185 французов распоряжались примерно 600 тыс. га (Agulhon M., Nonschi A., Schor R. Op. cit. P. 191).

⁸⁹ Kraiem M. Op. cit. P. 34–35. Русские в Тунисе – в основном потомки моряков Российской Императорского флота, после завершения Гражданской войны в России прибывших из Севастополя в Бизерту в декабре 1920 г. в составе 6388 человек, примерно на 40 судах. По соглашению с правительством Туниса, 300 из них были поселены в Айн-Драхме, 100 – в Табарке, 100 – в Монастире. Из них потом к 1925 г. остались в Тунисе 700 человек, в том числе 149 в Бизерте. Остальные уехали, главным образом во Францию и Югославию (Попов В. В. Близкий Тунис. М., 2005. С. 8–12). По другим данным, в Бизерту тогда прибыло 5600 русских. Большинство из них нашли работу в окрестностях Бизерты, но зарабатывали не более 1/4 окладов французов и итальянцев (Советский Союз и Тунис. М., 2012. С. 15).

⁹⁰ Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 103, 111–115.

⁹¹ Коммунистический Интернационал. 1939. № 2. С. 62.

⁹² История Востока. 2006. Т. V. С. 95, 206.

⁹³ Там же. С. 97; Иванов Н. А. Указ. соч. С. 240–241; Kraiem, Mustapha. Op. cit. P. 24–25.

⁹⁴ Agulton M., Nonschi A., Schor R. Op. cit. P., 245.

⁹⁵ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 240.

⁹⁶ Kraiem, Mustapha. Op. cit. P. 170–173. Пожалуй, самой крупной акцией фашистов явилось нападение нескольких десятков «наиболее

известных из них», вооруженных железными прутьями, 19 февраля 1937 г. на антифашистов, освиставших в кинотеатре «Миди-Минюи» итальянский фильм, восхвалявший речь министра иностранных дел Италии графа Чиано (зятя Муссолини) и операции итальянских войск в Испании. Всей этой бандитской акцией лично командовал директор фашистской газеты «Унионе» в Тунисе Сантамария.

⁹⁷ Kraiem, Mustapha. Op. cit. P. 172–174. Характерно, что консульство Италии в Тунисе подвергало санкциям тех молодых фашистов, «которые спасались бегством от левых манифестантов».

⁹⁸ Ibid. P. 173–179; Себа П. Тунис. М., 1953. С. 165.

⁹⁹ Piquet V. La Colonisation Française dans l'Afrique du Nord. Paris, 1912. P. 394.

¹⁰⁰ Ling D. L. Op. cit. P. 99–100.

¹⁰¹ Agulhon M., Nouschi A., Schor R. Op. cit. P. 185, 224–225; Tunisia. A Country study. P. 108–112. А. Таальби (1874–1944) – потомок алжирского марабута Сили Таальби. Его дед – кадий (шариатский судья) покинул Алжир, переехав в Тунис. Сам Абд аль-Азиз получил богословское образование в университете Аз-Зитуна (отсюда – его звание «шейх»). Много ездил по странам ислама. Не раз подвергался преследованиям за свои неортодоксальные религиозные взгляды. Испытал прямо противоположные влияния от Мухаммеда Риды, приверженца идей «салафийи», и панисламиста Мустафы Кямиля до социалистов Туниса начала XX в. С 1909 г. сблизился с движением младотунисцев, в котором постепенно выдвинулся как духовный лидер. Пытался добиться обсуждения тунисского вопроса на Парижской мирной конференции в 1919 г., но неудачно. За публикацию памфлета «Тунис-мученик» отбыл 9-месячное тюремное заключение. При этом ему было приписано французскими властями «слияние панисламизма с коммунизмом». Единственный резон для подобного обвинения – недолгий контакт с Марселем Кашеном, а скорее всего – просто страх правящих кругов Франции перед коммунизмом в начале 20-х годов (Видясова М. Ф. Джихад без войны. М., 2005. Т. 1. С. 441–444).

¹⁰² Tunisia. A Country study... P. 113.

¹⁰³ Ibid.

¹⁰⁴ Ibid. P. 113–114, 253.

¹⁰⁵ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 64–65.

¹⁰⁶ Там же. С. 63.

¹⁰⁷ Под большим влиянием этой программы находились не только традиционные националисты, но и многие искренние патриоты-западники. Например, будущий лидер Туниса Хабиб Бургиба, читая тайком этот текст в возрасте 16 лет, плакал под впечатлением всего узnanного о страданиях своего отечества (Lacouture J. Cinq hommes et la France. Paris, 1961. P. 11).

¹⁰⁸ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 92–95.

¹⁰⁹ Там же. С. 442–443; Иванов Н. А. Указ. соч. С. 46; Ling D. L. Op. cit. P. 115–116.

¹¹⁰ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 52–53; Berque J. Op. cit. P. 87, 89; Ziadeh, Nicolas A. *Origins of Nationalism in Tunisia*. Beirut, 1962. P. 95, 121. М. Ф. Видясова, не отрицая высокого авторитета и популярности Таальби, тем не менее указывает, что председателем Дустура официально он не был (Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 100).

¹¹¹ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 53–54; Ling D. L. Op. cit. P. 116–117.

¹¹² Ben Miled A. Op. cit. P. 24–26.

¹¹³ История Востока. 2006. Т. V. С. 210–211; Ling D. L. Op. cit. P. 117–118; Ben Miled A. Op. cit. P. 22–23. Бен Милед, конечно, явно «упростил» ситуацию, настаивая на идентичности требований коммунистов и дустуровцев. Они были схожи, особенно в вопросе о независимости, но в остальном – различны.

¹¹⁴ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 109–110; История Востока. 2006. Т. V. С. 212; Иванов Н. А. Указ. соч. С. 75–79; Ben Miled A. Op. cit. P. 63–76. А. Т. аль-Мадани, алжирец по происхождению, один из секретарей Дустура и глава халифатистов. В 1924 г. после ликвидации халифата правительством Ататюрка в Турции направил свергнутому халифу телеграмму с заверениями в преданности Дустура делу ислама (*Oriente Moderno*. Roma, 1924. P. 572). Вскоре был выслан французскими властями из Туниса в Алжир, где впоследствии выдвинулся как плодовитый историк, политический публицист и генеральный секретарь Ассоциации алжирских улемов.

¹¹⁵ Аль-Мадани, Ахмад Тауфик. Хайяту Кифах (Жизнь в борьбе). Алжир, 1973. Часть 1. С. 283–285; Ben Miled A. Op. cit. P. 76–78.

¹¹⁶ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 100; Иванов Н. А. Указ. соч. С. 77–82.

¹¹⁷ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 470–471; Иванов Н. А. Указ. соч. С. 110, 130, 159, 255, 265.

¹¹⁸ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 461, 463, 470; Ben Miled A. Op. cit. P. 93–96.

¹¹⁹ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 39.

¹²⁰ Ben Miled A. Op. cit. P. 95–96.

¹²¹ История Востока, 2006. Т. V. С. 211.

¹²² Ling D. L. Op. cit. P. 116.

¹²³ История Востока/ 2006. Т. V. С. 211; Тунис (справочник). С. 77; *Tunisia. A Country study*. P. 42.

¹²⁴ Kraiem, Mustapha. *Le Mouvement Social en Tunisie dans les Années trente*. Tunis, 1984. P. 49.

¹²⁵ Ibid. P. 51–56.

¹²⁶ Ibid. P. 86.

¹²⁷ Ibid. P. 86–87.

¹²⁸ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 99–106, 250–251; Berque J. Op. cit. P. 212.

¹²⁹ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 107–116; Максименко В. И. Политические партии в переходном обществе. Марокко, Алжир, Тунис в 20–90-е годы XX века. М., 1985. С. 159; RASJEP, 1972. № 4. З. 943–946.

¹³⁰ Мессали Хадж (1898–1971) – сын сапожника-полутурка. Был арестован в 1921 г. за пропаганду кемализма. С 1923 г. – рабочий, потом уличный торговец в Париже. Владея агитприемами, характерными для суфийских проповедников, и будучи одаренным оратором, очень ловко совмещал «исламские концепции, вынесенные из традиционной коранической школы, с эгалитаристскими социальными теориями, полученными от коммунистов» (Favrod Ch.-H. *La révolution algérienne*. Paris, 1959. P. 67).

¹³¹ *L'Afrique Française*. 1927. № 5. P. 184; № 6. P. 228; Nouschi A. *La naissance du nationalisme algérienne*. P., 1936. P. 61–62.

¹³² Саадаллах, Белькасем Аль-харака аль-ватанийя аль-джазаирийя (Алжирское национальное движение). Бейрут, 1969 (на араб. яз.). С. 433–434.

¹³³ Цит. по: Иванов Н. А. Указ. соч. С. 116.

¹³⁴ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 74–78. Лично не питая симпатий к коммунизму, Хабиб Бургиба, тем не менее, хорошо изучил его историю и политический опыт, кое-что заимствуя из него. Наиболее важны были заимствования организационной структуры и партийной дисциплины в духе «демократического централизма», а также тесная связь с рабочим движением. Последняя особенность отличала бургибистов от националистов других арабских стран.

¹³⁵ Там же. С. 82–83. Когда Раймон Пуанкаре был в 1913 г. избран президентом Франции, его кузен известный математик Анри Пуанкаре, хорошо знавший своего родственника, воскликнул: «Ну это же война!» Это высказывание было подхвачено и быстро стало крылатым.

¹³⁶ Там же. С. 84; Иванов Н. А. Указ. соч. С. 130.

¹³⁷ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 130–132.

¹³⁸ Там же. С. 132–134.

¹³⁹ Ling D. L. Op. cit. P. 118. Даже правая газета «Фигаро» во Франции недоумевала по поводу откровенного игнорирования Думергом чаяний тунисцев.

¹⁴⁰ Ibid. P. 119; Tunisia. A country study. P. 42.

¹⁴¹ Bourguiba H. Op. cit. P. 37–52. Надо учесть, что сенегальские стрелки, не знавшие ни грамоты, ни даже французского языка, использовались Францией для подавления народных выступлений во всех колониях от Северной Африки до Океании.

¹⁴² Ibid. P. 54–56; Иванов Н. А. Указ. соч. С. 134–135.

¹⁴³ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 125, 414; Иванов Н. А. Указ. соч. С. 158–159; Berque J. Op. cit. P. 290–291. Как считает Дуайт Линг, «доктор Матри воплощал достоинство и престиж новой партии, а Бургиба формулировал ее идеи и программу (Ling D. L. Op. cit. P. 119).

- ¹⁴⁴ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 160–161.
- ¹⁴⁵ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 126–129. Противоречивость характеристики Нового Дустура, помимо обстоятельств его возникновения, объясняется также сложностью личности самого Бургибы. «Убежденный сторонник свободы, демократии и прочих либеральных ценностей Запада, он отличался от западников своим довольно последовательным национализмом. Отстаивая сугубо светские идеалы, он принимал и учитывал роль ислама в политике... необходимость превращения... “Дустура” в действенную структуру с партийной дисциплиной и четкой идеологией» (История Востока, 2006. Т. V. С. 212).
- ¹⁴⁶ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 160; Berque J. Op. cit. P. 308–309.
- ¹⁴⁷ Иванов Н. А. В борьбе за независимость. М., 1957. С. 36.
- ¹⁴⁸ Иванов Н. А. Кризис французского протектората... С. 163–165; Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche. Paris, 1952. P. 80–81.
- ¹⁴⁹ Kraiem, Mustapha. Le Mouvement Sociel... P. 87, 95–96.
- ¹⁵⁰ Ibid. P. 107–109.
- ¹⁵¹ Ibid. P. 110–112.
- ¹⁵² Иванов Н. А. В борьбе за независимость. С. 37–39. Любопытно, что программа Народного объединения, т.е. совместная позиция коммунистов, социалистов и радикалов Туниса (в основном европейцев), мало чем отличалась от программы-минимум Нового Дустура, представленной Хабибом Бургибой 28 августа 1936 г. вице-министру иностранных дел Франции Пьеру Вьёко, по мнению Ш.-А. Жюльена, – одному «из наиболее здравомыслящих министров Третьей республики» (Julien Ch.-A. Op. cit. P. 85).
- ¹⁵³ Berque J. Op. cit. P. 9, 308.
- ¹⁵⁴ Le Neo-Destour et le Front Populaire en France. 1. Le Dialogue – 1936–1938. Avril 1969 [Tunisie]. P. 38.
- ¹⁵⁵ Иванов Н. А. Кризис французского протектората... С. 159.
- ¹⁵⁶ История Востока. 2006. Т. V. С. 212–213.
- ¹⁵⁷ Иванов Н. А. Кризис... С. 200.
- ¹⁵⁸ История Востока. 2006. Т. V. С. 213–214; Le Neo-Destour et le Front Populaire en France. 1. Le Dialogue – 1936–1938. P. 14–16.
- ¹⁵⁹ Tunisia. A country study. P. 42; Le Neo-Destour et le Front Populaire en France. 1. Le Dialogue – 1936–1938. P. 17–19. Лишь один из лидеров Всеобщей конфедерации тунисских трудящихся (ВКТТ) Белькасем Геннаун (заклученный в 1934–1936 гг. вместе с Бургибой в Бордж Ле-Беф) возражал против контроля Нового Дустура и вообще против «политизации» профсоюзов. Но за ним никто не пошел, и позднее он был исключен из руководства ВКТТ.
- ¹⁶⁰ Le Neo-Destour et le Front Populaire en France. 1. Le Dialogue – 1936–1938. P. 21.

¹⁶¹ Ibid. P. 22–23. Борьба между сторонниками Нового и Старого Дустура была местами жестокой: в Матёре и Беже в стычках погибли 3 человека, а газета стародустуровцев «Ирада» 3 октября 1937 г. изображала Бургибу и Матри с окровавленными руками.

¹⁶² Ibid. P. 23–24.

¹⁶³ История Востока. 2006. Т. V. С. 214. Альбер Сарро был дважды премьер-министром, 21 раз министром и дважды генерал-губернатором в колониях. Став воплощением традиционного колониализма, он органически был неспособен хоть что-то изменить в колониях Франции. Кроме того, он имел репутацию «селадона» (т.е. сентиментального донжуана) и часто пренебрегал делами, предпочитая развлечения.

¹⁶⁴ Le Neo-Destour et le Front Populaire... P. 24–25.

¹⁶⁵ Ibid., La Rupture mai 1969. P. 273–280.

¹⁶⁶ Ibid. P. 287–288.

¹⁶⁷ История Востока. 2006. Т. V. С. 214–215.

¹⁶⁸ Иванов Н. А. Кризис... С. 367–377.

¹⁶⁹ История Востока. 2006. Т. V. С. 215.

¹⁷⁰ Ling D. L. Op. cit. P. 123.

¹⁷¹ Ibid. P. 124; Tunisia. A country study. P. 44.

¹⁷² История Востока. 2006. Т. V. С. 215. Вражда националистов и ТКП особенно обострилась с 1939 г., когда ТКП вместе с соцпартией обвиняла новодустуровцев в связях с итальянским фашизмом, одновременно призывая противопоставить державам «оси» создание «французского сообщества, состоявшего из метрополии и колоний» (Иванов Н. А. Указ. соч. С. 384–386).

¹⁷³ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 267–268; Ling D. L. Op. cit. P. 124.

¹⁷⁴ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 291–293.

¹⁷⁵ Там же. Т. 1. Кн. 2. С. 11–12.

¹⁷⁶ Revue politique et parlementaire. 1945. № 547. P. 155.

¹⁷⁷ Видясова М. Ф. Джихад без войны. Т. 1. Кн. 2. С. 12–13.

¹⁷⁸ LeTourneau R. Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane. 1920–1961. Paris, 1962. P. 96.

¹⁷⁹ Ibid. P. 97–98; Ling D. L. Op. cit. P. 125–126.

¹⁸⁰ Бонт Ф. Дорога чести. М., 1949. С. 318; Рубакин А. В водовороте событий. М., 1960. С. 204.

¹⁸¹ Дарлан давно поддерживал контакт с США, ибо американцев режим Виши вполне устраивал, и они вели переговоры не только с Дарланом, но и с министром этого режима Пьером-Этьеном Фландэном, которому тоже предлагали возглавить правительство Франции «после высадки союзников». Впоследствии США остановили свой выбор на генерале Анри-Онорэ Жиро, с которым де Голлю пришлось вступить в ожесточенную политическую конкуренцию

(Juin A. Mémoires. Alger – Tunis – Rome. P., 1959. P. 69; Paillat Cl. L'échiquier d'Alger. P. T. 2. 1967. P. 32–33, 40, 47, 122–125).

¹⁸² Де Голль, Шарль. Военные мемуары. М., 1960. Т. 2. С. 82; Giraud, général. Un seul but, la victoire. Alger, 1942–1944. P., 1949. P. 76; Roulleaux-Dugage J. Deux ans d'histoire secrète en Afrique du Nord (Alger, 1940–1942). Gèneve, 1945. P. 145–148.

¹⁸³ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 26–30; Tunisia. A country study. P. 44–45.

¹⁸⁴ История Востока. 2006. Т. V. С. 216–217; Советский Союз и Тунис. С. 29–31.

¹⁸⁵ Там же. С. 217–219; Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 34; Bourguiba H. Op. cit. P. 184; Levi-Provençal E. L'emir Shakib Arslan (1869–1946) – Cahiers de l'Orient contemporain. P., 1947. № 9–10. P. 5–19.

¹⁸⁶ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 35, 50–51.

¹⁸⁷ Там же. С. 57, 69; Szymański Ed. Le problème de l'indépendance de la Tunisie après la seconde guerre mondiale. Warszawa, 1962. P. 13–15.

¹⁸⁸ Де Голль, Шарль. Указ. соч. С. 145–146.

¹⁸⁹ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 76–77; Иванов Н. А. В борьбе... С. 46.

¹⁹⁰ Де Голль, Шарль. Указ. соч. С. 146; История Востока. 2006. Т. V. С. 218.

¹⁹¹ Де Голль, Шарль. Указ. соч. С. 146. Для де Голля было важно «величие Франции», которое чтит Сиди Ламин. И ему не мог нравиться Монсеф-бей, который якобы «сотрудничал» с державами «оси», что утверждали США и французские чиновники. В реальности же бея Монсефа отстранили за «разрыв с привычкой подчиняться Франции» (Le Neo-Destour face à la deuxième épreuve. 1938–1943. Tunis, 1969. Vol. 3. P. 19).

¹⁹² Le Neo-Destour face à la deuxième épreuve. 1938–1943. Tunis, 1969. Vol. 3. P. 27–28.

¹⁹³ История Востока. 2006. Т. V. С. 218–219.

¹⁹⁴ Иванов Н. А. В борьбе за независимость. С. 48.

¹⁹⁵ Там же. С. 48–49.

¹⁹⁶ Le Neo-Destour face à la deuxième épreuve. P. 11.

¹⁹⁷ Ibid. P. 11–14.

¹⁹⁸ Ibid. P. 15.

¹⁹⁹ Ibid. P. 17–18.

²⁰⁰ Ibid. P. 18.

²⁰¹ Ibid. P. 21.

²⁰² Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 87.

²⁰³ Там же. С. 87–89.

²⁰⁴ Там же. С. 90–92; Ling D. L. Op. cit. P. 188. Об эмире Абд аль-Крима подробнее см.: Луцкая Н. С. Республика Риф. М., 1959; Луцкая Н. С. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973.

- ²⁰⁵ Видясова М. Ф. Указ. соч. Т. I. Кн. 2. С. 97.
- ²⁰⁶ Там же. С. 111; Aron R. et autres. *Les origines de la guerre en Algerie*. P., 1962. P. 312; Merle R. Ahmed Ben Bella. P., 1965. P. 81–83; Naegelrn M.-E. *Mission en Algérie*. P., 1962. P. 173–174.
- ²⁰⁷ Aron R. et autres. *Op. cit.* P. 312; Merle R. *Op. cit.* P. 83; Harbi M. *Aux origines du FLN: le populisme révolutionnaire en Algérie*. P., 1975. P. 60.
- ²⁰⁸ Abbas F. *La nuit coloniale*. P., 1962. P. 150; Bourguiba H. *La Tunisie et la France*. P. 189–200.
- ²⁰⁹ Le Tourneau R. *Op. cit.* P. 357. Об особенностях характеров и программ Аббаса и Мессали подробнее см.: Ланда Р. Г. Фархат Аббас (Вопросы истории. 2004. № 9. С. 58–82); Он же. Ахмед Мессали Хадж (Вопросы истории. 2005. № 3. С. 47–71).
- ²¹⁰ Видясова М. Ф. Указ. соч. Т. I. Кн. 2. С. 110–113.
- ²¹¹ Там же. С. 116–117.
- ²¹² Там же. С. 120–121.
- ²¹³ Там же. С. 119.
- ²¹⁴ В Алжире с 1930 г. (т.е. с года 100-летия завоевания страны французами) вполне официально проповедовался тезис «Алжир – это Франция». В это верили даже не говорившие по-французски европейские колонисты, считавшие Средиземное море «небольшой речкой, разделяющей французские департаменты» (*Muslim World*. 1975. № 1. P. 39).
- ²¹⁵ Camau M. *La Tunisie*. 1989. P. 55.
- ²¹⁶ Ibid. P. 53–54. Только в 1947 г. в правительство Туниса были «допущены» 6 министров-тунисцев, а с 1951 г. их возглавил премьер-тунисец. Но из 28,5 тыс. чиновников 17 тыс. по-прежнему оставались французами.
- ²¹⁷ Иванов Н. А. В борьбе за независимость. С. 55–58; Себа, Поль. Тунис. М., 1953. С. 245–246.
- ²¹⁸ История Востока. М., 2008. Т. VI. С. 113; Camau M. *Op. cit.* P. 54.
- ²¹⁹ Видясова М. Ф. Указ. соч. Т. I. Кн. 2. С. 125.
- ²²⁰ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 58–59.
- ²²¹ Видясова М. Ф. Указ. соч. С. 190–192.
- ²²² Там же. С. 193–196.
- ²²³ Там же. С. 230; Harbi M. *Aux origines du FLN...* P. 182.
- ²²⁴ Merle R. Ahmed Ben Bella. P. 90–95.
- ²²⁵ Ling D. L. *Op. cit.* P. 131.
- ²²⁶ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 60–62.
- ²²⁷ Boyer de Latour P. *Vérités sur l'Afrique du Nort*. P., 1956. P. 59.
- ²²⁸ Raymond A., Poncet J. *La Tunisie*. P., 1971. P. 46–47.
- ²²⁹ Ibid. P. 68.

- ²³⁰ Ibid. P. 69.
- ²³¹ Ibid. P. 71; Иванов Н. А. Указ. соч. С. 64–65.
- ²³² Новейшая история арабских стран Африки. М., 1990. С. 283.
- ²³³ Le Neo-Destour face à la troisième épreuve. 1952–1956. L'échec de la répression. Tunis, mai 1979. P. 125–127.
- ²³⁴ Ibid. P. 128–130.
- ²³⁵ Szymański, Edward. Le problème de l'indépendance de la Tunisie après la seconde guerre mondiale. Warszawa, 1962. P. 53–55.
- ²³⁶ Ibid. P. 57–58.
- ²³⁷ Ibid. P. 60–61.
- ²³⁸ Польский историк Эдвард Шиманьский считает, что польза от резолюции все же была, ибо она явилась в какой-то мере «моральной поддержкой» патриотов Туниса.
- ²³⁹ Le Neo-Destour face à la troisième épreuve... P. 144–294.
- ²⁴⁰ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 66–70.
- ²⁴¹ Видясова М. Ф. Указ. соч. Т. I. Кн. 1. С. 472–473.
- ²⁴² Le Neo-Destour face à la troisième épreuve... P. 399–401.
- ²⁴³ Видясова М. Ф. Указ. соч. Т. I. Кн. 2. С. 255–257.
- ²⁴⁴ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 71–72; Le Neo-Destour face à la troisième épreuve... P. 402–407, 441–413.
- ²⁴⁵ Ling D. L. Op. cit. P. 151–155.
- ²⁴⁶ Szymański, Edward. Op. cit. P. 69.
- ²⁴⁷ Ibid.
- ²⁴⁸ Иванов Н. А. В борьбе за независимость. С. 7375. Вполне возможно, что связи с Новым Дустуром (да и с другими партиями) у партизан могли быть, но они оставались тайными, дабы не давать карателям дополнительных поводов для репрессий.
- ²⁴⁹ Дюкло Ж. Мемуары. М., 1975. Т. 2. С. 15–29. Впрочем, знатоки колониальных проблем во Франции не сомневались уже в 1949 г., чем это все кончится: «Ситуация в Северной Африке меняется, – считали они. – Существует арабская элита, достаточно развитая, чтобы полностью взять власть в свои руки, как это произошло в Сирии и Ливане. Англия уже оставила Индию, Палестину, Египет и Ирак. То же сделает и Франция» (Comptes rendus mensuels des séances de l'Académie des sciences coloniales. P., 1949. Т. 9. № 1. P. 28).
- ²⁵⁰ В частности, в Алжире имели место митинги, демонстрации и забастовки солидарности с народом Туниса, сбор средств в его пользу, поддержка обращений тунисцев в ООН, протесты против преступлений колониалистов в Тунисе, о чем пишет в своих мемуарах «Жизнь в борьбе» генеральный секретарь Ассоциации алжирских улемов Ахмед Тауфик аль-Мадани, начинавший свою политическую карьеру в Тунисе в рядах еще единой в 20-е годы партии Дустур (Аль-Мадани

А. Т. Хайяту кифах. Аль-Джазаир, 1978. Ч. II. С. 383–412). В свою очередь, другой алжирец, полковник Ахмед Бен Шериф, служивший в молодости во французских войсках во Вьетнаме, вспоминал в 1977 г.: «Именно тогда я осознал абсурдность моего положения солдата армии, ни идеалов, ни убеждений, которой я не разделяю». Направленный затем в Тунис, он со своим взводом перешел на сторону тунисских партизан (Bencherif A. L'aurore des mechtas. Alger, 1977. P. 10–13).

²⁵¹ Duchemin J. Histoire du FLN. P., 1962. P. 48.

²⁵² Recits du feu. Témoignages sur la guerre de libération nationale. Alger, 1972. P. 16.

²⁵³ Le Tourneau R. Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane. 1920–1961. P., 1962. P. 379.

²⁵⁴ Lakdar M. J'étais un fellaga. P., 1954. P. 20–44.

²⁵⁵ Le Neo-Destour face à la troisième épreuve... P. 525–529.

²⁵⁶ Ibid. P. 530–532, 557–560.

²⁵⁷ Ibid. P. 579–584.

²⁵⁸ Ibid. P. 584–590, 604.

²⁵⁹ Иванов Н. А. В борьбе за независимость... С. 79–80. Э. Шиманьский сообщает об освобождении 24 заключенных 1–2 ноября 1953 г., а 21 декабря еще 41 заключенного, в том числе директора политбюро Нового Дустура Монжи Слива и одного из секретарей ТКП. Возможно, в правящих кругах Франции уже тогда было принято решение, которое министр иностранных дел Морис Шуман позже озвучил так: мол, новый генеральный резидент (т.е. Вуазар) «уполномочен привести Тунис к независимости» (Tunisia. A country study... P. 48; Szymański E. Op. cit. P. 82–83).

²⁶⁰ Иванов Н. А. В борьбе за независимость... С. 80–83; Ling D. L. Op. cit. P. 160; Szymański E. Op. cit. P. 83–84.

²⁶¹ Szymański E. Op. cit. P. 84–86; Boyer de Latour P. Op. cit. P. 61.

²⁶² Иванов Н. А. В борьбе за независимость... С. 85–86.

²⁶³ Szymański E. Op. cit. P. 86. Цитируемое заявление Бургибы – не более чем тактический маневр. Известно, что для непосредственного руководства партизанами Новый Дустур создал после января 1952 г. подпольное политбюро, целью которого было контролировать вооруженную борьбу. Оно не рассчитывало разгромить французскую армию, но использовало «угрозу насилием как средство давления на Францию, чтобы добиться замены режима протектората на внутреннюю автономию» (Видясова М. Ф. Джихад без войны. Т. II. Кн. 1. Путь к обновлению. М., 2007. С. 13).

²⁶⁴ Raymond A., Poncet J. La Tunisie. P., 1971. P. 72.

²⁶⁵ Ibid. P. 73; Szymański E. Op. cit. P. 86–87.

²⁶⁶ Иванов Н. А. Указ. соч. С. 88–89.

²⁶⁷ Camau M. Op. cit. P. 56–58; Rous J. Op. cit. P. 174–176. На местах многие не понимали сути конфликта, ибо Бен Юсуф продолжал считать себя генсеком Нового Дустура. Поэтому исход конфликта был далеко не предreshен. К концу 1955 г. «юсуфисты» контролировали 518 ячеек партии (сами они считали, что 746), а бургибисты – до 1 тыс. ячеек. В дальнейшем эти цифры менялись, поскольку многие меняли не раз принадлежность к той или другой фракции (Видясова М. Указ. соч. Т. II. Кн. 1. 2007. С. 18). Бургиба суть конфликта объяснил просто: господин Бен Юсуф хотел стать номером 1, а не оставаться вторым после Бургибы (Pautard A. Op. cit. P. 129).

²⁶⁸ Camau M. Op. cit. P. 57–58; Raymond A., Poncet J. Op. cit. P. 74–76; Pautard A. Bourguiba. Paris, 1977. P. 143.

²⁶⁹ История Востока. 2008. Т. V. С. 114.

²⁷⁰ Pautard A. Bourguiba. P., 1977. P. 136–137.

²⁷¹ Ibid. P. 141–143.

²⁷² Риффо, Мадлен. Репортаж с «того света». М., 1961. С. 3–42.

²⁷³ Le Neo-Destour face à la troisième épreuve... 1952–1956.

3. L'Indépendance. Tunis, juillet 1979. P. 383–398.

²⁷⁴ Ibid. P. 405–414, 419–430.

²⁷⁵ Ibid. P. 491.

²⁷⁶ История Востока. 2008. Т. VI. С. 114–115. Франция вела тогда тяжелую войну в Алжире и рассчитывала предоставлением независимости Марокко и Тунису привлечь их на свою сторону и тем самым изолировать Алжир. Но этот расчет не оправдался. И Бургиба, и султан (с 1057 г. – король) Марокко Мухаммед V понимали, что, оставляя Алжир в руках Франции, они сохраняют за ней сильнейший рычаг воздействия на Тунис и Марокко.

²⁷⁷ Члены советской делегации на праздновании 1-й годовщины независимости Туниса в марте 1957 г. с интересом наблюдали за престарелым беем, который на любой вопрос давал ответ только после подкаски стоявшего за его спиной и любезно улыбавшегося Бургибы.

²⁷⁸ История Востока. 2008. Т. VI. С. 114–115; Raymond A., Poncet J. Op. cit. P. 79–80.

²⁷⁹ Camau M. Op. cit. P. 59–61.

²⁸⁰ Иванов Н. А. Современный Тунис, 1959. С. 111.

²⁸¹ О новом курсе правительства Туниса мы много узнали, беседуя в январе 1962 г. с директором политбюро Нового Дустура Абд аль-Маджидом Шакером. «Новый Дустур, – сказал он нам, – теперь выступает за экономическое планирование. Уже составлены минимальный (трехлетний) и максимальный (десятилетний) планы развития национального хозяйства». Шакер рассказал о борьбе за «сознательное отношение народа к вопросам экономики, основанное на учете высших государственных интересов». Признав, что против этого

выступают «консервативные буржуазные круги, особенно торговцы», Шакер выразил сожаление, что среди этих смутьянов «немало честных людей, не понимающих новых задач» (Ланда Р. Г. У арабов Африки. Путевые заметки. М., 1967. С. 22).

²⁸² Куприн А. И. Власть и оппозиция в странах Магриба. М., 2011. С. 112–113; Raymond A., Poncet J. *Op. cit.* P. 99–101.

²⁸³ Raymond A., Poncet J. *Op. cit.* P. 100–101.

²⁸⁴ Видясова М. Ф. Указ. соч. 2007. Т. II. Кн. 1. С. 106–107. Тем более что в 1956 г. в Тунисе из 290 предприятий с 50 занятых около 260 принадлежали иностранцам, избавление от которых было не только социальным, но и национальным требованием тунисцев.

²⁸⁵ Там же. С. 381–384.

²⁸⁶ Там же. С. 378–379.

²⁸⁷ Упорное нежелание Франции вернуть Бизерту привело после долгих споров, блокирования Бизерты тунисцами и прочих стычек в 1958–1961 гг. к «битве за Бизерту» по призыву Бургибы 17–22 июля 1961 г. Войска и добровольцы Туниса понесли при этом тяжелые потери (погибли до 1,5 тыс.) и отступили. Вопрос был решен позже, в октябре 1963 г. [Тунис (справочник). М., 1978. С. 90]. Бургиба, конечно, понимал, что лобовая атака на Бизерту ничего не даст. Но ему было важно доказать готовность его страны сражаться за правое дело, поддержать боевой дух патриотов, а также вызвать возмущение позицией Франции во всем мире, что ему и удалось. Принимая в освобожденной Бизерте в 1963 г. президента Египта Насера и президента Алжира Бен Беллу, он доказал им, по словам французского политолога Андрэ Потара, что Тунис вовсе «не поработен иностранными державами», как считал кое-кто в Каире, и что «бургибизм может добиться ухода французских войск», в чем не раз сомневались алжирцы (Pautard A. Bourguiba. Paris, 1977. P. 144–145). В этой связи стоит вспомнить, что позиция Туниса на всех этапах бизертского кризиса была поддержана СССР (См.: Советский Союз и Тунис. М., 2012. С. 40–51 // Запись беседы А. А. Громыко с госсекретарем Туниса С. Мораддемом и послания Н. С. Хрущева Хабибу Бургибе в августе 1961 г.). С. 275.

²⁸⁸ Тунис (справочник). С. 93–94.

²⁸⁹ Rous, Jean. *Op. cit.* P. 186.

²⁹⁰ Тунис (справочник). С. 95.

²⁹¹ Видясова М. Ф. Указ. соч. 2007. Т. II. Кн. 1. С. 114.

²⁹² Raymond A., Poncet J. *Op. cit.* P. 99–101, 108.

²⁹³ *Ibid.* P. 109. Впрочем, в оценках действий Бургибы всегда был разнобой. В 60-х годах его даже называли «пучеглазым революционером». При этом восхищавшийся Бургибой Жан Ру вспоминал, что, согласно Ленину, путь, ведущий к революции, «не всегда столь прям, как Невский проспект». А Бургиба, «не будучи ленинградцем в прин-

ципе», был, по мнению Ру, «пропитан комплексом искусства революции» (Jean Rous. Op. cit. P. 168).

²⁹⁴ Тунис (справочник). С. 93.

²⁹⁵ Там же. С. 95–96; История Востока. 2008. Т. VI. С. 116. Позднее в СДП (в 1958–1973 гг.) насчитывалось от 250 тыс. до 600 тыс. членов.

²⁹⁶ Тунис (справочник). С. 96–97.

²⁹⁷ Там же. С. 98–100.

²⁹⁸ Хеди Нуира (1911–1993), земляк Бургибы и член Нового Дустура с 1934 г. С 1938 г. – лидер профсоюзов. В 1938–1942 гг. находился под арестом во Франции и Италии. Вернувшись в Тунис в 1943 г., возобновил политическую деятельность, с 1948 г. член политбюро партии, с 1954 г. – министр финансов и торговли, организатор Центрального банка Туниса, с ноября 1955 г. главный критик «социалистического эксперимента» Бен Салаха. В ноябре 1970 г. – феврале 1980 г. премьер-министр Туниса и генсек СДП, «человек № 2» в стране. 26 февраля 1980 г. перенес инфаркт и отошел от политики (Видясова М. Ф. Указ. соч. 2005. Т. I. Кн. 1. С. 434–435).

²⁹⁹ Ахмед Мстири – самый первый «либерал» среди бургибистов, министр юстиции в первом кабинете Бургибы 1956 г., потом – член политбюро партии и министр обороны, с 1960 г. – посол в СССР.

³⁰⁰ Ахмед Тлили (1916–1967) – учитель, потом почтовый служащий в г. Гафса, один из основателей Объединения профсоюзов Юга. С 1937 г. член партии Новый Дустур, с 1947 г. – член руководства ВТСТ и глава федерации Нового Дустура в Гафсе. За организацию вооруженных отрядов партизан в Гафсе арестован колониальными властями в феврале 1952 г., освобожден в июле 1954 г. В 1956–1963 гг. член политбюро Нового Дустура, генсек ВТСТ и вице-президент МКСП. После смены руководства ВТСТ в 1965 г. эмигрировал. Умер в Париже. Хабиб Ашур (1916–1999), один из основателей ВТСТ, его генсек и вице-президент МКСП в 1970–1978 гг. До этого возглавил в августе 1947 г. массовую стачку в Сфаксе, в ходе которой были убитые и раненые. За это арестован в январе 1948 г. и приговорен к 5 годам тюрьмы. До 1954 г. – в ссылке, но в 1955 г. – инициатор созыва V съезда Нового Дустура в Сфаксе, обеспечив его охрану из 2 тыс. членов местной федерации ВТСТ. С сентября 1957 г. заместитель генсека ВТСТ, с 1963 г. – генсек ВТСТ. В августе 1965 г. снят со всех постов и исключен из партии. Вернулся к руководству после отстранения Ахмеда Бен Салаха в 1969 г. Пытался путем организации общенациональной забастовки в январе 1978 г. отстоять независимость профсоюзов и их требование повысить минимальную заработную плату. Был за это арестован и осужден на 10 лет каторги, но освобожден в 1980 г. под надзор полиции, в ноябре 1918 г. избран почетным председателем ВТСТ, а в декабре 1984 снова стал его генсеком. В 1985 г. попал под домашний арест. Освобожден в ноябре 1987 г. после отстранения Бургибы (См.: Видясова М. Ф. Указ. соч. 2005. Т. I. Кн. 1. С. 401–402, 447).

³⁰¹ Там же. 2007. Т. II. Кн. 1. С. 116–123.

³⁰² Резолюция ВТСТ вряд ли звучала убедительно. Во-первых, к 1960-м годам Бургиба уже обладал в Тунисе абсолютной властью, и это не было секретом ни для кого. Во-вторых, как отмечает Мишель Камо, «в наиболее интенсивной фазе государственных реформ десятилетия 1960-х годов ни одно общественное учреждение, религиозное, культурное, экономическое, или корпоративное, не избежало прямого контроля Государства-Партии. Общество было низведено до уровня источника государственных импульсов» (Самаи М. *Op. cit.* P. 63–64).

³⁰³ Видясова М. Ф. Указ. соч. Т. II. Кн. 1. С. 125–129. Стоит отметить, что примерно тогда же (22 августа 1961 г.) госсекретарь Туниса по иностранным делам Садок Мокаддем говорил министру иностранных дел СССР А. А. Громыко: «Наша политика неучастия в блоках... совпадает с политикой Советского правительства... Параллельно этому во внутреннем плане правительство проводит политику социального и экономического прогресса, ставя на службу все средства, которыми располагает государство. Таким образом, мы проводим политику, имеющую социалистический смысл, отвечающую всем, кто борется с колониализмом и в этом, ... существуют сходство и взаимные симпатии между Советским Союзом и Тунисской Республикой» (Советский Союз и Тунис. М., 2012. С. 43).

³⁰⁴ Зудина Л. П. Аграрные отношения в Тунисе. М., 1976. С. 72–73.

³⁰⁵ Ardant G. *La Tunisie d'aujourd'hui et de demain.* P., 1961. P. 102.

³⁰⁶ Tiano A. *Le Maghreb entre les mythes.* P., 1967. P. 275.

³⁰⁷ Raymond A., Poncet J. *Op. cit.* P. 109.

³⁰⁸ *Ibid.* P. 111–112.

³⁰⁹ *Ibid.* P. 114–115. По инициативе Бургибы была проведена 3-месячная кампания «консультации с народом», в ходе которой «эксперимент Бен Салаха» всячески дискредитировался, а сам он обвинялся во всех смертных грехах (разумеется, без какой-либо возможности возразить).

³¹⁰ Видясова М. Ф. Указ. соч. 2012. Т. II. Кн. 2. С. 120–131, 221.

³¹¹ История Востока. 2008. Т. VI. С. 117.

³¹² Raymond A., Poncet J. *Op. cit.* P. 102.

³¹³ История Востока. 2008. Т. VI. С. 117–118.

³¹⁴ Цит. по: Видясова М. Ф. Указ. соч. 2007. Т. II. Кн. 1. С. 83–85.

³¹⁵ Там же. С. 90–91.

³¹⁶ Там же. С. 196–198. Прозвучавшее в этой реплике потомка нормандских рыцарей XIII в. высокомерие по отношению к представителю «третьего сословия», да еще из афро-азиатского общества наших дней, как бы символизировало не только политико-культурную, но и социальную пропасть между Востоком и Западом.

³¹⁷ Там же. С. 320. Во время пребывания в Тунисе в 1962 г. и упоминавшейся выше встречи с Абд аль-Маджидом Шакером мы узнали,

что он – не только деятель Нового Дустура, но и адвокат Бен Беллы, находившегося тогда в заключении во Франции.

³¹⁸ Pautard A. Op. cit. P. 145.

³¹⁹ Советский Союз и Тунис. С. 81–85, 88–91, 173–237.

³²⁰ Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. Ин-т Африки РАН. М., 2015. С. 152.

³²¹ Видясова М. Ф., Орлов В. В. Политический ислам в странах Северной Африки. М., 2008. С. 35–36.

³²² См. подробнее: Ланда Р. Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. С. 50–74.

³²³ Исламские радикальные движения... С. 152–153; Куприн А. И. Власть и оппозиция в странах Магриба. М., 2011. С. 142–143.

³²⁴ Куприн А. И. Институты гражданского общества и власть в странах Магриба. М., 2011. С. 84; Samau M. Op. cit. P. 80–81. По мере отказа от «эксперимента Бен Салаха» в Тунис все охотнее поступали «французские, американские, кувейтские, канадские, шведские, германские и другие кредиты» (Raymond A., Poncet J. Op. cit. P. 115).

³²⁵ Raymond A., Poncet J. Op. cit. P. 114–115.

³²⁶ Куприн А. И. Институты гражданского общества... С. 84; Samau M. Op. cit. P. 82–84.

³²⁷ Куприн А. И. Указ. соч. С. 84; Politique étrangère. 1987. № 4. P. 935.

³²⁸ Тунис (справочник). С. 98; Видясова М. Ф. Указ. соч. М., 2012. Т. II. Кн. 2. С. 29–111.

³²⁹ Видясова М. Ф., Орлов В. В. Указ. соч. С. 45–48.

³³⁰ Видясова М. Ф. Указ. соч. 2012. Т. II. Кн. 2. С. 131–139.

³³¹ Там же. С. 134–135.

³³² В годы этих «сумерек» Бургиба разошелся, как уже отмечалось, с Ахмедом Бен Салахом, профсоюзными боссами Ахмедом Тили и Хабибом Ашуром, неоднократно министром и главным оппозиционером Ахмедом Мстири, своим старым другом, не раз бывшим премьером, вице-премьером, главой президентской администрации и членом политбюро СДП Бахи Ладхамом. К ним надо добавить также таких близких к президенту деятелей, как Радия Хаддад, председатель Национального союза тунисских женщин и свояченица Бургибы, рискнувшая сказать ему в октябре 1971 г. на заседании ЦК СДП: «Вы были борцом за независимость, станьте же теперь борцом за демократию». За это ей пришлось через год покинуть свой пост. Подверглись опале также примкнувшие к либералам мэр столицы Туниса Хасиб Бен Аммар, видный журналист (главный редактор ведущих газет СДП «Аль-Амаль» и «Л'Аксьон») Хабиб Буларес, посол в Париже Мухаммед Масмуди, юрист и политик Бежи Каид ас-Себси (потомок мамлюков генуэзского происхождения), деятель СДП и (в 1978–1980 гг.) ДДС, неоднократно министр, дипломат и депутат. Некоторым из них

потом удалось снова подняться. Так, М. Масмуди стал министром иностранных дел, Х. Бен Аммар – министром обороны, А. Мстири – министром внутренних дел, остроумный, эрудированный и располагающий к себе Х. Буларес – министром информации.

³³³ Samau M. Op. cit. P. 82–83.

³³⁴ Ближний Восток и современность. 2003. № 18. С. 463.

³³⁵ Там же. С. 464–465.

³³⁶ Видясова М. Ф. Указ. соч. 2012. Т. II. Кн. 2. С. 115.

³³⁷ Там же. С. 137.

³³⁸ Rous, Jean. Op. cit. P. 176–177, 184.

³³⁹ Samau M. Op. cit. P. 82.

³⁴⁰ Новейшая история арабских стран Африки. М., 1990. С. 304.

³⁴¹ Мзали, Мухаммед (род. в 1925 г. в г. Монастир), дальний родственник Бургибы, выпускник коллежа Садыкийя и философского факультета Сорбонны в Париже. После 1950 г. – преподаватель в лицеях Туниса и муниципальном университете Аз-Зейтуна. В 1955 г. опубликовал книгу «Демократия» и основал журнал «Фикр» («Мысль»). Позже – глава Союза тунисских писателей, хотя был автором не романов, а эссе. В 1956–1958 гг. работал в министерстве образования, в 1959–1984 гг. руководил департаментом по делам детства, молодежи и спорта, в 1964–1968 гг. директор радио и телевидения Туниса. В 1968–1969 гг. министр обороны, в 1969–1970 гг. – по делам молодежи и спорта, в 1973–1976 гг. – министр здравоохранения. Однако наиболее известен стал как министр национального образования в 1969–1970 гг., 1971–1973 гг. и в 1976–1980 гг. и, конечно, как премьер-министр в 1980–1986 гг.

³⁴² Ситуация в Тунисе несколько напоминала алжирскую. В Алжире позиции арабского литературного языка и классической культуры были еще слабее (причем – намного), чем в Тунисе. И когда Алжир, осознав потребность в арабизации культуры, обратился за помощью к соседним странам, он был буквально захлестнут волной «специалистов», среди которых преобладали изгнанные из своих стран панарабисты и исламисты, включая таких всемирно известных лидеров «братьев-мусульман» Египта, Судана и Сирии как Юсуф аль-Кардауи и Мухаммед аль-Газали. Всячески содействуя арабизации и исламизации алжирской культуры и системы образования (а их было очень много, автор этих строк сталкивался в 70-е годы с ними в двух самых крупных университетах страны – в гг. Алжир и Константина), они в 70–80-х годах буквально изменили образ мыслей очень значительной части алжирской молодежи, ранее весьма равнодушной к религии, и объективно подтолкнули ее к последующему участию в гражданской войне 1992–2002 гг., имевшей, помимо всего прочего, отчетливо религиозный аспект. Сказались также рост числа медресе (с 16 до 21 в 1965–1976 гг.) и численности студентов в них (с 3453 до 40800 за то же время). Они выделялись своим агрессив-

ным поведением на лекциях и занятиях не только в университетах, но и в культурном центре СССР (См. подробнее: Шпажников Г. А. Религии стран Африки. М., 1981. С. 55; Ланда Р. Г. От руин Карфагена до вершин Атласа. М., 1991. С. 28–29; *Annuaire de l'Afrique du Nord*. P., 1973. P. 98; Roy O. *Généalogie de l'islamisme*. P., 1995. P. 37–38).

³⁴³ Восточный социум. М., 2007. С. 210–211.

³⁴⁴ Видясова М. Ф., Орлов В. В. Указ. соч. С. 50. По другим данным, погибло 42 и были ранены 325 человек (История Востока. 2008. Т. VI. С. 118).

³⁴⁵ Видясова М. Ф., Орлов В. В. Указ. соч. С. 49.

³⁴⁶ Куприн А. И. Власть и оппозиция... С. 114–115.

³⁴⁷ Там же. С. 115–116.

³⁴⁸ История Востока. 2008. Т. VI. С. 118–119.

³⁴⁹ Рашид аль-Ганнуши (р. 1941) – десятый ребенок от младшей жены отца, крестьянина-традиционалиста и знатока Корана, забравшего 13-летнего Рашида из школы «гарби», т.е. западной, дабы он помогал ему по хозяйству. В 1968 г. он все же стал бакалавром-гуманитарием после 3–4 лет обучения в университете Дамаска и, оказавшись во Франции, вступил в небольшую группу исламистов «Джамаат ат-таблиг». Вернувшись в 1969 г. в Тунис, стал преподавателем философии в лицее и создал в 1970 г. ячейку – ядро будущей Исламской группы, которая считала, что в подлинно исламском обществе «нет места ни парламенту, ни политическим партиям». По мнению некоторых тунисских политологов, группа организационно «обязана Хасану аль-Банна, а идеи почерпнула у Сейида Кутба». Это довольно спорно, ибо аль-Ганнуши и его единомышленники в целом избегали экстремизма египетских «братьев-мусульман» и особенно полубезумных крайностей Сейида Кутба. К тому же известно, что тунисские исламисты, особенно на первых порах, интересовались марксистской литературой не меньше, чем трудами Кутба или Маудуди.

³⁵⁰ Видясова М. Ф., Орлов В. В. Указ. соч. С. 54–59.

³⁵¹ Там же. С. 59; Восточный социум. 2007. С. 212–213.

³⁵² Восточный социум. 2007. С. 213; *The Middle East and North Africa*. London, 1929. P. 1069.

³⁵³ Восточный социум. 2007. С. 214.

³⁵⁴ «Миролюбие» и «умеренность» исламистов, впрочем, были носительны: в августе 1981 г. 17 руководителей ДИН были арестованы за участие в уличных беспорядках и актах насилия. Забегая вперед, укажем, что через 10 лет 300 активистов партии «Ан-Нахда» (наследницы ДИН) были арестованы за попытку создать в Тунисе «исламскую республику», конституцией которой должен был быть Коран (Le Monde. 03.08.1981, 20–27.07.1991). И, судя по всему, сам Бен Али не верил в «миролюбие» исламистов, да и прочих оппозиционеров. Об этом говорят цифры: при Бургибе в Тунисе было 20 тыс. полицейских, а при

Бен Али (к 1999 г.) – уже 90 тыс., т.е. по одному на каждые 106 человек населения (Козлова А. В. Исторические условия формирования и развитие внутренней и внешней политики Туниса в период президентства З. А. Бен Али (рубеж XX–XXI веков). М., 2006. С. 17).

³⁵⁵ Camau M. Op. cit. P. 84.

³⁵⁶ Ibid. P. 87.

³⁵⁷ Ibid. P. 87, 90.

³⁵⁸ Исламисты, почуввав опасность в возвращении Бен Али, выработали ряд мер не только по «сопротивлению», но и по свержению режима, что было зафиксировано в полусекретных решениях IV съезда ДИН в декабре 1986 г., которые все же стали известны властям. 9 марта 1987 г. был арестован глава ДИН, а 24 апреля – еще более 200 его единомышленников в самый разгар студенческих митингов, сопровождавшихся актами вандализма и нападениями на полицию. В августе 1987 г. группа исламистов-маргиналов совершила в Тунисе теракт, ранив 13 человек, а в августе–сентябре состоялся судебный процесс 53 членов ДИН (Видясова М. Ф., Орлов В. В. Указ. соч. С. 72–75).

³⁵⁹ Куделев В. В. Аль-Каида: структуры, союзники и покровители. М., 2008. С. 326–328; L'Humanité, 22.05–06.06.1991.

³⁶⁰ New York Times. 27.09.1987.

³⁶¹ Восточный социум. 2007. С. 215.

³⁶² Видясова М. Ф., Орлов В. В. Указ. соч. С. 75–76. По некоторым данным, Бен Али поторопился с переворотом, будто бы получив сообщение то ли от племянницы Бургибы Сайды Саси, то ли от министра информации Абд аль-Ваххаба Абдаллаха о намерении Бургибы сместить его. С благоволившей к генералу Василию Бургиба с августа 1986 г. был уже в разводе. По рассказам тунисцев (после 7 ноября 1987 г.) президент слушал кого угодно и часто «к вечеру забывал, что сказал утром».

³⁶³ Баккуш Хеди – в 60-е годы губернатор Сфакса. Считается сторонником «социалистического эксперимента» Бен Салаха и был судим вместе с ним, но отделался условным осуждением. С 1979 г. – чиновник по особым поручениям при премьер-министре и директор СДП. Руководил подготовкой X съезда СДП. По предположению М. Ф. Видясовой, «автор сценария ноябрьского переворота» (Видясова М. Ф., Орлов В. В. Указ. соч. С. 79).

³⁶⁴ The Middle East and North Africa. 2000. London, 1999. P. 1067.

³⁶⁵ Восточный социум. 2007. С. 215.

³⁶⁶ Там же. С. 216. С 1991 г. по 2011 г. почти регулярно повторялись теракты исламистов (поджог помещения правящей партии в г. Тунис, потом – «оазис спокойствия» в 11 лет, затем – взрыв синагоги на о. Джерба в 2002 г., перестрелки в декабре 2006 г. – январе 2007 г. похищение 2 австралийцев в марте 2008 г. (Исламские радикальные движения. М., 2015. С. 263–264).

- ³⁶⁷ Видясова М. Ф., Орлов В. В. Указ. соч. С. 78.
- ³⁶⁸ Там же. С. 79.
- ³⁶⁹ Там же. С. 80.
- ³⁷⁰ Jeune Afrique. 2006. № 2365. Р. 84.
- ³⁷¹ The Middle East and North Africa. 2000. Р. 1060.
- ³⁷² Ibid. Р. 7.
- ³⁷³ Васильев А. М. Цунами революций: новые геополитические реалии. М., 2011. С. 26.
- ³⁷⁴ Видясова М. Ф. Джихад без войны. 2012. Т. 2. Кн. 2. С. 80.
- ³⁷⁵ Социальный облик Востока. М., 1999. С. 262.
- ³⁷⁶ Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. И. Катаклизмы в арабском мире. Год четвертый. Новые конституции Туниса и Египта. М., 2014. С. 73.
- ³⁷⁷ Le Monde. 01.09.1994.
- ³⁷⁸ Видясова М. Ф. Джихад без войны. 2012. Т. 2. Кн. 2. С. 292–293.
- ³⁷⁹ Там же. С. 293.
- ³⁸⁰ Там же. С. 294–295.
- ³⁸¹ Там же. С. 300–306. Поэтому все речи Бен Али о «ликвидации нищеты и маргинализации, в которых прозябает живущая в развивающихся странах треть человечества», вызывали у тунисцев лишь возмущение и воспринимались как демагогия (Козлова А. В. Исторические условия формирования и развитие внутренней и внешней политики Туниса... С. 160).
- ³⁸² Исламские радикальные движения на политической карте современного мира. С. 156.
- ³⁸³ Там же. С. 156–157.
- ³⁸⁴ Васильев А. М. Цунами революций: новые геополитические реалии. М., 2011. С. 10; Гучетль Г. И. Демократизация в арабском мире: опыт Туниса и Сирии. М., 1999. С. 71.
- ³⁸⁵ Видясова М. Ф. Указ. соч. 2012. Т. 2. Кн. 2. С. 165–166.
- ³⁸⁶ Jeune Afrique. 1979. № 951. Р. 91.
- ³⁸⁷ Видясова М. Ф., Орлов В. В. Указ. соч. С. 53–54.
- ³⁸⁸ Там же. С. 59.
- ³⁸⁹ Куделев В. В. Аль-Каида в странах исламского Магриба и др. в Северной Африке. М., 2014. С. 5–7, 14–17. Во время пребывания в Алжире в 2008 г. автор этих строк много слышал о типах вооружения, поставлявшихся в Магриб агентурой «Аль-Каиды», в том числе подрывных систем с дистанционным управлением.
- ³⁹⁰ «Джунд Асад ибн Фурат» (армия Асада ибн Фурата) названа была в честь арабского богослова и полководца, завоевавшего в IX в. Сицилию, принадлежавшую тогда Византии.
- ³⁹¹ Куделев В. В. Указ. соч. С. 14–15.

- ³⁹² Куприн А. И. Институты гражданского общества... С. 84.
- ³⁹³ Куприн А. И. Власть и оппозиция в странах Магриба. М., 2011. С. 153.
- ³⁹⁴ Burgat F. Islamisme an Maghreb. P., 1988. P. 115.
- ³⁹⁵ New York Times. 27.09.1987.
- ³⁹⁶ Восточный социум. 2007. С. 217.
- ³⁹⁷ Jeune Afrique. 1989. № 1488. P. 14.
- ³⁹⁸ С 80-х годов доля жителей Туниса, находившихся ниже черты бедности, сократилась в три раза и к 2003 г. была равна 4% (The Economist. 23-29.10.2004. № 8398. P. 47).
- ³⁹⁹ Восточный социум. 2007. С. 220–221.
- ⁴⁰⁰ Куприн А. И. Институты гражданского общества... С. 85.
- ⁴⁰¹ Очевидно, встречи с Бургибой были результативны, так как до 2000 г., т.е. до кончины Бургибы, Бен Али в общем и целом не совершил сколько-нибудь заметных политических ошибок.
- ⁴⁰² Куприн А. И. Институты гражданского общества... С. 88–89.
- ⁴⁰³ Автор этих строк во время одного из визитов в Тунис был удивлен следующей сценой: мы пришли в какую-то мелкую контору в столице Туниса и застали там служащую, готовившуюся к уходу (был конец рабочего дня). Основной заботой женщины было закрыть мусульмански лицо перед выходом на улицу. Именно тогда я узнал, что женщинам-служащим государственных учреждений Туниса запрещено закрывать лицо, когда они находятся на работе, и разрешено это делать, когда они рабочее место покидают. Из своего алжирского опыта я знал, что вовсе не все мусульманки хотят закрывать лицо, но предпочитают «вести себя, как все». Традиции и обычаи на Востоке, как правило, сильнее законов, тем более «импортированных» с Запада.
- ⁴⁰⁴ Видясова М. Ф. Указ. соч. 2012. Т. II. Кн. 2. С. 285–286; Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. И. Двуликий Янус умеренного исламизма. М., 2013. С. 20–21.
- ⁴⁰⁵ Арабский мир в потоке событий и времени. М., 2014. С. 32–33. Хамади Джебали – сын столяра из гор. Сус, учился в Сусе, Реймсе и Париже, инженер в области развития возобновляемых источников энергии с 1978 г. После разгрома ДИН Бургибой возглавил его подпольное руководство. В конце правления Бургибы был приговорен к смертной казни, но в 1988 г. получил политическое убежище в Испании. В 1989 г. помилован и стал с января 1990 г. издавать журнал «Фаджр» («Заря»), рупор партии «Ан-Нахда». В конце 1990 г. арестован и осужден на 1 год тюрьмы за публикацию статьи с «диффамацией о деятельности военных трибуналов». Вновь арестован в 1992 г. и осужден на 16 лет тюрьмы. 10 лет провел в одиночной камере. В 2006 г. помилован. После легализации 1 марта 2011 г. «Ан-Нахды» стал ее генеральным секретарем.

⁴⁰⁶ Мустафа Бен Джаафар, врач, соучредитель Движения демократов-социалистов (ДДС), основанного в 1978 г. последователями течения «либералов» в СДП, заявивших о себе еще в 1971 г. В 1986–1994 г. Бен Джаафар вице-председатель Тунисской лиги за права человека (ТЛПЧ). Под давлением Бен Али был исключен из ДДС в 1992 г. В 1994 г. основал ДФТС, осудив псевдодемократические маневры Бен Али, за что подвергался всевозможным ограничениям, в частности не допускался в парламент.

⁴⁰⁷ Марзуки, Монсеф – бывший президент ТЛПЧ, с которой порвал в 1994 г. Тогда же подвергся заключению в тюрьму на 4 месяца, в конце 2000 г. – под домашний арест, потом эмигрировал во Францию, где работал врачом-неврологом в Париже и вел кампанию в прессе против диктатуры Бен Али. В 2006 г. основал партию КЗР. Она считалась сильным конкурентом ДФТС, хотя в ней было не более 100 членов, живших в Тунисе или в Париже. Исламисты, проявив «миролюбие», согласились на избрание Марзуки временным президентом Туниса 12 декабря 2011 г., тем более что и он охотно шел на соглашение с ними.

⁴⁰⁸ Арабский мир в потоке событий... С. 33.

⁴⁰⁹ Там же. С. 36–37.

⁴¹⁰ Аргументы недели. № 4 (245). 03.03.2011; Известия. 17.01–17.02.2011.

⁴¹¹ Российская газета. 26.10.2011.

⁴¹² Независимая газета. 13.03.2012.

⁴¹³ Восток-Oriens. 2011. № 5. С. 150.

⁴¹⁴ См.: Ланда Р. Г. Арабский мир – конец «эпохи Насера» (Восток-Oriens. 2012. № 6. С. 51–61); Исламизм и арабская «политическая весна» (Восток-Oriens. 2014. № 1. С. 53–65); Исламизм и империализм: соперники или союзники? – В кн.: «Страны Востока: социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации. Памяти А. М. Петрова». М., 2012. С. 37–48.

⁴¹⁵ Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. И. Двуликий Янус умеренного исламизма. М., 2013. С. 8–9.

⁴¹⁶ Там же. С. 13–14.

⁴¹⁷ ПИО, образованная в 1953 г. в Иордании, была вскоре запрещена как экстремистская и ксенофобская террористическая группировка. После этого она тайно создавала свои секции всюду, где могла, в том числе в России, но всюду тут же запрещалась. В Тунисе до 1963 г. была неизвестна.

⁴¹⁸ Основатель ДПП Неджиб Шебби сменил несколько идеологических привязанностей; он был баасистом, маоистом, ультралевым арабским националистом, боевиком палестинского отряда в Ливане и, став адвокатом в Тунисе, мечтал занять пост его президента, но потерпел неудачу.

⁴¹⁹ ТКПР, не примкнув к ДМП, вела свою предвыборную «кампанию под красным знаменем с серпом и молотом», судя по всему оставшись

верной традициям ТКП. Но основа ТКП – в «Таждиде», который предпочел ради единения с другими левыми изменить свой имидж.

- ⁴²⁰ Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. И. Указ. соч. С. 17–19.
- ⁴²¹ Там же.
- ⁴²² Там же. С. 24.
- ⁴²³ Там же. С. 22–25.
- ⁴²⁴ Там же. С. 27.
- ⁴²⁵ Арабский мир в потоке событий... С. 33–34.
- ⁴²⁶ Там же. С. 35–36.
- ⁴²⁷ Там же. С. 37–41.
- ⁴²⁸ Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. И. Катаклизмы в арабском мире. Год четвертый. Новые конституции Туниса и Египта. М., 2014. С. 17.
- ⁴²⁹ К тому же, отмечал в 2006 г. тунисский историк Мухаммед Талиби, даже «при французском протекторате политические оппоненты, начиная с Хабиба Бургибы, имели право высказывать свое мнение. Существовали клубы, политические партии, профсоюзы и газеты» (Цит. по: Куприн А. И. Институты гражданского общества... С. 91).
- ⁴³⁰ Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. И. Двуликий Янус... С. 33–34.
- ⁴³¹ Там же. С. 34–35.
- ⁴³² Там же. С. 36–38.
- ⁴³³ Видясова М. Ф., Орлов В. В. Политический ислам. С. 107–108.
- ⁴³⁴ Минарет ислама. 2014. № 3–4 (37–38). С. 29–31.
- ⁴³⁵ Арабский мир в потоке событий... С. 84–85.
- ⁴³⁶ Там же. С. 86–90.
- ⁴³⁷ Там же. С. 371–390.
- ⁴³⁸ Там же. С. 253–255.
- ⁴³⁹ Washington Post. 29.10.2013.
- ⁴⁴⁰ Известия. 28.02.2011.
- ⁴⁴¹ Арабский мир в потоке событий... С. 241.
- ⁴⁴² Минарет ислама. 2014. № 3–4 (37–38). С. 30–35.
- ⁴⁴³ Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. И. Катаклизмы в арабском мире... С. 17–18.
- ⁴⁴⁴ Исламские радикальные движения... С. 268–271.
- ⁴⁴⁵ Там же. С. 271–272.
- ⁴⁴⁶ Махди Джумаа (р. 1962), инженер французского аэрокосмического концерна в 1988–2009 гг., в 2009–2011 гг. – член его директората, в 2011–2013 гг. – депутат Учредительного собрания Туниса, с марта 2013 г. – министр промышленности. Возглавил «технократический» кабинет министров Туниса, явившийся результатом «национального диалога» (Там же. С. 281).

⁴⁴⁷ Там же. С. 273.

⁴⁴⁸ Нечитайло Д. А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика. М., 2011. С. 315. Исламисты Магриба еще ранее, с 2011–2012 гг., были связаны с «Аль-Каидой», а потом и с ИГИЛ, от которых получали новейшие образцы вооружения, начиная с зенитных установок, способных сбивать летающие аппараты на высоте 5 тыс. м, и кончая взрывными устройствами, действующими на расстоянии до 500 м.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Независимая газета. 03.03.2015.

⁴⁵¹ Независимая газета. 25.02.2015.

⁴⁵² Куделев В. В. Указ. соч. С. 14–15, 336–339.

⁴⁵³ Речь не идет о полном отсутствии терактов в Тунисе. Достаточно вспомнить так и не раскрытые убийства Салаха Бен Юсуфа, Шукри Белаида и Мухаммеда Брахими. Речь идет о неприменении террора как типичного для Туниса средства политической борьбы. Масштабы его использования всегда были ограниченными и не сопоставимыми с тем, что происходило в Алжире, Египте или Ираке.

⁴⁵⁴ Исламские радикальные движения... С. 272–275. С июня 2014 г. в Тунисе действуют террористы из ИГИЛ (ДАИШ). Но точно это не установлено и есть мнение, что за ИГИЛ была принята входящая в АКИМ «бригада Окбы ибн Нафи», названная так в честь первого арабского завоевателя Магриба в VII в.н.э.

⁴⁵⁵ Видясова М. Ф., Гасанбекова Т. И. Катаклизмы в арабском мире... С. 27–28.

⁴⁵⁶ Там же. С. 28–29.

⁴⁵⁷ Там же. С. 24.

⁴⁵⁸ Арабский мир в потоке событий... С. 53; Исламские радикальные движения... С. 276–277.

⁴⁵⁹ Арабский мир в потоке событий... С. 53–54.

⁴⁶⁰ Независимая газета. 28.10.2014. По уточненным впоследствии данным, «Призыв Туниса» получил 86 мест, а «Ан-Нахда» – 66 мест, Народный фронт – 15 мест. 21 декабря 2014 г. президентом Туниса был избран Бежи Каид ас-Севси, получивший 56% голосов избирателей (Долгов Б. В. Генезис исламистского движения в общественно-исторической динамике Алжира, Туниса и арабо-мусульманской диаспоры Франции (Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2017. С. 286–387).

⁴⁶¹ Минарет ислама. 2014. № 3–4 (37–38). С. 32.

⁴⁶² Там же.

⁴⁶³ Арабский мир в потоке событий... С. 91.

RESUME

La monographie “Histoire de la Tunisie, XXème siècle” se compose de l’introduction et 14 chapitres. L’introduction comprend l’information sur la première rencontre de l’auteur avec les Tunisiens. Dans le chapitre 1 fait le récit de la Tunisie avant l’établissement du régime de protectorat français. Le chapitre 2 il s’agit de l’assujettissement colonial de la Tunisie et le s’étape “jeune-tunisienne” dans l’histoire du pays. Le chapitre 3 analyse l’effet produit sur la Tunisie par la Première guerre mondiale et la décennie qui l’a suivi en notant plusieurs changements dans la société tunisienne. Le chapitre 4 décrit le soi-disant “danger italienne” et le chapitre 5 – la naissance et l’évolution du parti Doustour. Le chapitre 6 fait le récit de la vie de Habib Bourguiba et de la spécificité de sa idéologie – bourguibisme. Le chapitre 7 examine l’évolution de la vie politique et sociale de la Tunisie durant la Deuxième guerre mondiale. Le chapitre 8 analyse le développement de politique de Bourguiba de la conception du “compromis honorable” jusqu’à la lutte armée. Le chapitre 9 se nomme “L’autonomie interne, l’indépendance, la republique”. Le chapitre 10 raconte du socialisme doustourien et de l’activité d’Ahmed Ben Salah. Le chapitre 11 fait le récit de la revanche des libéraux et de leur défaite. Le chapitre 12 est consacré à “la révolution des jasmins”, c’est-à-dire à la retraite de Bourguiba. Le chapitre 13 embrasse le problème d’islamisme en Tunisie. Et la chapitre 14 décrit “le printemps politique arabe” et ses traits spécifiques en Tunisie.

Robert Landa

Научное издание

ЛАНДА Роберт Григорьевич

**История Туниса
XX век**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор М. С. Баландина
Корректор М. Я. Колесник
Верстка И. В. Федулов

Подписано 18.10.2017
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 13,75. Уч.-изд. л. 12,4.
Тираж 500 экз. Зак. № 322

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарасьев
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5